

история / география / этнография

Крымское ханство в XVIII веке

Василий Смирнов

Крымское ханство в XVIII веке

Василий Смирнов

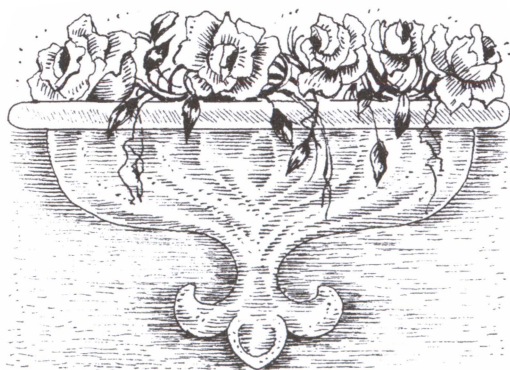

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Василий Смирнов

Крымское ханство
в XVIII веке

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2014

УДК 94(47).06
ББК 63.3(2)46
С50

*Jean Bui
Vitae & Kali*

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибилевой

Глава I

Общее состояние Крымского ханства в начале XVIII века. — Соперничество из-за власти и раздоры между сыновьями Эльхадж-Селим-Герая I. — Ногайские волнения при Газигерай-хане III. — Неудачный поход Каплан-Герай-хана I в Черкесию и свержение его. — Враждебность Девлет-Герай-хана II к России. — Несчастный Прутский поход Петра Великого. — Судьба верховного везира Балтаджи-Мухаммед-паши и Карла XII.

С началом восемнадцатого века для Крымского ханства наступила новая эпоха политического существования. некогда страшное и надоедливое для русских, оно теперь утратило свое устрашающее значение с возрастанием и утверждением военного могущества России со времени Петра Великого. Перестав служить полезным орудием для военных походов Турции, которой теперь самой обрезаны были крылья формальными международными трактатами, крымские татары фактически были предоставлены собственной участи, и только разве гонор заставлял государственных сановников Порты время от времени указывать другим державам на ее верховенство над Крымской областью, неминуемость отпадения которой становилась очевидной для всех мало-мальски сообразительных и дальновидных людей.

Утрата же верховного покровительства Порты не сулила Крымскому ханству надежд и на полную самостоятельность

вследствие близости соседства с могущественной Российской империей: для этого не было ни сил, ни средств у крымских татар. Буйно прожитые их предками два века пропали даром для внутреннего развития и для упрочения международного положения их государства. В грядущем ему предстояло все большее и большее падение и окончательный переход под власть другой державы.

Такая участь, которая готовилась Крымскому ханству, точно отобразилась в одном факте, предшествовавшем смерти последнего в прошлом периоде хана Эльхадж-Селим-Герая I, четыре раза восходившего на ханский трон и стяжавшего себе общую любовь и уважение как среди своих подданных, так и у властительных лиц Турции. Когда этот старик, простудившись на загородной даче Ашлама-Бакче, возвращался для перемены воздуха и для лечения в Бакче-Сарай, спокойно развалившись на подушках в своей царской телеге, то неподалеку от города ни с того ни с сего вдруг с правой стороны упал огромный камень, оторвавшись от тысячелетней скалы, и загородил путь, страшно напугав хана грохотом своего падения. Тогдашние мудрецы крымские истолковали этот обвал как предзнаменование скорого заката «блиставшей лучами правды и справедливости луны в пределах Крыма», то есть близкой кончины любимого хана. Предзнаменование не замедлило осуществиться. Селим-Герай-хан I умер 24 шабана 1116 года (22 декабря 1704). Но с этим умным правителем умерли, можно сказать, и надежды на что-нибудь благое в грядущей жизни его подданных, и, таким образом, необычайное приключение обвала по случайному стечению обстоятельств сделалось предзнаменованием роковой судьбы их обоих — и хана, и подвластного ему народа.

Когда совершены были все обряды похорон покойного хана и траура по нему, крымские аяны (вельможи) составили по старинному обычаю совет о том, чтобы заявить свои желания насчет выбора нового хана. Большинство питало расположение к старшему сыну умершего хана Девлет-Гераю. В этом смысле и составила народная депутация из трех лиц — Абду-ль-Бақы из корпорации капы-кулу¹, Муртазамурзы из эмиров Ширинских и Абду-ль-Азизар-эфенди из крымских улемов. Им вручили петицию и послали в Пор-

ту ходатайствовать о назначении ханом сидевшего в Родосе Девлет-Герая. Один из братьев его, Каплан-Герай, с виду одобрявший этот выбор крымской знати, на самом деле сам зарился на ханский трон, как это явствовало из высказанного им мнения, что ханом надлежит быть тому из рода Селимова, кто ни разу не запятнал себя грязью мятежа, чем ясно намекалось на Девлет-Герая и Гази-Герая, как не отвечавших данному условию. Единомышленник Каплан-Герая, брат его Менглы-Герай, тоже вождевший отвечатъ «халвы власти-тельства» и рассчитывавший на протекцию сераскера Юсуф-паши², отправил гонца хлопотать о предоставлении ханского достоинства ему. Крымский вельможа Бегадыр-ага пытался провести кандидатуру своего родственника Сафа-Герая. Одним словом, по свидетельству Сейид-Мухаммед-Ризы³, «всякий из потомков Чингизовых, кто только питал какую-нибудь надежду, пускал в ход разные средства, чтобы добиться ханского звания; но жребий пал на того, который менее других хлопотал и положился на волю Божию, а именно на Гази-Герая». Третьего числа месяца рамазана того же 1116 года, то есть 30 декабря 1704 года, обычная ханская инвеститура была препровождена из Порты к Гази-Герая, который со всей крымско-татарской знатью выехал из Бакче-Сарая навстречу турецкому посланцу, везшему высочайшую султанскую грамоту и регалии.

Но благополучное с внешней, формальной стороны воцарение Гази-Герая III (1116—1119; 1704—1707) еще не гарантировало дальнейшего благополучия царствования его: искры внутреннего раздора продолжали тлеть в золе испепелившегося в предыдущую эпоху государственного здания и при первом благоприятном случае готовы были вспыхнуть новым пламенем. Уже в конце 1117 года (март 1706) в ханской столице показалась чума. Хан, чтобы рассеяться, выехал на охоту в окрестности Гёзлевэ (Евпатория). Этим воспользовались буджакско-ногайские мурзы Кутлук-Тимур и Картмурза и повели интригу об освобождении ногайцев от подчинения хану. Им оказал свое содействие и Юсуф-паша. Тем не менее кляуза буджакских татар была отвергнута Портою, а еще, напротив, издан был фирман о том, чтобы все дела жителей задунайских ведались ханом Крымским.

Но такое оказанное на первых порах Гази-Гераю доверие еще не было надежным ручательством за прочность его положения. Начавшиеся обрушиваться над Портою несчастья не образумили вовремя ее деятелей: в ней продолжал по-прежнему царить дух интриги, продажности и анархии в правившем классе. Оттого-то, когда в мухарреме 1118 года (апрель 1706) к Гази-Гераю явился ага с письмом, извещавшим о смещении верховного везира Балтаджи-Мухаммед-паши⁴ и о назначении на его место Чорлулу-Али-паши⁵, хан поморщился от такой вести, зная о давних и сильных связях нового везира с Девлет-Гераем и не чувствуя ничего в этом для себя доброго, хотя, из приличия, наградил посланного, подарив ему семь невольников, а также послал с ним притворно-любезное письмо в Порту.

Предчувствие Гази-Герая не обманывало его: обстоятельства складывались не в его пользу. Нужно заметить, что теперь отношения Порты к Крыму приняли совершенно противоположную прежним форму. Пока турки чувствовали себя сильными и постоянно ввязывались в военные столкновения со своими европейскими соседями, Крым служил им постоянным резервом вспомогательных полчищ, облегчавших им своими опустошительными набегами борьбу с неприятелями. Поэтому, мы видели, султаны то и дело по-нуждали ханов к постоянным сборам на войну и походам; ретивых в этом деле чествовали и ценили; уклонявшихся или неохотно отбывавших военную повинность недолюбливали и смешали. Теперь наступили другие времена. Карловицкий трактат⁶ был первым серьезным предостережением Порте на будущее время вести себя не так самонадеянно и высокомерно, как прежде. Неудачи в войнах с русскими показали ей, что путь мирных отношений будет для нее надежнее рискованных военных предприятий. И они, кажется, поняли этот урок: отрешение от должности и потом казнь верховного везира Дал-Табан-Мустафы-паши⁷ были сколько результатом интриги против него шейх-уль-исляма⁸, столько же и делом политических соображений, по которым чересчур воинственный дух садразама⁹ и проникнутая этим духом его политика были признаны не отвечающими требованиям того времени. Но турецкое общество не скоро могло свык-

нуться с этими необходимыми ограничениями своего исконного самомнения. Янычары остались недовольны сменой воинственного везира и назначением на его место человека статского по преимуществу — Рами-паши¹⁰: под первым попавшимся предложением они подняли бунт, стоивший султану Мустафе II (1695—1703) трона.

То же в некотором смысле происходило и с крымцами. Они, можно сказать, были испорчены турецким сюзеренитетом. Как ни дики, ни грабительски были их природные инстинкты, но, предоставленные самим себе, татары под влиянием изменившихся обстоятельств непременно перешли бы к иному, чем прежде, образу жизни. Окончательное разобщение с коренным гнездом, давно уже утратившей свое могущество и павшей Золотой Ордой, постоянное мирное сношение с соседними европейцами мало-помалу отводило бы их от хищнических поползновений, и они бы сделались такими мирными обывателями-хозяевами своего клочка земли, какими их знавали в позднейшее время. Но турки в своих видах старались создать из крымцев поголовную разбойничью кавалерию, всякую минуту готовую идти куда угодно в набег. Постоянно давая такое занятие крымскому населению, турки уничтожили в нем стремление к мирной, трудовой жизни, приучив жить за счет добычи, награбленной во время набегов по турецкой надобности. Если татары, бывало, и отказывались от похода, то разве только сытая лень была тому побудительной причиной. Теперь же, когда даровому источнику их благосостояния сразу был положен предел международными порядками, они очутились, конечно, в самом безвыходном положении: работать не привыкли и не научились, а жить войною стало нельзя. Те же турки, которые прежде подстрекали татар к войне и набегам, теперь всеми мерами старались, в силу принятых на себя международных обязательств, удерживать их от всяких поползновений к грабительским вторжениям во владения соседних государств. Прежде ханы довольно часто были сменяемы за неподчинение приказаниям Порты относительно военных набегов на земли ее неприятелей. Теперь они стали еще чаще меняться, но уже за то, что не в силах были справиться с мятежными толпами своих подданных, беспрестанно волновавшихся,

ища выхода из непривычного для них положения, созданного громадным усилением соседней России и международным ослаблением их сюзерена — Порты.

Так случилось прежде всего с Гази-Гераем. Он долго не царствовал. При нем ногайцы, кочевавшие близ Анапы, ринулись своей мятежной массой за Кубань, производя смуту и беспорядки среди черкесов. Хан поручает усмирение их своему калге¹¹, который с испокон века обязан был ведать дела черкесские. Лукавый Каплан-Герай, почему-то прежде страстно любивший воевать с черкесами, на этот раз счел нужным до поры до времени уклониться от возложенного на него поручения. Метя сам попасть в ханы, он, вероятно, понял, что эти волнения ногайцев рано или поздно послужат-таки причиной свержения Гази-Герая; а потому в своих же интересах не имел надобности стараться о подавлении этих волнений, открывавших ему путь к ханской власти; но только он это устроил благовидным образом, отыскав предлог удалиться в свою резиденцию Ак-Мечеть.

Между тем верховный везирь, задумав посадить на ханство опять приятеля своего Девлет-Герая, повел интригу против Гази-Герая и орудие для нее нашел в собственном ханском везире Мустафа-аге. От московского царя прислан был в Порту посол с жалобой на беспокойное поведение ногайцев и татар. Чорлулу-Али-паша и воспользовался этим случаем, чтобы сменить хана. Он сообщил заявление русского посла в рамазане 1118 года (декабрь 1706) ханскому везиру. Последний, прибыв в Порту, очернил пред самим султаном намерения и действия хана, которому и дана была отставка. Но только не удалось и Али-паше достигнуть своего: ханство было пожаловано не его другу-приятелю Девлет-Герая, а калге Каплан-Герая. Что это была чистая интрига, видно из неясности и неопределенности мотивов смены Гази-Герая, приводимых османскими историками. Ему указано было жить в Румелии¹² в Карын-Абаде, где он вскоре и умер от чумы.

У Сестрэнцевича-Богуша¹³ насчет Гази-Герая находят только одни неточности — что будто он сменин за то, что «осмелился советовать Порте войну против России»; что «он уступил весьма спокойно свою корону Девлет-Герая» и что,

наконец, он «удалился в Чингис-Серай, находившийся на один градус экватора от Царя-Града». В «Краткой истории»¹⁴ свержение Гази-Герая поставлено в какую-то связь с поражением и бегством шведского короля от русских, что, как известно, случилось позже. Впрочем, тут вообще как-то неясно сказано, чем повинен был в злосчастном приключении шведского короля хан Крымский, что его за это сменили. Даже год вступления Каплан-Герая на ханство тоже неверно означен — 1120 (1708—1709); в этот год хан как раз получил отставку.

Ханские регалии были вручены новому хану комендантом крепости Ени-Кале Абу-ль-Кавук Мухаммед-пашой, для чего Каплан-Герай специально туда ездил.

При таком очевидном и согласном свидетельстве турецких и крымских историков о том, что преемником Гази-Герая был Каплан-Герай, едва ли заслуживает какого-либо вероятия утверждение Сестренцевича-Богуша, что Гази-Герая наследовал Девлет-Герай, который успел даже оказать «духовное утешение» католикам, позволив им выстроить церковь в Бакче-Сарае и «в том же (то есть 1706) году, в котором он коронован, был свергнут с престола и сослан в Родос, а потом в Хиос». Гаммер¹⁵ тоже, по-видимому, разделяет ошибку Сестренцевича-Богуша, которому он делает упрек лишь только за то, что тот местом ссылки отставленного хана Гази-Герая называет Genghis Serai (?).

С воцарением Каплан-Герая последовала перемена в личном составе главнейших руководителей в ханстве, а именно: младший брат хана, Менглы-Герай, сделался калгой, другой, Максуд-Герай, нур-эд-дином¹⁶; атабек Мердан-Али-ага назначен векилем, то есть первым везирем ханства; из крымских улемов Ибрагим-эфенди-заде Мухаммед-эфенди сделан кады-эскером¹⁷, а шейх Муртаза получил должность муфти. В то же время отставной хан Гази-Герай был препровожден везирским агою в Балаклаву, посажен там на корабль, но, за противным ветром не смоги высадиться в Бургасе, выпросил позволение ехать сухим путем в Румелию, где он водворился близ Ямболу в Карын-Абаде и вскоре там умер от чумы.

Новому хану Каплан-Герая I (1119—1120; 1707—1709) вначале как будто было высказано доверие Порты, ибо ему

поручили освидетельствовать крепостные сооружения, произведенные в Ени-Кале. На эту ревизию хан отправился в джемазиу-ль-эввеле 1119 года (август 1707) и дорогой имел неприятное столкновение с мятежным мурзою Джан-Тимуром. Вскоре пошли у него нелады и с прочими мурзами, так что едва не дошло до кровопролития.

По мнению самого хана, причиной такого неудовольствия мурз против него были внешние подстрекательства, и потому он зорко следил за ссыльным братом своим Девлет-Гераем. Когда Девлет-Герай просил разрешения Порты оставить Родос и поселиться в Румелии и на просьбу его уже последовало султанское согласие, то Каплан-Герай, проведав об этом, поспешил заявить со своей стороны, что происходящие в Крыму волнения и беспокойства будто бы возникают чрез письма и внушения Девлет-Герая, а следовательно, водворение его в Румелии сделает его еще более опасным для спокойствия в ханстве. Инсинуация хана имела успех.

Но что погубило Каплан-Герая, так это неудачный поход его на черкесов. Стремление поживиться богатым ясырем с них под предлогом мести за убийство Шегбаз-Герая и, главное, опасение потерять доход с откочевавших подальше кабардинцев в бездоходное время побуждали хана к осуществлению задуманного им похода. Сначала, еще в начале 1119 года (весной 1707) он отправил калгу своего Менглы-Герая уговорить черкесов вернуться в прежнее местожительство; но тот, пробыв там до зимы, вернулся без всякого толка. Тогда Каплан-Герай решился в следующую весну отправиться сам. С этой целью он составил совет важнейших мурз крымских, которые отклоняли его от похода, совершенно резонно выставляя на вид неумение татар владеть огнестрельным оружием, недостаток припасов и обременительность налогов на и без того бедный народ. Особливо были против военной затеи хана ширинский мир-лива¹⁸ Сары-Кадыр-Шаг-бек и Эльхадж-Джан-Тимур-мурза. Но хан пренебрег их советами. Разнесся в народе слух, что он собирался казнить Эльхадж-Джан-Тимура и его товарищей, и дело дошло бы непременно до бунта ширинских эмиров, если бы только упомянутый Кадыр-Шаг-бек да Гуледж-Абду-ль-Ла-эфенди своим посредничеством не помирили хана с мурзами. Тем не

менее Каплан-Герай собрал огромную армию, завербовав по человеку с каждого дома, а с горожан взыскавши налог, известный под именем «капы-кулу», да еще присовокупив сюда орды ногайских племен, известных под прозвищем «детей трех матерей». Оттоманское же правительство, вероятно обрадовавшись случаю хоть чем-нибудь занять тяготившихся бездействием и лишь производивших мятежи и волнения крымцев, не только дало свое соизволение на предпринятый поход, но еще предписало кафскому¹⁹ бейлербею²⁰ Муртазапаше присоединиться со своим штабом к ханской кампании. Ближайшая цель похода была выжить кабардинцев из их нового поселения (автор «Краткой истории» определяет его на берегу реки Неджана²¹) и вернуть их на прежнее местожительство у Беш-Тау. Предприятие, однако же, имело плачевный исход. Сперва глава кабардинский Кургук-бек присылал к хану послов с предложением увеличения дани ясырем и драгоценными вещами с условием не трогать их. Но когда мирные предложения были отвергнуты, то несчастные черкесы прибегли к хитрости и произвели ночью внезапное нападение на ханский лагерь, перерезав тех, кто не успел спастись бегством.

Подробности этого события есть и у турецкого историка Рашида-эфенди²², но внутренний смысл факта более освещен у Фундуклу²³. Вот что рассказывает последний в статье об отставке Каплан-Герая и назначении во второй раз ханом Девлет-Герая: «Когда Крымские ханы вновь назначались, то у черкесских беков было правило набирать 300 человек ясыря и отдавать новому хану под именем подарка. Крымский же хан Каплан-Герай не удовольствовался этим количеством ясыря, настаивая на своем слове: “Меньше трех тысяч пленных не беру”. Тогда черкесские эмиры посоветовались и говорят: “Хотя и такое количество ясыря отдавать водилось у нас в обычае; но только ведь до сих пор в пятнадцать — двадцать лет один хан был сменяем; теперь же каждый год новый хан — чьих же детей мы будем отдавать? Особливо теперь: большинство народа черкесского освящена благодатью ислама; в каждой деревне, в каждом селе строятся соборные и приходские мечети и школы; исправно совершается пятикратная молитва и идет обучение юношества; дозволено ли

в священном законе полонить целое полчище народа мухамеданского, подобно воюющим гяурам, и отсылать к вашему присутствию? Есть ли соизволение Божие на такое притеснение? Пожалуйста, уж извините; а иначе никак невозможно”. Такой категорический ответ и послали они. А Каплан-Герай-хан собрал татарское войско, переправился из Керчи на противоположную сторону, то есть в Тамань, а оттуда пошел в Кабарду. Черкесские беки пустились на хитрость и сказали: “Мы дадим то количество ясыря; а вы удерживайте татар; дайте нам три дня срока и подождите, пожалуйста”. Гордый хан согласился на их просьбу и расположился в одной долине, предавшись несказанному разгулу и пьянству. Черкесы же с разных сторон сделали внезапное ночное нападение и столько татар изрубили саблями, что никогда не слыхано было такого их избиения, и исчезли. Большая часть именитых и отличных мужей Крыма погибла. Гордый хан едва спасся с несколькими из своей свиты и попал к ногаям: стыдно ему было показаться в Крыму. Крымцы донесли о случившемся в Порту и просили себе нового хана. На совете признан был достойным ханства заточенный на острове Хиосе прежний хан Девлет-Герай, и за ним командирован был с величайшим указом старший мирахор²⁴ Ференг-Осман-ага. 17 числа рамазана пришло известие о прибытии его в Стамбул. Кяхья²⁵ верховного везиря Мухсин-заде Абдул-Ла-ага, чауш-баши²⁶ и полковые аги встретили его близ Чекмедже и привели его, шествуя перед ним с музыкой и церемонией. Его поместили близ мечети Каба-Сакал в доме Кара-Байрам-аги, доставив ему стол и обстановку. 23 числа того же месяца в четверг чрез посредство верховного везиря он приложился лицом к ступеням высочайшего трона в новом киоске, находящемся в собственном его величества саду. В знак уважения его величество падишах тоже сделал несколько шагов навстречу ему; после встречи ему позволено было сесть на покрывале, разостланном по ступеням трона. Первым делом он отказался было от ханства, сказав: “Я, твой раб, был отрешен по тяжкому обвинению. Сколько есть султанов, достойных ханства! Одного из них и возьмите на службу: они сослужат службу к большему высочайшему удовольствию, нежели раб ваш”. Султан возразил на это: “Я спрашивал, я исследо-

вал — за тобой не оказалось никакой вины, и я признал тебя достойным ханства; я ожидаю от тебя услуги!” Затем по обычаю Девлет-Герай получил дорогое облачение и черного в полной сбруе коня и торжественно приведен на свою квартиру».

Вдобавок к этому Рашид-эфенди, подробно описывая Булавинский бунт²⁷, говорит, что когда мятежные казаки были разбиты царскими войсками, то уцелевшая от истребления толпа в 8000 человек бежала на Кубань к ногаям, а Каплан-Герай-хан поселил их в местечке, именуемом Хан-Тепе, в шестичасовом расстоянии от Темрюка. Рашид-эфенди сообщает этот факт без всяких комментариев; а Сейид-Мухаммед-Риза уже прямо указывает на этот поступок Каплан-Герая как на одну из причин смены его, так как это было, говорит он, нарушением существовавшего мирного трактата. Только количество нашедших у хана приют «мятежных Игнат-казаков», как тут названы некрасовцы²⁸, вместо восьми тысяч у Ризы у Рашида-эфенди показано всего одна или две тысячи.

История отставки Каплан-Герая, как она изображена у Фундуклулу, прекрасно рисует нам ближайшие результаты изменившихся отношений Порты и ее соседей, главным образом России. Потеряв источник доходов в набегах на беззащитные окраины России, крымский хан, для поддержания своего упавшего экономического благосостояния, обратил свое внимание на подвластных ему черкесов. Потерпев и на этом пути фиаско, он в отчаянии дает прибежище взбунтовавшимся казакам в надежде, вероятно, найти в них себе поддержку в случае нового нападения на черкесов, потому что едва ли бы он примирился с посрамлением, которое они ему нанесли.

Лишенный трона Каплан-Герай вместе с Менглы-Гераем, бывшим при нем калгой, вывезены из Крыма специально командированным для этого капыджи-баши²⁹. Дорогой они в городе Измаиле встретились с Девлет-Гераем и, хотя питали в душе вражду друг к другу, все-таки исполнили обычай взаимных приветствий и мирно разъехались. Каплан-Герай поселился на мызе Фундуклу, а Менглы-Герай в деревне Кадды. А затем они, как видно, не миновали острова Родоса, куда обыкновенно заточали отставных ханов.

Девлет-Герай-хан II (1120—1125; 1708—1713) во вторичное свое властвование играл не последнюю роль в политических событиях. А события эти были немаловажные. В эту пору произошла Полтавская битва, печальный герой которой Карл XII после того сел на шею Порте и наделал ей немало хлопот, так что она не знала, как от него отделаться. Вскоре после того победитель Карла XII сам попал в ловушку на реке Пруте, чем доставил неописуемую радость туркам, в последний раз торжествовавшим свою победу над русскими.

Девлет-Герай, как мы знаем, в первый раз был отрешен в тот момент, когда он самым деятельным образом хлопотал о войне с москвитями. Само собой разумеется, что отставка и ссылка его не могли изменить в нем прежних воззрений на отношение к русским. Призванный снова к занятию ханского трона, да еще при этом ободренный особенным вниманием султана, сознавшегося ему в глаза в беспричинности его прежней отставки, Девлет-Герай, без сомнения, вернулся готовый продолжать свою прежнюю политику и приводить в осуществление свои прежние замыслы, хотя теперь он стал действовать с большей осторожностью. Чтобы не встречать себе помехи во влиятельных сановниках Крыма, в Мердан-Али-аге и в муфти Абу-с-Сууде-эфенди, он испросил султанское соизволение казнить этих благоприятелей своего предшественника Каплан-Герая, так что они едва успели спастись бегством от грозившей им гибели — один под покровительство багдадского губернатора, а другой — куда-то в отдаленные пределы, сокрывшись под камилавкой дервиша.

Затеи шведского короля Карла XII тоже как нельзя более соответствовали видам Девлет-Герая, и он, вероятно, очень был рад исполнить данный ему тайный приказ великого везиря Чорлулу-Али-паши через посредство Юсуф-паши оказать шведскому королю помощь. Но когда об этом прознал султан, то он строжайше запретил хану нарушать существующие мирные отношения Порты с Россией, и хан воздержался от оказания помощи Карлу, вследствие чего обманутый король, будучи разбит под Полтавой, пренебрег Крымом, где ему всего ближе и удобнее было искать убежища, а обратился за покровительством к Юсуф-паше, который и водворил его в Бендерах. В то время как в Порту явился русский по-

сол П. А. Толстой³⁰ для переговоров о возобновлении мирного трактата еще на тридцать лет, Карл XII, все еще мечтавший о восстановлении своей военной чести, тоже посылает в Порту человека, прося ее дать ему военный отряд из турок и татар для сопровождения его в свою страну. Русские в переговорах с Юсуф-пашой настаивали на выдаче изменника Мазепы. Получив об этом известие, Порта предписала Юсуф-паше отправить Мазепу в Крым и потом сослаться на ханские правила не выдавать тех, кто находится под их покровительством. Юсуф-паша счел за лучшее возразить русским указанием на нарушение ими османских границ в своих преследованиях разбитых и бежавших шведов. Но как турки ни вертелись, все же в конце концов они предпочли мирные отношения с Россией новым связям со шведским рыцарем, которому послана была султаном грамота об удалении его в свое отечество и при этом деньги на дорогу. Карл XII с удовольствием принял подарки султана и отринул подарки великого везира, узнав, что он был главным сторонником заключения мира с Россией. Все это относится к 1121 году (1709). Мало того: в следующем году хану, вместе с Юсуф-пашой и вторым мирахор-агой, дважды было поручаемо как-нибудь устроить дело возврата короля шведского восвосяи.

Несмотря на формально дружественные отношения к России, турки, в сущности, не были спокойны за будущее: у них имелись опасения насчет завоевательных намерений Петра I. Поэтому донесение младшего мирахора Тюрк-Мухаммед-аги с бессарабской границы о крупных военных приготовлениях, делаемых русскими, было принято с большим вниманием, тем более что достоверность своих донесений Мухаммед-ага подкреплял ссылкой на показания шпионов, которых он в восьмимесячное пребывание свое в Бендерах во множестве засылал в русские пределы для разведок³¹. Мало того: ага привез с собой и представил Высочайшему Стремению массу письменных заявлений в том же роде от крымского хана Девлет-Герая, на авторитет которого он опирался особенно, так что невольно возникает мысль о том, не сговорились ли они по этому предмету между собою. «Если, — сказал ага султану, — не угодно поверить мне, то пригласите вашего

раба, хана, пусть он... повергшись лицом к вашему Высочайшему Стремени, расскажет подробно о положении неприятеля. Тогда станет очевидно, лгу ли я или говорю правду. Если он заявит совсем противное тому, что я говорю, то, в пример другим, хочешь — казни меня мучительнейшей казнью, хочешь — сожги в огне». Поэтому в рамазане 1122 года (ноябрь 1710) Девлет-Герай-хан был приглашен в Стамбул для личных объяснений. Хан, разумеется, воспользовался случаем изобразить все ужасы готовящихся захватов русских; вот что он сказал султану на аудиенции, происходившей 14 рамазана: «Державный государь мой, этот гяур — коварный и хитрый гяур. Если, еще полагаясь на его мир, не будет обращено внимание на донесения и рапорты, то результат будет очень печальный. Ведь крымские владения отныне надо считать потерянными; да и Румелия-то того и гляди, что выйдет из вашей власти. А у того гяура цель составляет Стамбул. Что он в эти страны идет, в этом и не сомневайтесь». Тогда султан собрал совет государственных сановников и улемов и предложил их обсуждению донесения, полученные с пограничных местностей, а также и доклад хана об угрозе со стороны России. Речь султана была длинная: в ней он перебрал все факты, какие только имелись, о враждебных предприятиях и планах русских. Члены совета единогласно решили, что надо немедленно начинать войну с гяурами, а шейх-уль-ислям тут же дал и фетву, которой санкционировал вышеозначенное решение³².

Горячность, с которой так неожиданно мирные отношения с Россией получили совсем обратный, враждебный характер, заставляет видеть тут искусственное преувеличение в изображении истинных фактов, не чуждое расчета с чьей-либо стороны, и всего более подозрение должно пасть на Девлет-Герая. В последнем предположении сильно убеждает то обстоятельство, что одновременно с вышеприведенным решением Порты объявить войну России дана была отставка Черкес-Юсуф-паше, который около двадцати лет состоял бабадагским генерал-губернатором и которого историки турецкие в один голос превозносят за его ум, знания, распорядительность и энергию в устройстве пограничных дел вверенной ему окраины. Заручившись довери-

ем Порты, хан тотчас же повел интригу против Юсуф-паши, который своим авторитетом мог разрушить его планы. Он начал говорить насчет его такие вещи: «Я знаю, что война против москочев нарушает его собственный (то есть Юсуф-паши) покой, и он выкажет полное равнодушие и небрежность в обстоятельствах, подлежащих его сообразительности. Покамест этот Юсуф-паша будет находиться на бендерской границе, я решительно не в состоянии выполнить возлагаемых на меня величайших поручений». После таких на тысячу ладов распускавшихся ханом инсинуаций Юсуф-паша был отставлен и заключен в Кылбурунскую крепость. А между тем до сих пор хан хотя и не мог питать дружественного расположения к Юсуф-паше за прежние счеты между ними, все-таки был с ним в согласии, когда им было поручено сообща устраивать дела беглого Карла XII.

В такой же политической неблагонадежности обвинил Девлет-Герай и тогдашнего молдавского господаря Скарлатоглу Николая³³, недовольный за проявленную им непочтительность. Несмотря на то что господарь был, как выражаются турки, «особенным огарком его величества падишаха», то есть чем-то вроде любимца и протезе, внушения хана достигли своей цели: Николай был смнен, а на его место посажен Кантемирович-Малый — Кючук-Кан-Темир-оглу³⁴; это назначение состоялось при исключительных обстоятельствах: в противность обычаю, в третий день байрама состоялся высочайший совет, на котором вновь назначенный воевода повергся лицом к ступеням высочайшего трона и получил присвоенную молдавским господарем инвеституру — шапку, метлу и крытую бархатом соболью шубу. Это был тот самый князь Кантемир, который потом состоял в союзе с Петром I и после неудачной Прутской кампании должен был эмигрировать в Россию. Поэтому-то турецкие историки так немилосердно и костят его. Рашид-эфенди говорит, что этот «безверный изменник» — хаини бидин — и назначен-то был благодаря протекции хана, ходатайствовавшего за него через капы-кяхью³⁵ Давул-Исмаиля-эфенди. А историк Фундуклу, наделяя Кантемира нелестным эпитетом «бир кету похлу гяур», присовокупляет, что он получил свое воеводское назначение за взятку.

Несомненно одно — что Девлет-Герая, увлекшись личными симпатиями, был прав насчет воззрений Юсуф-паши на затеваемую кампанию, но жестоко ошибся в Кантемире, хлопотав ему звание господаря. Но счастье на этот раз благоприятствовало хану: война, которой так хотелось ему, имела, как известно, весьма неблагоприятный и чуть-чуть не гибельный исход для Петра Великого, окруженного соединенными силами турок и татар на реке Пруте. Это был такой триумф для турок, какого потом ни разу не выпадало на их долю. «Целых пять дней сплошь только в Стамбуле происходила пушечная пальба», — говорит историк Фундуклулу, когда кяхья великого везира Осман-ага явился к Высочайшему Стремени и устно сообщил известие о такой достопамятной победе; всем розданы были разные награды; хану посланы ценные подарки при особом рескрипте, а татарским эмирам халаты. Стихотворцы увековечили это событие одами и хронограммами.

Это было в августе 1711 года. Но вскоре и вестник о победе Осман-ага, и пославший его великий везирь Балтаджи-Мухаммед-паша подверглись наказанию, когда столичные недруги великого везира разнесли молву о том, что он не воспользовался как следовало своей победой над русским царем: Мухаммед-паша был 9 шевваля 1123 года (20 ноября 1711) отрешен, а его кяхья Осман 19 зиль-кадэ (30 декабря) казнен. Первого низвергли придворные интриганы; второй погиб благодаря наговорам Девлет-Герая.

Замечательно, что у Сейид-Мухаммед-Ризы о прутской победе соединенных турецко-татарских сил над русскими, в которой крымский хан играл не последнюю роль, сказано очень глухо, в таком роде, что, мол, «благодаря ревности и мужеству Девлет-Герая, оказанным им в победоносной кампании, он возвысился во мнении падишаха и утвердился на троне властительства». И сейчас же вслед за этим читаем у него, что «постыдное и позорное приключение с известным всему свету королем шведским было возведено на Девлет-Герая и послужило причиной его отставки». А затем тоже коротко сказано, что Девлет-Герая в конце сефера 1125 года (февраль 1713) был послан с первым мирахором Мухаммед-агой фирман, которым его приглашали в Адрианополь будто

бы для совещания о политических делах, и, когда он, ничего не подозревая, поехал, ему недалеко от Адрианополя было объявлено, что он отрешен и должен вместо Адрианополя отправиться далее — в Галлиполи, а оттуда на остров Родос в ссылку.

Приключение с Карлом XII, упоминаемое Сейид-Мухаммед-Ризой, состояло в том, что, когда этот авантюрист надоел Порте своим бесконечным проживанием на ее территории за ее счет и разными бесплодными подстрекательствами и смутьянством, на созванном у султана совете решено было послать предписание бендерскому сераскеру Исмаил-паше и крымскому хану о том, чтобы они решительно настояли на немедленном выезде короля в свою страну или насильно схватили и водворили его на жительство в Демиотику. Карл XII, как известно, воспротивился тому и другому и защищался с оружием в руках, когда хотели овладеть его собой, во главе бывшего при нем небольшого отряда. В горячей стычке сподвижники его были почти все перебиты, имущество его разграблено, а сам он схвачен и привезен в Адрианополь. Но за такое успешное выполнение предписанного Портой поручения хан вместо благодарности получил отставку. Той же участи подверглись и шейх-уль-ислям и великий везирь. При этом Рашид-эфенди единственным мотивом такого неожиданного оборота дел выставляет то, что насильственный поступок с королем возбудил говор в народе. Фундуклулу намекает, и то неясно, на какие-то дурные меры и распоряжения в этом деле, как говорит он, со стороны хана и бендерского сераскера, за что обоим стоило бы только казнить в пример прочим; но какого рода были эти дурные действия их, остается сокрытым. Сказано только, что в предупреждение побега хана и поднятия им мятежа его султанским фирманом вызвали под предлогом совещаний и с почетом довели до Адрианополя, а потом взяли да и отправили в ссылку чрез Галлиполи на остров Хиос.

Всего больше подробностей о вторичном ханствовании Девлет-Герая сообщается в «Краткой истории», автор которой в данном случае пользовался каким-то неизвестным источником. В первую заслугу Девлет-Герая вменяется то, что он, сделав еще в 1120 году (1708) набег на русские окраины,

овладел там многими укрепленными местечками, названными крепостями, и захватил массу пленных; а жителей некоторых городов, и именно казаков, привлек на свою сторону, так что они изъявили ему свое подданство. В описании Прутской кампании автор «Краткой истории» приводит слова великого везира, сказанные им в ответ хану, настаивавшему вместе с Карлом XII на отвержении мирных предложений окруженного Петра Великого. Балтаджи-Мухаммед-паша будто бы сказал хану: «Наконец, ты ведаешь дела татарские; дела же Державы (Порты) вверены мне».

Наконец, мотивом отставки Девлет-Герая автор «Краткой истории» выставляет претензию Карла XII на непристойное обращение с ним Исмаил-паши и хана в то время, как они взялись удалить его из Бендер. Им было послано три султанских указа распорядиться с упрямым королем. А когда они сделали свое дело, к королю пришло из Порты известие, гласившее: «На такого рода поступок нет нашего согласия». Король отвечал: «Коли так, то накажите оскорблявших меня». Бедного Исмаил-пашу казнили, а Девлет-Герая отставили. Но ни у одного из турецких и крымских историков нет даже намека на какое-то письмо Карла XII к султану, скомпрометировавшее хана, о котором сообщается у Сестренцевича-Богуша. Дело можно объяснить проще. Порте хотелось непременно спровадить надоевшего ей короля шведского, что и было предписано исполнить бендерскому сераскеру вместе с ханом. Но она не ожидала такого яростного сопротивления со стороны короля и не предполагала, что у них дойдет до кровопролитного побоища. Когда, однако же, таковое случилось, ей стало совестно за свое пренебрежение к правилам гостеприимства и за третирование все же не простого человека, а короля: сбитая военными неудачами спесь Порты обязывала ее быть повнимательнее к требованиям международной вежливости. В таком непоправимом скандале султану оставалось одно средство обелить себя — уволить в отставку главных, действительных или мнимых, виновников этого скандала — хана, великого везира и шейх-уль-исляма, что он и сделал.

Порта, раздосадованная тем, что Балтаджи-Мухаммед-паша плохо воспользовался оплошностью Петра I на Пру-

те, сперва вгорячах хотела было опять начать неприязненные действия с Россией, вероятно, в надежде наверстать упущенное. Турки снова заговорили о походе против русских и, наконец, даже было совсем решились открыть кампанию, так что уже хану, тогда еще Девлет-Герая, были по этому случаю посланы обычные подарки, а верховный везирь Юсуф-паша³⁶, противившийся этой войне и настаивавший на сохранении только что заключенного с Россией мира, еще раньше сменен был. Все это происходило в шеввале 1124 года (ноябрь 1712). Но вскоре за этим турки одумались и сочли за лучшее выпроводить засидевшегося у них Карла XII, пребывание которого и было причиной того, что русские медлили с ратификацией мирного трактата. 12 ребиу-ль-ахыра следующего 1125 года (9 мая 1713) у великого везира состоялся совет в присутствии русских поверенных, на котором решено остаться в мирных отношениях с московским царем. Фундуклулу говорит то же самое, только, по его, совещания происходили не в ребиу-ль-ахыре, а в джемазиу-ль-ахыре (июль) того же года. Но осуществление этой новой международной политической программы досталось уже преемнику Девлет-Герая, сидевшему до этого в заключении, Каплан-Герая, извещение о назначении которого ханом случайно как раз совпало с хлопотами Девлет-Герая о том, чтобы ненавистного ему Каплан-Герая уpekли куда-нибудь еще подальше.

Глава II

Политические виды Каплан-Герая-хана I. — Мятежи Бахты-Герая в Черкесии и бунт янычарского гарнизона в Азове. —

Вынужденная потачка Порты крымцам, отвергшим Кара-Девлет-Герая III. — Нелады Сеадет-Герая-хана III с крымской знатью, стоившие ему трона. — Политическая программа Менглы-Герая-хана II. — Вражда двух сильных партий в Крыму, во главе которых стояли Мердан-Али-ага и Джан-Тимур-мирза. — Приговор Абу-с-Сууда-эфенди и казнь Абу-с-Самада-эфенди. — Мятеж ногайцев под предводительством Аадиль-Герая и усмирение их. — Внутреннее управление Менглы-Герая-хана II и падение его.

Первой заботой вторично воцарившегося Каплан-Герая-хана I (1125—1128; 1713—1716) было вернуть на прежние места подвергшихся гонению со стороны Девлет-Герая своих друзей Мердан-Али-агу и Абу-с-Сууда-эфенди. Калгой, согласно всем источникам, был сделан опять Менглы-Герая-султан, а нур-эд-дином, по одним историкам, был назначен Сахыб-Герай, а по другим известиям — Сафа-Герай-султан.

Решившись окончательно помириться с Россией, Порта позаботилась о скорейшем приведении в надежное состояние крепости Хотин на бессарабской границе. Назначенный туда инженером Халиль-паша составил смету в 2000 мешков чистыми деньгами. Султан осердился на не-

го за такое непомерное исчисление расходов и отослал пашу в Белград. Надзор за рабочими поручен был румелийскому бейлербею Абди-паше совместно с крымским ханом Каплан-Гераем. Проведя зиму 1125 года (1713) в местечке Копанке на реке Днестре, хан вернулся в свою столицу. В признательность за ремонт Хотина ему присланы были сабля и почетный кафтан.

Автор «Краткой истории» передает этот факт в таком духе. Он говорит, что «Абди-паша с османским войском, а Каплан-Герай с татарским прибыли в Хотин только под видом ремонта крепости, а в действительности вследствие известий о приглашении со стороны поляков: цель была та, чтобы там провести зиму, а к весне двинуться в московские пределы». Но союз с поляками не состоялся. Тогда поневоле в том году пришлось чинить Хотин: до зимы приспособили годные помещения и назначили туда гарнизон. Паша вернулся к себе; хан зимовал в Кили, а в 1126 году (1714) пришел в Крым. В таком случае становится понятно, почему султану пришла не по вкусу денежная смета Халиль-паши на сооружение, в котором не имелось даже серьезной надобности.

Когда, однако же, вскоре у Порты произошел разрыв с Венецией, то Каплан-Герай тоже выставил вспомогательный отряд татарского войска под начальством Орского бея, младшего брата своего Селямэт-Герая, назначенного сераскером в Босну. Между тем один из сыновей Девлет-Герая, отставного хана, Бахты-Герай, в надежде занять отцовский престол начал смуту в Черкесии. К нему присоединился, переправившись через Таманский перевоз, прежний нур-эд-дин Бегадыр-Герай. Хан, узнав об этом, послал за ними погоню, но посланные, не догнав их, вернулись ни с чем обратно. Бахты-Герай же на просторе соединился с враждебными крымскому хану ногайскими эмирами, а тех, кто оказывал повиновение хану, как, например, Нур-эд-Дин-мурзу, мурзу Касай-оглу и Касбулат-оглу, убивал, а имущество их грабил. Услышав об этом, хан поручил усмирению мятежа Менглы-Герая, и ему с помощью мурз племен Хатай и Кыпчак удалось переловить бунтовщиков и убийц и учинить над ними расправу; в особенности досталось племенам Оран-оглу, Арсан-бей, Юсуф и Сумах, как самым мятежным.

Одновременно ли и в связи ли с этим бунтом или в другую пору и совершенно самостоятельно, но только при Каплан-Герая происходили беспорядки, о которых повествует Фундуклулу под 1125 годом (1713). «После заключения с московским царем мира, — читаем мы, — татарскому войску и пограничным жителям было строго наказано впредь не делать набегов. Но татары, не повинувшись наказу, пошли производить грабежи по дорогам к Астрахани. Московцы и керманские казаки, перерезав им путь, послали человека к азовскому коменданту везирю Босняк-Реджеб-паше с жалобой и просьбой о возвращении захваченных у них пленников. Тогда он с эрзерумским вали, везирем Тэляк-Али-пашой сели на коня и пошли на них (татар). “Так вы вопреки падишахскому фирману опять делаете набеги? С чьего позволения пошли вы?” — сказали они и бросились на них со своим отрядом войск. Но пока они сражались, очередной отряд янычар, состоявших в азовском гарнизоне, оцепили крепость и говорят: “Мы живем татарской добычей; на этих границах фирманы не исполняются”. Они пошли против пашей и вступили в битву. С обеих сторон несколько человек пало; несколько было ранено; янычары одолели, а наши, вернувшись, вошли в крепость. Паши донесли в Порту о дерзости капы-кулу и о неисполнении фирмана; но так как тогда было время лицемерия, то отделались молчанием: Реджеб-паша был назначен комендантом в Ени-Кале, а его предместник везирь Челеби-Мухаммед-паша комендантом азовским; везирю Теляк-Али-паше велено было отправляться на свою должность; а поверенный янычарского аги в Азове по обвинению в неуправе с солдатской ватагой был отставлен и под именем коменданта сослан в крепость Койне, где и был затем казнен. Крымскому хану Каплан-Герая также послан высочайший указ — крепко держать во всех местах орду татарскую...»

Особенно повредила Каплан-Герая его медлительность во время немецкого похода в 1128 году (1716)³⁷. Решено было хану самому идти на помощь к Темешвару, Менглы-Герая оберегать Буджак, а Селямэт-Герая отправляться в Эрдель; но последний отказался, и его поручение было передано сыну Азамат-Герая Ислам-Герая. События же продвигались

очень быстро; турки терпели поражения; Темешвар с Белградом уже ушли из рук турок в руки неприятелей; а хан все не являлся на помощь. Османская армия уже возвращалась из похода, когда хан только что приближался со своими татарами к Белграду. А виной этой медлительности были, по словам Сейид-Мухаммед-Ризы, зложелательные строптивцы-эмиры, которые советовали хану не очень торопиться в деле повиновения Порте. Раздосадованные же неуспехом кампании турецкие сановники на совете у султана 18 зиль-хыддже 1128 года (2 декабря 1716), рассуждая о поведении хана, остановились на двух предположениях: невообразимая медлительность татар, быстрота которых вошла в поговорку, произошла или оттого, что татарское войско не слушается хана, или же оттого, что он сам утратил энергию и решительность; а следовательно, и в том и в другом случае он заслуживает отставки. Решено было еще раз обсудить этот вопрос на совете у великого везира и о результате доложить султану. На совете, окончательно решившем участь Каплан-Герая, велись такие рассуждения, сообщаемые турецкими историками: «С тех пор, как старик Хаджи-Селим-Герай стал в 1082 году (1671) впервые крымским ханом, и до сего времени в течение сорока лет ханствовали или он сам, или его братья, или его сыновья. Его родственники теперь ужасно как размножились, и все татары от мала до велика, равно как и черкесский народ, считают их наследственными ханами, а проживающие в Румелии царевичи, точно совсем посторонние, ровно ничего в их глазах не значат. Нечего уже и говорить о вступлении их на ханство Крымское: даже тем, которые упоминали о них, оказывалась враждебность. А потому и сами Селимовцы тоже стали говорить, что Крымское ханство есть исключительное их достояние, и когда случились войны, то под разными предлогами не стали ходить, говоря: “Мы не безопасны от неприятеля”; если же и приходят, то с ничтожным количеством татар; а не то стали посылать султанов с несколькими татарами. Каплан-Герай тоже из детей Селим-Герая. Подобно отцу своему, он благожелатель Высокой Державы; но татарский народец сказал ему: “А, и ты тоже был в Эдирне на мирении с московом? Ты прекратил наши доходы?” — и всем отвернулись от него, не стали слушаться его, так что он

не в состоянии был собрать и двух татар воедино; это, по-видимому, и было причиной того, что он не шел к Темешвару».

Некоторые из сановников говорили, что не есть непременно условие быть крымскому хану из сыновей Селим-Герая: почему бы не назначить ханом достойного султана из крымских царевичей, проживающих в румелийских пределах? Может быть, и из них кто-нибудь сослужит хорошую службу. По рассмотрении оказался подходящим старейший из всех царевичей Кара-Девлет-Герай-султан. Поэтому он в конце зи-ль-хыддже 1129 года (ноябрь—декабрь 1717) был объявлен с обычными церемониями ханом, потом отправился в Буджак, собрал там около себя татарское войско и назначен был на охрану Валахии. Но ни один человек из ногайцев, ни старый, ни малый, не оказывал ему повиновения. Он остался лишь при своих приверженцах да двух сотнях татар, которых привели они с собой. По другим источникам, крымские вельможи, услышав о назначении Кара-Девлет-Герая ханом, подали падишаху заявление такого рода: «С фамилией этого хана у нас уже несколько раз было столкновение; у нас с ними нет ладу». Это заявление они, конечно, подкрепили неизбежными шумными сбирками, породившими беспокойство в целом населении. В Порте снова сделано было совещание по этому поводу, и состоялось такое решение: «Хотя это обстоятельство противоречит предыдущему мнению Порты о назначении хана, но так как теперь военное время, то надо принять во внимание настоящее вынужденное положение дел — пойти на компромисс и избежать пока напрасных раздоров, могущих привести к кровопролитию».

В самом деле, история эта произошла вскоре после поражения турецкой армии и завоевания Темешвара немцами, так что Порта была в весьма стесненных обстоятельствах. Поэтому как ни тяжело и ни прискорбно было турецкому правительству уступить требованиям татар, тем не менее оно принуждено было поступить с осторожностью, отложив до другого времени наказание мятежной вольницы, и сделать ханом одного из сыновей Селим-Герай-хана. Таким образом, Кара-Девлет-Герай-хан III (1128—1129; 1716—1717) и не успел побывать в Крыму в сане хана, в котором он числился всего три месяца, в конце одного и в начале другого года. 23

сефера 1129 года (6 февраля 1717) в Адрианополь был вызван проживавший в Ямболу Сеадет-Герай, который и был назначен крымским ханом.

Во всей этой истории самое любопытное представляет мотив, по которому Порты уважила настояния татар на смене хана, — невозможность заставить их повиноваться своим распоряжениям при тогдашних обстоятельствах. Ввиду столь ясных и очевидных причин легкой смены ханов нет оснований искать их в том, что «с одной стороны дворянство и даже сами князья крови Гирея были подкуплены Портой; и с другой предрассудок веры заставлял всех Мусульманов почитать Великого Султана преемником Халифов, хранителем ключей Мекки и главою веры», — как это делает Сестренцевич-Богуш.

При воцарении Сеадет-Герай-хана III (1129—1136; 1717—1729) впервые произведено было отобрание у прежнего, отставного хана Кара-Девлет-Герая пожалованной ему, по исконному обычаю, из султанской казны инвеституры — дорогих одежд и кинжала. Для приведения в исполнение этого никогда прежде не бывалого разжалования был командирован из Порты капыджи-баши. Такое непочтительное обращение Порты с Кара-Девлет-Гераем вскоре свело этого семидесятилетнего старика в могилу. Он погребен в Ямболу в местной мечети.

Такое, уже более потом не повторявшееся поругание личности отставного хана Порты позволила себе, вероятно, ввиду того, что само население крымское не питало никакого уважения к личности Кара-Девлет-Герая. Каприз Порты был посадить на ханский трон Кара-Девлета — ничего не стоило ей и третировать его, так как он происходил из ненавистного крымцам побочного поколения.

Но и при новом хане не восстановилось спокойствие в подвластных ему черкесских пределах. Кроме того, у него возникло недовольство своими родичами: назначенный нур-эдином Аадиль-Герай-султан вскоре отказался от этого звания, и на его место был назначен Ислам-Герай. Сеадет-Герай-хан успел еще совершить одну кампанию против немцев в союзе с османской армией, где долго, в ожидании его прибытия, медлили с решительными против неприятеля действиями. Хан в этот раз привел с собою 60—70 тысяч человек; но, заме-

чает турецкий историк, в армии не находилось опытного полководца, поэтому и не знали, что делать; кроме того, страшно боялись немцев. К этой трусости турок присоединились еще беспорядки и несоблюдение дисциплины в армии, против которых сам бы Аристотель с Платоном, по выражению турецкого историка, не придумали никаких мер, и поражения оттоманских войск продолжались, несмотря на прибытие крымской подмоги и смену военачальников. Волей-неволей пришлось принять посредничество иностранных послов по заключению мира с немцами в шеввале 1129 года (октябрь 1717). В начале следующего года ханскому полчищу, по миновании в нем надобности, было дано позволение вернуться в свои места, и приказано при этом возратить мирным валахам захваченных татарами пленников. Когда перед этим хан отправился из Адрианополя, получив обычные подарки, ему поручено было положить конец своевольным действиям Бахты-Герая, прозванного «Дели-султан», то есть «Отчаянный султан», на которого русский посол явился в Порту с жалобой, что он, набрав шайку татар, производит с нею опустошительные набеги на русские окраины, вопреки существующему между Россией и Портой мирному трактату.

Но более всего хан, конечно, заботился о собственных выгодах. Черкесы, видя ослабление могущества крымских ханов, начали отказывать в платеже им «погрешной дани» невольниками. А между тем другой источник ханских доходов — грабежи и набеги на христианских соседей — в силу изменившихся обстоятельств иссякал. Каплан-Герай, мы видели, поплатился уже за чрезмерно хищнические замыслы против черкесов; но это не остановило его преемника продолжить начатое предшественником. В начале 1132 года (1720) он испросил у Порты разрешение произвести набег на черкесов, которое и было ему дано. Хану вместе с разрешением пожаловано было еще под именем «расходных» — «харджлык» — от султана 8000 гурушей, и отдан был приказ о присоединении к татарской ханской армии вспомогательных сил из войск османских, расположенных в пределах Крыма. Хан, получив полномочие ведать все дела черкесские по своему усмотрению, с многочисленным войском вторгся в Кабарду и провел там около двух лет. В кратком турецком очерке

«Крымской истории» и у Говордза³⁸ говорится, что Сеадет-Герай во время этого похода попался в плен и после возвращения из плена был низложен; между тем в других источниках нет ни слова о плене хана. Сравнительно более подробный рассказ об этом походе Сеадет-Герай-хана находим в «Краткой истории», хотя и не вполне согласный с другими источниками. Сейид-Мухаммед-Риза, например, говорит, что хан по возвращении в столицу отправил сына своего Салих-Герая выжить мятежного Бахты-Герая из его убежища и водворить в румелийские области. Но поход Салиха был неудачен, и тогда хан решил двинуться самолично; но тоже без всякого успеха и только напрасно потерял драгоценное время: вслед за этим пошли волнения и смуты в самом Крыму, повлекшие за собой свержение хана, о чем Риза рассказывает по обычаю витиевато-многословно. В конце концов хан, видя вокруг себя поголовную измену, предоставил все воле Божией, а сам отправился в Порту, где и был отрешен; ханство было предложено «с некоторыми условиями» Каплан-Герая, привезенному в Порту, но тот отказался, и в 1137 году (1724—1725) был сделан ханом Менглы-Герай-хан II.

Сейид-Мухаммед-Риза называет письмо, посланное мятежниками Сеадет-Герай-хану, «противообычным», а кляузу, отправленную ими с депутацией в Порту, «непристойной и безграмотной». По сути, эта кляуза крымцев скорее может служить доказательством их дерзкого самоуправства, чем изобличением злоупотребления властью со стороны хана. Мотивы недовольства их Сеадет-Гераем на вид слишком слабы, чтобы могли служить достаточным основанием для его свержения. Но каждый век и каждый народ имеет свои воззрения на нравственные обязанности человека вообще и правителя в особенности. Историк Халим-Герай³⁹ так характеризует Сеадет-Герая: «Он славился своей щедростью и милостивостью, но был порицаем за отсутствие в нем мужества и храбрости. Был пристрастен к охоте и большую часть времени проводил в разъездах по степям и лугам, занимаясь под предлогом охоты ловлей в объятия газелеоких красоток. В ранние годы юности он выделялся из среды сверстников красивой наружностью и статностью фигуры и, точно царский штандарт, возвышался ростом среди народа, а под конец от

тучности и массивности тела, как носилась молва, он не мог ни ходить, ни двигаться». Значит, Сеадет-Герай-хан был сибарит, чем только дразнил плотоугодный аппетит татарских вельмож, не давая, однако же, им средств для удовлетворения этого аппетита. В этом заключалась и вся его виновность пред ними.

Сановники Высокой Порты не раз секретно совещались, как им поступить в данном случае. Для Крыма нужен был такой хан, который, по словам Сейид-Мухаммед-Ризы, мог «силой власти и правосудия потушить разгоревшийся огонь смуты». Пригодных кандидатов на ханство оказалось двое — отставной хан Каплан-Герай и меньшей брат его Менглы-Герай-султан, бывший одно время калгой. Верховный везирь Ибрагим-паша⁴⁰ в начале 1137 года (октябрь 1724) вызвал их обоих на совет в окрестностях Стамбула насчет мер к прекращению смут крымских. На этот совет сам великий везирь и капудан⁴¹ Мустафа-паша приехали тайно, под предлогом охоты. Братья Гераи тоже хранили строгое инкогнито. Менглы-Герай пленил великого везиря своим сладкоречием и был рекомендован падишаху в ханы. В конце мухаррема (середина октября) он был торжественно ввезен в столицу и с соблюдением известных церемоний произведен в ханы. Другие историки говорят, что Каплан-Герай сам отказался от предложенного ему теперь ханства, ибо он был уже стар, да и не хотел «пачкать в крови правоверных одежд своей непорочности». Что же касается до секретности, с какой велись переговоры о назначении нового хана, то, надо полагать, она была необходима ввиду нахождения в Стамбуле крымской депутации, от которой до поры до времени надо было скрывать соображения Порты.

Менглы-Герай-хан II (1137—1143; 1724—1730), действительно, имел, как оказалось, целый план в голове насчет приведения в повиновение строптивых мятежников: недаром его речи понравились великому везиру. Видя, что ни с помощью своего ханского авторитета, ни открытой военной силой ничего не поделаться с ними, новый хан стал на путь хитрости и коварства. Чтобы отвести на первых порах глаза главным вожакам бунтовщиков, он утвердил их как ни в чем не бывало в их прежних должностях — Абду-с-Самада в должно-

сти кады-эскера, Кемаль-агу — в звании первого министра и Сафа-Герая в звании калги, послав грамоты об этом вперед себя в Крым, а потом уже явился и сам. Прикидываясь ласковым к своим противникам и равнодушным к людям, к которым в душе был расположен, Менглы-Герай-хан разведывал и распознавал врагов и выжидал благоприятного момента для расправы с ними. Такой момент вскоре наступил в виде войны, начавшейся у Порты с Персией. По султанскому фирману хан должен был отправить десятитысячное войско в поход на Персию. Отряд в шесть тысяч татар хан послал под начальством калги Сафа-Герая, прикомандировав к нему таких лиц, как Пурсук-Али и Султан-Али-мурза, и этим способом удалив смутьянов и зачинщиков волнений из Крыма. Другого такого же опасного человека — Мустафу, состоявшего в должности силяхдара (оруженосца) у Кемаль-аги, послал он в Черкесию. Этим ловким маневром хану удалось разрознить сплотившихся мятежников и по частям разделаться с ними. В месяце зи-ль-каде 1137 года (июль—август 1725) вся татарская ватага переправилась через Босфор на анатолийскую сторону, получила там обычные от турок подарки и двинулась по назначению.

В данном случае обращает на себя внимание то, что Порта, прежде всегда гневавшаяся на крымских ханов, если они не самолично предводительствовали своей армией, и косо смотревшая на такое уклонение их от своей исконной обязанности, тут отступления хана от заведенного порядка даже не заметила. Изменившиеся обстоятельства вынудили ее предоставить большую свободу действий своему вассалу, лишь бы только сумел он держать в повиновении беспокойную орду, которая теперь часто становилась для нее обузой. Тем более эта свобода должна была быть предоставлена Менглы-Герая, что он вступил на ханство с самостоятельной программой умиротворения края, а вовсе не в качестве простого исполнителя инструкции, данной будто бы ему султаном, как это сообщается некоторыми историками.

Следуя принципу *divide et impera**, Менглы-Герай II, выведя одну часть беспокойных голов за границу, стал об-

* Разделяй и властвуй (*лат.*).

думывать способы к окончательному укрощению оставшихся дома. Главным образом он хотел приняться за Хаджи-Джан-Тимур-мурзу, который, по словам османского историка Челеби-заде-эфенди⁴², целых уже сорок лет своевольничал, не повинуюсь ни ханской власти, ни повелениям Порты и причиня всякие притеснения своим соотечественникам. С этой целью хан составил совет из Кара-Кадир-Шах-мурзы, Муртаза-мурзы, Абу-с-Сууда-эфенди и других эмиров и улемов, принадлежавших к партии, враждебной грозному Джан-Тимур. Они порешили на том, что с ним надо покончить, и даже пригрозили, что, в случае если хан не совершит предложенной расправы, они должны будут удалиться из пределов Крыма и оттуда уже вести борьбу с врагом своим. Джан-Тимур, прознав чрез своих клеветов о грозившей ему опасности, написал донос, обвиняя Кадир-Шаха и Муртаза-мурзу в мятежных замыслах. Хан же послал ему ярлык, приглашая его в Бакче-Сарай и прося умиротвориться. В то же время он пригласил харатукских, салгырских аянов и прочую знать, именуемую капы-кулу, в столицу. На происходившем в ханском дворце собрании Мердан-Хаджи-Али-ага, заклятый враг Джан-Тимура, держал речь, в которой доказывал всю несообразность поступков ширинских мурз и необходимость решительного их обуздания силой оружия, для чего и предлагал почтенным членам собрания, особенно тем, которые входили в число капы-халкы (лейб-гвардии), продемонстрировать верность хану. Красноречие старого министра так убедительно подействовало на присутствующих, что они тут же дали клятву последовать его предложению. На собрании присутствовали также приверженцы и товарищи Джан-Тимура — Кемаль-ага, Эр-мурза, сын Порсук-Алиаги Осман, брат Кемалья Осман и другие из числа капы-кулу. Предвидя возможность их побега, хан стал соображать о том, как бы преградить им путь. В месяце зи-ль-каде 1138 года (июль 1726) Кадир-Шах и Джан-Тимур со своими вооруженными приверженцами стояли по обе стороны Бакче-Сарая. Хан распорядился устроить засаду из отборных стрелков, с тем чтобы они хватали и немедленно умерщвляли мятежников, когда они явятся в диван по приглашению. Но Джан-Тимур через шпионов и легкомысленных людей, посвящен-

ных в тайну, узнал о готовившейся ему ловушке и тотчас же бежал; за ним последовали и другие его единомышленники. Кадир-Шах-мурза со своими пособниками бросился вдогонку. Хан, рассчитывая на возможность захвата их при Днепровской или Азовской переправе, не дал своего согласия на открытую битву в узкой Бакче-Сарайской долине, чтобы в этой свалке не досталось людям невинным; но потом все-таки, питая желание истребить противников, послал Мердан-Хаджи-Али-агу и Салих-мурзу, но они промедлили. Джан-Тимур перешел через Казандибскую переправу и прошел под крепостью Азовом благодаря содействию азовских янычар.

По вытеснении Джан-Тимура из Крыма одержавшая верх партия, как водится, захватила в свои руки все прерогативы: Кадир-Шах стал ширинским эмиром, Муртаза-мурза его калгой; Сефер-Гази-мурза нур-эд-дином; Мердан-Али-ага опять облечен был саном ханского аги, Абу-с-Сууд-эфенди получил кады-эскерство. Обо всем происшедшем донесено было в Порту с просьбой подчинить, как было прежде, ведению Абу-с-Сууда округа Кафский, Таманский, Судакский и Манкупский. То и другое — донесение и просьба — были отправлены с самим же Абу-с-Суудом.

Пограничным комендантом турецких крепостей сделано было предписание задержать, если представится случай, Джан-Тимура и его сообщников. Вместо того азовский комендант Мустафа-паша оказал ему всякое содействие к благополучной переправе и путешествию в Черкесию, так что Порте пришлось повторить свое предписание и на этот раз ограничиться строжайшим требованием только полного невмешательства со стороны турецких гарнизонных янычар в дела татарские. Вместе с тем турецким комендантам дан был приказ сообразовать свои действия с намерениями и распоряжениями хана, занятого усмирением бунтовщиков. Все это было в конце мухаррема 1138 года (начало октября 1725).

По представлению хана главнокомандующий османской армией в персидском походе Кёпрюлю-заде Абду-л-Ла-паша произвел расправу над некоторыми из главных участников бунта, казнив, между прочим, сына Джан-Тимура Бегадыршаха и сияхдара Мустафу; а калга Сафа-Герай, вместе с го-

ловами казненных, был вытребован в Порту и потом сослан на остров Хиос. Кроме того, в самом Крыму было несколько человек повешено торжественно на площади с прочтением султанского фирмана, а имение Кемаль-аги было конфисковано. За такую распорядительность и сообразительность хана ему были высланы деньги, а Абу-с-Сууду пожалованы во владение деревни и дано согласие на просьбу о расширении его юрисдикции в пределах Крыма.

В начале 1139 года (конец 1726) татарские войска, бывшие под начальством нур-эд-дина Селямэт-Герая в персидском походе, стали разбегаться; оставшиеся страдали от болезней и изнурения, и тогда им разрешено было вернуться через Трапезунд на кораблях восвояси. В то же время ссыльному Сафа-Герая, вследствие нездорового климата хиосского, по ходатайству хана дозволено было поселиться в своем чифт-лике⁴³ в Ямболу. Назначенный на место его калгой Аадиль-Герай, однако же, не захотел отправляться в Персию на театр военных действий в качестве главнокомандующего татарским отрядом, а потому получил отставку в начале сефера 1140 года (середина сентября 1727) и отправлен на жительство также в окрестностях Ямболу. Причиной отказа Аадиль-Герая было его намерение поднять бунт среди буджакских ногайцев в пользу отставного хана Каплан-Герая. Ему и удалось поднять Буджакскую орду, когда он проезжал через нее в свой чифтлик после отрешения от должности калги. Орда эта с того самого времени, как Порта взяла ее под свое покровительство, все никак не могла размежеваться с соседней Молдавией. Предводители мятежных ногайцев с Аадиль-Гераем во главе послали через бендерского коменданта в Порту заявление о желании их иметь ханом Каплан-Герая и об отводе земель в Молдавии выгнанным из нее ногаям. В противном случае они грозили выселиться в Польшу.

Коренные крымцы вознегодовали на такое неслыханное доселе вмешательство ногайцев в дело смены и назначения крымских ханов и, со своей стороны, отправили в Порту протест, в котором выражали свое полное довольство образом правления хана Менглы-Герая. Расчеты бунтовщиков оказались ошибочными. Хану была выслана подтверждающая грамота и вторичная инвестирура, а для усмирения ногай-

цев отражены были большие военные соединенные силы турецких сераскеров и крымского хана. Мятежники смирились. Аадиль-Герай по ходатайству хана получил амнистию, да еще и пенсию, и водворен в своем чифтликке. Ногайцам велено сидеть смирно на отмежеванных им землях и не трогать соседей, под угрозой взыскания с них контрибуции в размере тысячи мешков акче⁴⁴ за всякий беспорядок. Разграбленное во время этого мятежа имущество мирных жителей было по возможности разыскано и возвращено хозяевам. Акт умиротворения был облечен в форму официального документа, составленного и скрепленного кады-эскером Абу-с-Суудом в половине шабана 1140 года (конец марта 1728). Бежавших в Польшу мурз ногайцам не велено было принимать больше к себе, а оставшихся их приверженцев должны были выдать для ссылки их в Крым.

Но этим еще не совсем закончилось умиротворение беспокойных ногайцев. Сын Девлет-Герай-хана Бахты-Герай-султан, после отставки отца и по назначении ханом Каплан-Герая, удалился в Черкесию с надеждой найти там себе сильную военную опору и овладеть отцовским тронem. Он собрал вокруг себя несколько не хотевших повиноваться крымскому хану ногайских мурз и стал производить с ними грабежи и убийства. Усмирение этой шайки было поручено Менглы-Герая, который и исполнил это поручение с успехом. Но сам Бахты-Герай ускользнул от плена и продолжал время от времени творить смуты, то делая вид покорности крымскому хану, то соединяясь с калмыками, чтобы совершать насилия над мусульманскими обитателями кубанских поселений.

Волнение среди буджакских ногаев показалось Бахты-Герая благоприятным моментом для возобновления своевольных действий в черкесских пределах, и он подстрекнул калмыков захватить Эдисанскую орду ногайцев. Хан донес об этом в Порту и попросил об отправке войска с тем, что он сам пойдет или пошлет калгу в качестве главнокомандующего. Порты тотчас отрядила в помощь ему для кубанской экспедиции разные части своих войск, стоявших в Румелии, в придунайских крепостях и в самом Крыму. Бахты-Герай имел намерение подчинить себе всех черкесов и ногаев тех местностей, отдав только одних эдисанцев калмыкам. Но не все

ногайские племена были расположены к этому: многие были против него, и среди них крымцы стали набирать войско, заявляя через парламентаров, что пришли вовсе не с враждебными замыслами. Как только распространился слух о приближении войск, Бахты-Герай бросился в горы; калмыцкое же войско вернулось восвояси.

Таким образом, это волнение было прекращено без всякого кровопролития, благодаря распорядительности хана Менглы-Герая в конце 1140 года (середина 1728). А в рамазане следующего, 1141 года (апрель 1729) хан в признательность за эту распорядительность был приглашен для чествования в Высокую Порту, куда он явился в сопровождении двух царевичей, Халим-Герая и Токтамыш-Герая, и свиты. Их торжественно встретили, угощали и одарили обычным в подобных случаях образом. Торжество это, по свидетельству крымского историка, украсилось полученным известием о смерти Бахты-Герая, нарушавшего покой ханов своими бунтами и мятежами: он был убит черкесами. Хан не забыл и главных своих помощников по управлению: Абу-с-Сууду-эфенди по рекомендации и ходатайству хана был пожалован титул адрианопольского муфти и подтверждены его права на пользование полученными владениями; а Мердан-Али-ага, столетний старик, получил должности губернатора Кафы и коменданта Ени-Кале.

Кроме чисто политических мероприятий, Менглы-Герай-хан II сделал кое-что и для внутреннего благоустройства своих владений: он облегчил налоги и повинности, отменив «налог овечий» и учредив почтовые станции для собственной гоньбы; назначил денежные оклады улемам и т. п. Сестренцевич-Богуш, со свойственным ему католическо-иезуитским ригоризмом и недоверчивостью, такое дает объяснение вышеозначенному действию хана: «Менгли, пришед в ненависть своею строгостью к прежним своим соумышленникам, начал покушаться преклонить паки сердца народа, освобождая его от дани, которую должен был платить хану каждый дом, по барану; однако, невзирая на сие, он был свержен».

В этом отрывке из Сестренцевича-Богуша самое интересное представляет его заключительная оговорка: «однако, невзирая на сие, он был свержен»: выходит, что как будто бы

Менглы-Герай был свержен самими крымцами и чуть-чуть не за то, что приложил столько стараний к водворению спокойствия в стране, страдавшей от междоусобиц и распрей самоуправных влиятельных мурз, за что совершенно справедливо превозносит его крымский историк Сейид-Мухаммед-Риза. Так же отрывочно и без всяких расследований говорит об отставке Менглы-Герая и Гаммер: «Mengligerai wurde abgesetzt»^{*} — сообщает он в конце истории его ханствования мимоходом. Но за что же, в самом деле, был отрешен Менглы-Герай?

Сейид-Мухаммед-Риза лишь отдаленно намекает на причину его отставки в свойственных ему высокопарных выражениях: «Так как начал веять пронзительный ветер насилия и осеннего холода, то в начале 1143 года (осень 1730) следы подувшего ветра, потопляющего корабли красных дней, достигли до подобного раю Бакче-Сарая, и на 15-й день по прибытии подтверждающей грамоты да инвеституры, присланных со стороны падишаха, по случаю высочайшего восшествия на престол (Махмуда I), то есть в ребиу-ль-ахыре 1143 года (октябрь—ноябрь 1730), Каплан-Герай-хан в третий раз стал повелителем страны Крымской; шум страшно-го ветра отставки и отрешения разметал листья его (Менглы-Герая) благополучной жизни; немедленно для удаления из пределов Крыма он надел узду поспешения на ветробежного коня отправления».

Такое витиевато-уклончивое объяснение причины отставки Менглы-Герая надо приписать тому, что Сейид-Мухаммед-Риза писал свою историю, должно полагать, при жизни султана Махмуда I (1730—1754), при котором все это и случилось. Говоря проще, смена Менглы-Герая случилась одновременно с отречением прежнего султана турецкого Ахмеда III от престола по милости взбунтовавшихся янычар и, без сомнения, в связи с этим последним событием. Но когда читаешь известия о свержении султана Ахмеда III, то невольно приходят на мысль вышеприведенные слова крымского историка, показывающие, что оно было действием какой-то слепой стихии; до того неясны обстоятельства, которыми со-

^{*} Менглы-Герай был свергнут (нем.).

проводилось это свержение; до того необузданность янычарского своеволия в это время утратила всякую осмысленность в своих проявлениях. И Гаммер, и Цинкейзен⁴⁵ повествуют об этом событии на основании мемуаров современников-очевидцев из европейцев, но сообщаемые ими подробности нисколько не проливают света на главные мотивы этого мятежа. Мы знаем, что тогда Турцией объявлена была война Персии. Но не успели еще турки проделать всех торжественных церемоний перед открытием кампании, как пришли вести о том, что ненавистные всем персияне совершили вторжение в пределы Оттоманской империи и овладели несколькими городами, входившими в состав ее территории. Вести эти страшно взбудоражили турок, а мягкий и миролюбивый султан и его верховный везирь все медлили с началом похода. Из-за этого и взбесились янычары; ловкие авантюристы воспользовались их мятежным настроением и раздули простое недовольство в открытый бунт в расчете поживиться при случае перемены главы правительства; в особенности тут фигурировали некто Патрона-Халиль и Муслу, простые наглые янычары, которые, в самом деле, и выиграли от этой сумятицы.

Но если не совсем понятно свержение султана Ахмеда III, то еще непонятнее смещение Менглы-Герая-хана. Османский историк Субхи⁴⁶ говорит только, что некоторые из главных мятежников вздумали сделать ханом поселившегося в Брусе Каплан-Герая и послали заявить верховному везиру об этом как об общем желании всех. Верховный везирь признал назначение Каплан-Герая ханом весьма важным и даже необходимым с точки зрения Высокой Державы делом, да только он опасался, как бы это не взбунтовало приверженцев Менглы-Герая, а такое волнение по обстоятельствам дела было бы на руку врагам веры. Чтобы избежать этого, Менглы-Гераю было послано новое утверждение его на ханстве и приличные султанские подарки. «А так как, — сказал великий везирь, — ханство Каплан-Герая в существе своем есть дело прекрасное, и по мироукрашающему мнению государю, заслуживающее одобрения, то ради предосторожности надо несколько повременить: когда Менглы-Герай поуспокоится, тогда можно послать ему грамоту с приглашением

как будто бы на совет по некоторым важным делам, а как он отправится из Крыма к Порогу Счастья, то дать ему отставку и с дороги прямо отослать в подобающее место». Но, говорит Субхи, ватага смутьянов слышать не хотела толкований садразама, настаивая на скорейшем приведении в исполнение их предложения и грозя, в противном случае, опять раздуть еще тлевшие искры мятежа. Садразам доложил обо всем султану, и капыджи-кяхья Кара-Мустафа-паша-заде Мустафа-бей был послан на чекдырме⁴⁷ в Брусу за Каплан-Гераем. Но тот по болезни предпочел приехать сухим путем и 23 ребиу-ль-ахыра 1143 года (ноябрь 1730) прибыл в Стамбул для совершения обряда возведения в ханское достоинство. В то же время Менглы-Герай был водворен на жительство в Ямболу мубаширом⁴⁸, отправленным к нему с высочайшим повелением об отставке.

Сейид-Мухаммед-Риза подробно повествует о том, как Менглы-Герай поспешно выехал из своих владений раньше, чем прибыл к нему Абду-л-Ла-бей с султанской грамотой об отставке, с которым они встретились уже в Кыл-Буруне; как в Буджаке некоторые из мятежников, ускользнувшие от его преследований, пытались причинить ему разные неприятности, которых он сумел избежать благодаря лишь своей сообразительности и расторопности, и как, наконец, он, по прибытии в Эдирне, послал человека в Порту с просьбой назначить ему местом жительства остров Хиос или Родос, вследствие чего его и сослали на Родос. Последнее было, надо полагать, делом предосторожности со стороны Менглы-Герая, который считал небезопасным для себя оставаться в Румелии.

Глава III

Возвращение крымских эмигрантов с воцарением Каплан-Герая I. — Каплан-Герай на совете сановников Порты. — Донесения Неплюева своему правительству. — Татарские вспомогательные войска в персидской кампании турок. — Русское вторжение в Крым. — Размышления по этому поводу одного татарского шейха. — Повествования татарских и турецких историков о нашествии русских. — Удачные набеги Фэтх-Герая-хана II. — Вторичное вторжение русских в Крым и произведенные ими там опустошения. — Кяхья верховного везира Осман-ага в роли дипломата. — Вторичное ханствование Менглы-Герая II и его политические соображения.

При новом хане Каплан-Герая I (1143—1149; 1730—1736) главные должности в Крыму опять заняты были теми самыми людьми, которые были в опале при Менглы-Герая: Аадиль-Герай стал калгой, родственник мятежного Абду-с-Самада, Фэт-ху-л-Ла-эфенди, — кады-эскером, Кемаль-ага — первым везирем. Между тем старинные слуги Гераев, Хаджи-Мердан-Али-ага и Абу-с-Сууд-эфенди, снова подверглись гонению со стороны воцарившегося в третий раз Каплан-Герая. Абу-с-Сууд так и умер в опале.

В «Краткой истории» еще решительнее говорится о том, как с воцарением Каплан-Герая снова собрались в Крыму и были приняты с почетом лица, находившиеся дотоле — кто в бегах, кто в ссылке, как, например, жившие у калмыков Жан-

Тимур-бек и Кемаль-ага, Мухаммед-ага, бежавший в Польшу Эр-мурза и другие, которые теперь позанимали видные должностные места в ханстве. Это обстоятельство дает ключ к загадке неожиданной смены Менглы-Герая. Прогнанные им мятежники, очевидно, не дремали: они воспользовались замешательством в самой Порте, возникшим вследствие бунта янычар и отречения султана Ахмеда III, чтобы свергнуть ненавистного им хана, чего и достигли с помощью янычар, среди которых у них, без сомнения, были их приятели; вспомним, как главный бунтарь Джан-Тимур спасся от преследования благодаря защите янычарского отряда, несшего гарнизонную службу в Азове. Сам же по себе Каплан-Герай своей личностью не мог представлять никакого интереса для возмущившихся янычар, с которыми у него ничего не было общего: напротив, когда высокопоставленные «благожелатели государства», уже по воцарении султана Махмуда I, начали тайно собираться и обдумывать меры к окончательному подавлению все еще продолжавшегося брожения, то в числе этих «благожелателей» находился и Каплан-Герай.

Одновременно с этим внутренним вопросом государственные сановники Порты обсуждали также и вопросы внешней политики, а именно дела персидские, подавшие повод к внутреннему перевороту. На заседании, происходившем у верховного везира 13 джемазиу-ль-эввеля 1143 года (24 ноября 1730), Каплан-Герай-хан произнес очень дельную речь, в которой убедительно доказывал, что в таком сложном вопросе, как отношения с Персией, следует проявить осторожность. Когда прочитаны были бумаги, полученные от багдадского губернатора Ахмед-паши, и только что пришедшая от персидского посланника Риза-Кулы-хана нота, хан сказал: «Что же — будет ли заключен мир на основании переговоров, бывших при Ибрагим-паше (прежнем великом везире), или же будет объявлена война? Но ведь надо иметь в виду союз московов с персами: война против одних необходимо вызывает войну с другими; надо быть готовым иметь дело с обеими сторонами! И что же — будет ли в одну сторону назначен верховный везирь, а в другую сераскер? Такое серьезное дело трудно решить в одно заседание. Пусть присутствующие здесь аяны и сановники обдумают, что дурного и что хороше-

го в мире и в войне, а мы (то есть он сам) прочтем договоры Высокой Державы с москочами и другими гяурами, а потом уже и посоветуемся и потолкуем, как лучше поступить!» На другой день рано поутру члены совета собрались опять и решили начинать войну с Персией, так как, по их заключению, эта война не представляла явных поводов к нарушению мира ни с москочами, ни с другими гяурами. Но любопытно то, что это заседание совета вместе с такой чисто политической целью соединяло еще и другую — послужить ловушкой для главных вожakov мятежа, которые теперь в качестве важных сановников тоже присутствовали. Заранее подготовленная резня не состоялась тут же в совете только по нерешительному и как будто двусмысленному поведению крымского хана; впрочем, кровавая расправа осуществилась немного позже.

Ввиду такого осторожного до мнительности поведения хана, сообщенный русскому правительству Неплюевым⁴⁹ слух о том, что хан будто бы вооружал Порту против России, очевидно, был неверен. Неверно и то, что Неплюев писал о тогдашнем отношении Порты к крымскому хану — что будто, если бы только хан позволил себе хоть малую дерзость против России, то он был бы «не только смнен, но и смертью казнен». Или муфти и сановники, говорившие это Неплюеву, бессовестно ему лгали, пользуясь незнанием со стороны нашего дипломата правовых отношений крымского хана и Порты, или же Неплюев сам приукрасил услышанное от турецких сановников собственными догадками, не предполагая в них ничего страшного и невозможного.

Из донесений Неплюева, как они передаются в истории Соловьева⁵⁰, не видно также, чтобы ему было хоть что-нибудь известно о положении внутренних дел в Крыму. Если у Менглы-Герай-хана II при отсылке войск в Персию был расчет удалить таким образом беспокойных людей из страны, то Каплан-Герай-хан не имел нужды в такой диверсии. Поэтому если подкупленные Неплюевым турецкие чиновники и дали ему знать, что к хану отправлены указы не подавать ни малейшего повода к ссоре с Россией, дружба которой была очень нужна Порте, то, с другой стороны, по свидетельству турецких историков, Порта, напротив того, прямо давала хану формальные предписания отправлять своих воинов на подмогу османской армии против персов.

Хан сначала послал свое войско под начальством царевичей, а сам отправился к Бендерам и Хотину для содействия возведению в польские короли Станислава Лещинского⁵¹. Царевичи встретили сопротивление со стороны русских отрядов при прохождении путей, лежавших на русских территориях, но преодолели это сопротивление при помощи чеченского бека Ай-Тимура. Затем в 1147 году (1734—1735) хан, несмотря на старость лет, решился отправиться самолично в поход во главе 80-тысячного войска, вверив охрану Крыма калге Аадиль-Герая и Кемаль-аге. По пути он раздавал мелким черкесским владетелям от имени султана награды — знамена, барабаны, шубы и деньги. Когда до сведения хана дошло, что Кёпрюлю-заде Абду-л-Ла-паша потерпел поражение в битве с Тагмасп-Кулы-ханом⁵², то хан не воротился назад, а по своей чингизидской храбрости, говорит крымский историк, через Дербент поспешил вперед. Но как раз в эту пору, в конце 1735 года, русские предприняли нашествие на Крым, рассчитывая на то, что его некому теперь защищать, так как и хан, и большая часть народа, способного носить оружие, были в отлучке. Правда, по другим данным, зимняя пора и недостаток провианта затруднили движение ханского отряда, так что хан, дойдя до Кабарды, там и остановился, а весною уже повернул домой в Крым. Персидская война в это время пришла к концу, а русские обнаруживали все большую и большую против турок или, вернее, против татар враждебность, так что султан послал хану приказ немедленно явиться в Порту для обсуждения усложнившихся обстоятельств. Стало быть, и в этом случае Каплан-Герай был прав, когда на совете Порты предусматривал возможность вмешательства России в войну Порты с Персией. Но насколько он был сообразительный политик, настолько оказался несостоятельным как военачальник: ему пришлось быть свидетелем небывалого в истории Крыма явления — погрома и опустошения, произведенного русскими в самых центральных местностях ханства, вторгшимися туда под начальством Миниха⁵³.

Составитель «Краткой истории», не входя ни в какую оценку случившегося факта, передает некоторые подробности, которые рассказаны у него довольно правдиво и согласны с нашими русскими источниками. Сейид-Мухаммед-Риза же приписывает все несчастье развившейся среди крымских

вельмож гордости и соперничеству, а в войске — слабости и малодушию, вследствие чего не стало, говорит он, у них порядка и сообразительности. В доказательство этого он приводит целиком записку одного из крымских шейхов и важных лиц, близко знавшего все обстоятельства.

Как и следовало ожидать от благочестивого автора этой записки, общую причину бедствия своего отечества он полагает в том, что крымцы забыли Бога, изменили Его заповедям, прилепившись к благам сего тленного мира, за что и понесли должное возмездие. «Чему же, — восклицает он, — как не попушению Божию, приписать то, что сегодня великие султаны и почтенные везири предпримут что-нибудь умное и резонное, а завтра сделают опять как раз наоборот; что ни один человек не желал быть побежденным и пораженным, а между тем все обстоятельства делали неминуемым поражение?!» Такова была причина внутренняя, сокровенная — себэби маанависи — события. Причин же видимых, внешних — себэби сурийиси, — говорит он, и не счесть и приводит только некоторые, расположив их в семи пунктах. Вот эти пункты. 1) Во время возвращения из Дербента крымцы слишком много времени провели в степи и не позаботились о приведении в надлежащий вид рва; а когда хватились, то было уже поздно: неприятель подошел. 2) Они отвергли помощь капудан-паши, шедшего было на помощь к Гёзлеве, а потом стали просить, да уж он не согласился. 3) При встрече в Ялынгыз-Агаче с неприятелем часть из них в страхе разбежалась, остальную можно было бы разбить и лишиться смелости идти в Крым, да хан не дал пушек, когда их у него просили. 4) При встрече с неприятелем в Канлычаке войска, прекрасно выстроившись в боевой порядок, страстно желали сразиться, да их не пускали; а когда несколько бестолковых татар пустились, то гяуры выставили белые знамена; случилось, что около ханского экипажа упала бомба, — хан повернул назад, и все войско тоже невольно дало тыл. 5) Говорили, что канлыкчакские колодцы закопают и неприятель останется без воды, а скот его без корма; а он выкопал чистые колодцы, вошел в крепость, сделал там хлебопекарные печи; держал в своей власти окрестных татар и воспрепятствовал буджакскому войску оказать помощь. 6) Войско исламское не

стеснило лагеря русских. Гяуры, пройдясь около крепости, беспрепятственно разузнали о состоянии рва, а потом, высмотрев пустое во рву место, вошли внутрь его. Мусульманские войска говорили только: «Постоим там, куда не хватают пушки; постережем крепость», — и на это не было дано согласия. В тот день остановились в местечке Четэрлике: а бывшие в крепости гарнизонные сдались на капитуляцию, и крепости у нас не стало. 7) Говорили: «Закопаем колодцы, а сами, не слезая с коней, будем стоять близ стана неприятеля. Бог даст, трех дней не пройдет, как неприятель от жажды ослабнет и не найдет спасения». А между тем колодцы не были закрыты; а сами каждую ночь находились в четырех-пяти часах расстояния от русского лагеря. Ежедневно поутру один раз подойдет к лагерю, погарцуют, но при первом же пушечном выстреле рассеются и уж не остановятся ближе, как отойдя на четыре-пять часов расстояния; а враг, узнав наше положение, без всякого страха и опасения поступал, как ему хотелось. Если бы не было капудан-паши, то не осталось бы ни города Кара-Су, ни Кафы. А как русские пришли в Ак-Мечеть, то всеми овладело отчаяние. Эмиры разделились на две части: одни вошли в союз с ногайскими мурзами; другие пустились бежать во владения оттоманские.

При такой трусости и малодушии крымцев и при отсутствии в них единодушия, говорит Сейид-Мухаммед-Риза, неприятель мог быть задержан в своих опустошительных действиях одним лишь мечом Божиим вроде чумы и холеры, которая страшно свирепствовала в его лагере и породила там панику, так что он должен был вернуться восвояси.

Что же делал хан после этого погрома, беспрепятственно произведенного русскими в его владениях? Что ему оставалось после этого делать, как не отправляться снова в ссылку, из которой он так неожиданно на старости лет выступил на сцену в качестве политического деятеля? Сейид-Мухаммед-Риза так замысловато выразился об отставке Каплан-Герая: «Когда носимое в утробе блудной матери батардов... гнусно-нравное детище мятежа и волнения родилось во время тяжелой беременности управления Каплан-Герай-хана, то это было приписано его плохому повивальному искусству, и он был в ребиу-ль-ахыре 1149 года (август 1736) отставлен, а на-

значен калга Фэтх-Герай-султан». Каплан-Герай был сослан сначала по болезни на остров Хиос; потом, по представлению и просьбе нового хана, был переведен в Галлиполи, затем опять отправлен на вышеупомянутый остров. После просил он разрешения поселиться в Брусе или в своем чифтлике, но, не дождавшись разрешения, умер в шабанах 1151 года (ноябрь 1738) и схоронен, согласно его завещанию, в местечке Чешме, лежащем напротив Хиоса.

Если крымский историк так неодобительно отзывается о поведении своих соотечественников во время нашествия русских, то историк турецкий, напротив, всю беду приписывает исключительно личным качествам хана Каплан-Герая. 20 мая 1736 года Миних донес своему правительству, что он уже в Крыму и что хан «с огромным войском» отброшен: турецкий же историк называет татарское войско «каплей в море» в сравнении с русским; говорит, что у татар не было и оружия-то другого, кроме стрел да сабель. Приписываемая у него татарам бдительность, с которой они денно и ночью окружали неприятельский лагерь, хватая выходящих из него, подтверждается и русскими известиями, вопреки обвинению их в совершенной бездеятельности, которое мы видели в записке крымского шейха. Любопытно поэтому знать, как турецкий историк смотрит на событие, составляющее эпоху в истории Крымского ханства. «Летописи османского дома, — говорит Субхи, — изукрашены известиями о том, как обыкновенно были побиваемы и истребляемы презренные враги всякий раз, когда они дерзали простирать свои стопы, со злостной целью и пакостным намерением, к Крымскому полуострову, искони служащему предметом жадных взоров христианских наций. Случившееся же в этом благословенном году происшествие есть никогда не слыханная и не виданная вещь: это всем и каждому известно. В эту пору бывший ханом в Крыму Каплан-Герай-хан не в состоянии был жить в ладах с населением страны той: показывал ко всем презрение и чрез это отвратил от себя султанов и мурз и озлобил их. Во время битв и сражений он, против их правил, с грубой бесцеремонностью оскорблял всех и каждого противным обычаю холодным обращением. Вследствие этого большинство их вышло из повиновения и послушания, и всякий из них стал склонен к высоко-

мерию и бунту. Порядок и устройство упомянутого владения находились в состоянии разрезанных ножницами оппозиции и смуты. Когда появилось погибельное войско (неприятельское), то все аяны и вельможи растерялись мыслями, и между ними не было единства и согласия. Кроме того, хан, будучи стар и страдая параличом, не мог ездить верхом, а с этим сопряжено было дурное его распоряжение, вследствие чего пола государства и народа была выпачкана грязью вражеского пребывания. После того ясно было, что уже нечего надеяться и предполагать каких-либо со стороны хана услуг, полезных вере и державе; очевидно было, что в таком случае отставка его была благодетельной и полезной как для Высокой Порты, так и для него самого. Он и был отрешен и смещен с ханского трона с предоставлением ему права жить, где он пожелает. Затем сочтен достойным ханского трона Фэтх-Герай-султан, бывший калгою и уже доказавший свое следование по хорошему пути в распоряжении властью и государством». Поэтому ему посланы были султанская грамота и регалии; а для личных переговоров с ним насчет дел кампании и укрепления границ он приглашен был в действующую армию в Исакчи. Там его торжественно встретили, короновали и угощали в течение пятнадцати дней. Там же он имел совещание с хотинским комендантом Колчак-пашою и молдавским воеводой Лигуром насчет пограничных укреплений.

Автор «Краткой истории» говорит, что когда русские стали умирать, что невозможно было успевать хоронить их трупы, и они на девяностый день своего вторжения в Крым опять вышли из него, то хан стоял на месте за Перекопом в Ялынгыз-Агаче; о храбрости же калги Фэтх-Герая дошел слух до падишаха, и к 1149 году капыджи-баши привез ему на корабле диплом на ханство. А Сейид-Мухаммед-Риза проще объясняет дело. «В бытность свою в Стамбуле, — говорит он, — Фэтх-Герай завел связи и дружбу с государственными сановниками и, обладая уже степенью калги, подготавливал себе получение и ханского достоинства: когда сделалась необходима отставка Каплан-Герая, то ключом благодати Господа человек отперлась дверь желаний Фэтх-Герая». По словам Ризы выходит, что к возвышению Фэтх-Герая столько же способствовали личные доблести, сколько связи и про-

текции влиятельных лиц Порты. Правда, что при тогдашней продажности турецкой администрации никакие заслуги не обеспечивали никаких прав на должную оценку их правительством без подкупа тех, в чьих руках находилась эта оценка; тем не менее в деятельности Фэтх-Герая многое говорит в его пользу. Во время персидской войны он не раз спасал османские войска от преследования и избиения их персами. Он выказал себя совершеннейшим джентльменом, находясь в осаде в крепости Гяндже. Когда пришел парламентар с предложением о сдаче крепости и выдаче беглого персидского эмира Казым-хана, то Али-паша, османский сераскер, готов был уже согласиться; но Фэтх-Герай тогда сказал: «Казым-хан пришел к нам, а мы его выдадим, чтобы спасти себя! Уж лучше с честью умереть, чем жить бесчестно: если уж выходить, так выходить с честью!» Недаром же потом его пригласили в действующую армию по назначению уже ханом и чествовали в течение целых шести недель, осыпая подарками и его самого, и его свиту, состоявшую более чем из сорока человек крымских эмиров. Там на военном совете мнение Фэтх-Герая, как человека опытного в военном деле, было принято к сведению и исполнению военачальниками, хотя это мнение было им не совсем по вкусу: хан настаивал на том, чтобы армия не возвращалась в столицу, а оставалась зимовать на Дунае, потому что, говорил он, необходимо отомстить врагам, причинившим им столько горя. И в самом деле: в ту же зиму Фэтх-Герай с огромным татарским войском перешел за Днепр и произвел ужасное опустошение на Украине. Крымский историк говорит, что «добыча, награбленная в этот набег, была так велика, что ни языком пересказать, ни пером описать нельзя». А историк Субхи сотнями тысяч считает забранных тогда татарами русских пленников. В то же время нур-эд-дин Махмуд-Герай и кубанский сераскер Селим-Герай-султан, сын раньше упоминавшегося мятежного Бахты-Герая, производили опустошение по берегам реки Дона. Странно только, что про этот опустошительный набег татар, получивший даже среди них особое обозначение Беш-баш — Пятиглавого, — едва упоминается, и то вскользь, русскими источниками. «Татары иногда прорывались через линию, и хотя им не позволяли больших разбоев, но естест-

венно рождался у некоторых вопрос: к чему же служил поход фельдмаршала Миниха в Крым?..» — говорит про описываемую пору Соловьев. В показаниях турецких и крымских авторов есть, без сомнения, преувеличения; но и наши тогдашние военачальники, должно думать, о многом умалчивали в своих донесениях, благоразумно предпочитая повторять заветное: «все обстоит благополучно».

Но не надолго ожили, по выражению «Краткой истории», упавшие духом от нищеты и крайности крымцы после таких деяний «победоименного* и мужественного хана, который... возвратившись в Крым и остановившись в Кара-Су, своей милостивой рукою ущедрил бедняков-крымцев, так что, благодаря этому победоносному походу, все исламское войско, крымское и ногайское, одинаково обогатилось». В следующем же 1150 году (1737), говорит Сейид-Мухаммед-Риза, «проклятые москвы опять подобно злым духам вошли в чистое тело Крыма и вдруг дерзнули предать разрушению и опустошению город Кара-Су. Хотя по мере возможности и старались оказать им сопротивление, но ни хан, ни жители не в силах были устоять против многочисленности огненного крещения проклятников; все от мала до велика повергнуты были в смущение и потеряли голову. В эти-то дни, в силу изречения “Цари вдохновляются свыше”, по высочайшему государеву разуму и по великой падишаховой милости миродержавная воля относительно того, чтобы Крымское ханство было поручено прежде правившему татарскими владениями и потом водворенному на острове Родосе Менглы-Гераю, совпала с определением Всевышнего Господа».

Вторично русские вторглись в Крым под начальством Леси⁵⁴. По Сейид-Мухаммед-Ризе, «сераскер османского войска, наблюдавший за Арабатом, и хан, стоявший с татарским войском за Перекопом, услышали о движении неприятеля, когда он достиг уже местечка Бин-Дэирмен по пути к Кара-Су. Ночь они провели близ неприятеля. К утру извещен был и паша. Затем, когда стали жечь Кара-Су, подоспел сераскер-паша и издал, из местечка Ак-Ор, начал стрелять из больших орудий. Тогда неприятели, говоря: “Турки при-

* Имя Фэтх с арабского языка значит «победа».

шли!» — не могли совсем выжечь город и бросили. Калмыкам попало большое множество Мухаммедова народа в плен. При возвращении их подоспел калга Арслан-Герай, вступил с ними в бой и спас пленных мусульман из рук гяуров. Затем мерзкий табор воротился, прошел через Джунгар и пошел в свою адскую сторону. В то же время проклятые немцы⁵⁵ завоевали из османских провинций крепости Ниш и Валахию, а московские гяуры — крепость Очаков. Неверные окружили мусульман со всех сторон, и сановники пожелали мира. Везир Сияхдар-Мухаммед-паша⁵⁶ был отрешен, и назначен Мухсин-Оглу-Абду-л-Ла-паша⁵⁷; Фэтх-Герай в том же 1150 году (1737) получил отставку». Кампания Леси, совершившаяся с мая по июль месяц включительно, происходила и по русским известиям так же точно, как она описана крымским историком, за исключением того, что в них не упоминается о каких-либо успешных действиях калги Арслан-Герая со стороны татар, а только сообщается, что «за 29 верст от Карасу-Базара Леси встретил татарское войско под предводительством самого хана, разбил и гнал его 15 верст до самых гор, которые скрыли бегущих», и что потом «неприятельские нападения не причиняли большого урона».

Турецкий же летописец Субхи сохранил лишь известие о набеge Фэтх-Герая на русские окраины и производившихся им в течение пятидесяти дней там опустошениях, причем захваченных им пленников считает сотнями тысяч. Подробно описывает он также и взятие русскими Очакова; про вторжение же русских в Крым не говорит ни слова, а прямо потом вкратце упоминает о вторичном назначении ханом Менглы-Герая, не приводя никаких мотивов такой внезапной смены крымского правителя. Может быть, эти вторжения от частого их повторения утратили в глазах турецких бытописателей свою необычайность так, что они не считали их заслуживающими особенного внимания. Уже потом, рассказывая о нашествии русских на Крым при следующем хане Менглы-Герая в 1151 году (1738), Субхи начинает свое повествование такими словами: «Когда стало очевидно и несомненно наглое намерение московских гяуров проникнуть на Крымский полуостров подобно прошлому году через проход Оба, теперешний хан Менглы-Герай собрал сильное татарское войско и лично двинул его к вышеозначенному месту».

Любопытно, что и Гаммер также ни единым словом не обмолвился насчет похода русских в Крым при Фэтх-Герая, удволившись замечкой, что потеря Очакова (который взят русскими 2 июля 1737 года) стоила кяхья-бею Осман-аге головы, а верховному везиру и крымскому хану их мест. Каким образом, спрашивается, хан мог быть ответственен даже пред самым бессовестным судом за потерю турецкими военачальниками Очакова, когда в это время он должен был иметь дело с неприятелем, вторгшимся в самые недра его собственных владений? Мало того: у самого Субхи, на которого ссылается и Гаммер, превосходно изображен весь ход дипломатической и военной кампании, стоившей туркам Очакова. Главный виновник бедствия был Осман-ага, которому поделом и отрубили голову. Этот чудак в переговорах с австрийским послом, хлопотавшим, в качестве посредника, о мире между Портой и Россией, наболтал ужасного вздора вроде того, что, мол, «мы слабые создания и никоим образом не рассчитываем на многочисленность своих войск и на наши силы, а возлагаем все свое упование на помощь и милосердие Господа Бога». Думал ли кяхья-бей Осман такими наивными речами растрогать европейского дипломата? Как бы то ни было, крымского хана сместили вовсе не за Очаков, а за то, что он не сумел защитить своих владений от вторжения русских, а еще слыл за очень храброго и опытного вояку. Водворенный в деревне Чакрыллы в Визском округе, он более уже не вступал на политическую арену, а так и умер в отставке в 1159 году (1746).

Причину такого быстрого удаления Фэтх-Герая надо искать в том, что Порта, находясь в довольно трудных обстоятельствах, нуждалась в содействии умного человека, каким слыл и точно был Менглы-Герай, а потому и придрались к первому случаю, чтобы снова посадить его на ханство.

Менглы-Герай-хан II (1150—1152; 1737—1740), вторично получив власть, тотчас же показал себя деятельным человеком. Отправив на корабле калгу Селямэт-Герая в Крым, а нур-эдина Салих-Герая в Буджак к Генджэ-Али-паше, сам он некоторое время оставался в османском лагере, а потом отправился в набег на русские пределы. Калга же должен был идти туда с татарским войском из Крыма. Но последний не пошел дальше Йилки-Сую (Кобыльих Вод): случилась страшная буря с ливнем, и погибло множество лошадей и народа. Хан же

в пятнадцать дней добрался до укрепления Юрум на берегу реки Бузука, где и остановился, совершая набеги по окрестностям. В той же стороне зимовал Леси. Вслед за мусульманским войском бросилось две-три тысячи гяуров-солдат; много лошадей пало; но как бы то ни было, а в Крым вошли. А за Перекопом зимовал Мухаммед-мурза едисанский с двумя тысячами войска; он поспешно перешел через Днепр переправой, именуемой Уч-Кат, и татары показали тут свое крымское искусство; в эту кампанию заболел и вскоре по прибытии в Бакче-Сарай умер нур-эд-дин Салих-Герай.

Так, довольно неопределенно, описывает автор «Краткой истории» какие-то татарские экскурсии в русские пределы — вероятно, один из тех грабительских набегов, которые производились татарами почти непрерывно, лишь только их заманивала к этому безнаказанность. Вслед за тем рассказывается о третьем походе русских в Крым под начальством Леси в том же 1150—1151 году (1738), уже совершенно согласно со сведениями наших историков и турецких. Есть, впрочем, несколько подробностей, показывающих, что поход этот был не особенно блестящ: взяв и взорвав Перекоп, Леси не пошел дальше, а повернул в свою сторону; татары же и турки пошли за ним вдогонку. Расположившись лагерем в Ялынгыз-Агаче, русский главнокомандующий решил провести атаку на татар; произошла схватка в открытом поле, и русский отряд будто бы, не выдержав натиска татар, обратился в бегство, потеряв много убитыми и несколько пушек, причем на стороне татар пали из ширинских мурз Абу-Саид-мурза, Эльхадж-Али-паша-заде Селямэт-ага и Науман-Герай-султан. По всему вероятно, тут описывается одна из удачных для крымцев схваток, о которых упоминается и в мемуарах австрийского капитана Парадиса, бывшего очевидцем того, как 13 августа русские потеряли 1200 человек и более 2000 скота и лошадей: «Татары порубили и угнали их в двухстах шагах от фрунта».

Что Менглы-Герай-хан пользовался значительным авторитетом в глазах оттоманского правительства, явствует из того, что когда завязались переговоры о мире, то реисуль-кюттаб⁵⁸ Мустафа-эфенди и мектюби⁵⁹ верховного везиря Рагыб-Мухаммед-эфенди 27 шевваля 1151 года (7 февраля 1739) были командированы к нему для выслушивания

его мнения. Речь Менглы-Герая, которую он держал перед явившимися к нему турецкими чиновниками, очень большая и содержит в себе весьма любопытные политические соображения. Согласно Субхи, прежде всего он выразил удовольствие, что переговоры ведутся секретно и с должной осторожностью. Потом он указал на бывавшие случаи, что Высокая Порта, потерпев от неприятелей поражение, соглашалась на мир, а следовательно, теперь, когда приходится ей иметь дело с двумя врагами разом и ей несколько посчастливилось, без всякого сомнения, следует, безусловно, предпочесть «победоносный мир неизвестной по своим результатам войне», благо немцы (то есть австрийцы) сами теперь желают мира, чего уж давно, говорит, не бывало. Что же касается москочцев, то если они согласятся на срытие Азова, то тогда нечего и раздумывать: прекрасно. Если же взамен этого предъявят соответственные претензии или совсем станут упорствовать, то, судя по обстоятельствам времени и глядя на отчаянное положение крымцев, кажется, нельзя останавливаться и в принятии этого пункта, потому что нет особенной пользы нам владеть Азовом: все равно гураам легче брать его, так как он ближе к ним, а мы по дальности расстояния не можем подавать ему вовремя помощь, и уж сколько раз они овладевали им! Не может он также служить и помехой гураам, если они захотят выйти в Черное море: это уже доказано опытом раньше, когда Азов был еще в османской власти. Гораздо лучше, если потребные на эту крепость суммы будут обращены на укрепление Тамани, Ачучева и Ени-Кале: это будет надежнее. Вот опасно для Черного моря и Крыма, когда бы в руках неприятеля остались Очаков и Кыл-Бурун; а об Азове не стоит и толковать много: в вопросе о мире он не может служить помехой. Татары вот, правда, искони питают отвращение к миру и вечно жаждут войны, особенно в последние годы, когда они пришли в крайность и отчаянное положение. «Перед отъездом в Порту, — говорит хан, — я собрал к себе аянов и старейших из жителей и спрашиваю их насчет мира и войны; а они отвечали, что если мир и будет заключен, то им, глядя по времени и обстоятельствам, от этого большой благодати не будет. А когда я им по поводу Азова поставил на вид, что когда находился он и в их руках, то

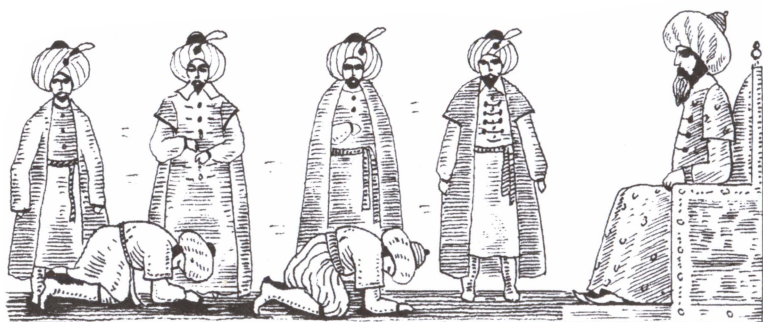
к чему они чрез это были способны, так и они, наконец, тоже согласились с тем, что мир, пожалуй, лучше». В заключение хан посоветовал чиновникам внимательнее рассмотреть и обдумать могущие понадобится акты о разграничении — худуд-намэлэр — да географические карты, с тем чтобы потом, коли угодно будет верховному везиру, тоже бы показали ему их и он бы посмотрел их на конференции.

В этих словах Менглы-Герая действительно много было правды и некоторой политической прозорливости. Ясно было, что дни Крыма сочтены и попадание его под власть России стало вопросом весьма недалекого будущего. Устами опытного и понимавшего ход событий хана засвидетельствовано бедственное экономическое положение татар и вследствие того упадок духа их, а также указаны и те стратегические пункты, с которыми тесно связана была судьба полуострова. При этих условиях, созданных вековыми отношениями ханства к Оттоманской Порте, ничто уже не могло отвлечь грозившей ему участи падения; отдельные способности личности, к каким, без сомнения, принадлежал Менглы-Герай-хан II, не в состоянии были воссоздать того, что временем и историей обречено было на разрушение.

После того Менглы-Герай-хан входил еще в некоторые распоряжения Порты, касавшиеся Крыма; но вскоре он умер. Смерть его совпала, по словам автора «Краткой истории», с походом тридцатитысячного русского отряда из Азова на Кубань, сухим путем и морем. Взяв крепость Ачу, русские начали бомбардировать Ата-Шаги. Крепость уже стала разрушаться; но в одну ночь поднялась страшная буря, и больше тысячи неприятельских лодок было разбито; морским прибоем затопило рвы, причем много неверных потонуло. Бросив свое имущество, они удалились. Когда пришло известие об этом, хан находился в древнем Кара-Гёз. Во время своего пребывания там он захворал и прибыл в Кара-Су. Пролежав там несколько дней, он вернулся в Бакче-Сарай и тут 29 рамазана 1152 года (30 декабря 1739) отправился на тот свет.

Глава IV

Разноречия историков относительно преемника Менглы-Герая-хана II. — Кратковременное властвование Селямэт-Герая-хана II. — Энергия и изворотливость Селим-Герая-хана II в делах внутреннего управления и внешней политики. — Бунт Шагин-Герая в Буджаке (Бессарабии). — Мирный характер царствования Арслан-Герая-хана I, отвечавший намерениям Порты. — Поднятие вопроса о русском резиденте при крымском хане и о постройке крепости в Новой Сербии. — Характеристика Халим-Герая-хана I. — Интриги Крым-Герая. — Известия Пейсонеля об обстоятельствах смены Халим-Герая и воцарения Крым-Герая

Преемником Менглы-Герая-хана II был Селямэт-Герай II (1152—1156; 1740—1743), на имя которого, согласно «Краткой истории», ханскую грамоту и инвеституру привез мирахор Мазари-Хасан-паша-заде Абду-л-Ла-ага. Субхи присовокупляет, что назначение нового хана состоялось по ходатайству крымских улемов и аянов, которые до получения согласия султана на это назначение посадили его в качестве временного заместителя хана. Сообщая эту небезынтересную бытовую подробность, Субхи, однако, делает крупную ошибку, назвав нового хана Селим-Гераем, тогда как доподлинно известно, что это был Селямэт-Герай.

У Сестренцевича-Богуша, по обычаю, путаница: за Менглы-Гераем II у него тоже следует Селим-Герай, который

царствует целых семь лет, в 1741—1747 годах, и имеет своим преемником не существовавшего в это время Каплан-Герая. Но странно, что ошибка Субхи безапелляционно повторена Гаммером в его общей «Истории Османской империи». В специальной же «Истории крымских ханов» он хочет поправиться и впадает в еще большую погрешность. Он говорит, что будто бы после Менглы-Герая ханство было пожаловано Халим-Гераяу, сыну Сеадет-Герая, но оно вскоре было у него отнято за его легкомыслие, леность и неповоротливость. Гаммер ссылается на турецкого историка Васыфа-эфенди⁶⁰; но у последнего в указанном месте речь идет о Халим-Гераяе под 1172 годом (1758—1759), когда действительно этот хан был отрешен после кратковременного царствования. Говордз не последовал Гаммеру и избежал анахронизма; зато он переделал Халим-Герая в Хаким-Герая, а это еще дальше от правильной формы имени хана, чем Alimgerai Сестренцевича-Богуша.

В конце 1154 — начале 1155 года (1742) Селямэт-Герай был приглашен в Порту и чествуем по заведенному обычаю; там с ним совещались по некоторым делам; но в рамазане следующего 1156 года (октябрь 1743) ему дана была отставка, и мубашир, старший сокольник — шагинджи-баши — Ибрагим-ага должен был отвезти его на остров Родос; но он выпросил разрешение поселиться в своем чифтликке возле Галлиполи, а по другим известиям — в деревне Фундуклу в окрестностях Ямболу, где и умер вскоре.

Причиной такой быстрой перемены расположения Порты к хану историки выставляют неумение его держать в руках муруз и аянов, а также и всех вообще татар, которые противились выдаче русских пленников, в силу последнего мирного трактата, да еще нападали на казаков, приезжавших за солью, жгли их телеги, грабили их имущество и самих их брали в плен. Это необузданное поведение татар вызывало непрерывные жалобы русских уполномоченных при Порте, и довольно пожилой хан, получив отставку, занялся более спокойным в его лета делом — богомыслием и молитвами. Да и вообще Селямэт-Герай больше, по-видимому, питал наклонности к спокойным делам внутреннего управления, чем к проявлению энергии в экстренных военных предприятиях.

Это отчасти явствует из того, что он, несмотря на свое кратковременное властвование, успел сделать кое-что для восстановления строительного благолепия своей столицы, обезображенной русским вторжением, тем более что наступивший мир, заключенный в начале его царствования Портой с Австрией и Россией, благоприятствовал этому⁶¹. Автор «Краткой истории» приводит даже сентенции, которые были сочинены им и другими лицами по случаю построения новой мечети и ремонта диванной ханской залы, и говорит о горячем участии, которое в постройке этой мечети принимал сам турецкий султан Махмуд I, приславший книги для ее библиотеки.

Но тот же автор, современник Селямэт-Герая, косвенно открывает причину свержения его, распространяясь о прекрасных душевных качествах его калги; кроме старческой вялости Селямэт-Герая, падению его способствовали, кажется, происки калги Селим-Герая, который еще благодаря памяти своего отца Каплан-Герая-хана имел огромные связи среди сановников Порты и, следовательно, имел полную возможность вести интригу против своего хана, чтобы самому занять его место, что и удалось ему.

Селим-Герай II (1156—1161; 1743—1748) потому особенно легко смог достигнуть ханского трона, что Порта в это время снова была на ножах с Персией и, значит, опять нуждалась в содействии татар в этой нелегкой для нее борьбе. Еще в начале апреля 1742 года Вешняков⁶² доносил своему правительству, что война у турок с Персией дело решенное и Порта так занята и затруднена, что ни о чем другом и подумать не может, подразумевая под этим «другим», конечно, свои дипломатические дела по вопросу об отношениях Порты к Швеции. Но Крым был для Порты пока свой, и о нем она не могла не думать. Чтобы поднять крымцев на ноги и двинуть их против персов, требовалась энергия и распорядительность; а Селямэт-Герай был довольно-таки стар и потому мог промедлить в исполнении предписания о походе. Мы находим сведение, что сначала предполагалось сделать набор по одному человеку с пятнадцати домов; а усердный Селим-Герай собрал по человеку с пяти домов. Но, как ловкий человек, он сам остался на месте, а войско отправил с нурэд-дином, тоже Селим-Гераем по имени, и царевичем Ка-

сим-Гераем, которые было хотели плыть морем, но, за сильными штормами, пошли сухим путем, переправившись через Босфор в кайках, чествуемые турками. Крымцы отличились, к стыду османов, которые сами действовали неважно. Кроме того, калга Шагин-Герай, сделав набор по человеку с трех домов, ходил с ними в Черкесию, откуда вернулся с 700 пленниками. Послав из этой добычи красивых девочек и мальчиков сановным людям Порты, хан до того угодил им, что они будто бы говорили ему, если верить «Краткой истории», даже такие вещи: «Все дела по ту сторону Дуная вам вверяются; да и в наших собственных делах вы тоже компетентны». За все эти доблести хана и умение поддерживать мирные отношения с Россией тем, что он возвратил русских пленных, ему пожалован был богатый подарок в 5000 золотых, а калге его 2000 золотых. Еще 1000 червонцев с другими праздничными подарками посланы были Селим-Гераю в начале зильхидже 1159 года (конец ноября 1746) навстречу ему, когда он ехал по приглашению султана к Высокому Порогу, да должен был на некоторое время остановиться в городе Айдосе по случаю заставшего его в дороге курбан-байрама. Ему оказана была торжественная встреча и дана была султаном чрезвычайно ласковая аудиенция, на которой в числе новых богатых подарков были пожалованы дорогие часы. Вообще все его пребывание в Стамбуле прошло в угощениях да в обмене визитами с сановниками Порты, причем во время пиршественных собеседований были разговоры, касавшиеся и государственных дел.

Насколько Селим-Герай-хан пользовался значением в Порте, видно еще и из того, что благодаря его протекции некоторые паши получили довольно видные назначения. При отъезде хан и вся его свита опять получили богатые подарки от султана и отправились при самых торжественных проводах в конце мухаррема 1160 года (начало февраля 1747). Эта поездка хана в Стамбул, кстати заметить, дала повод к дипломатическим запросам со стороны русского резидента Неплюева⁶³ Порте. Ногайцы откармливали лошадей для проезда хана, и в Запорожье сейчас пошла молва о том, что татары что-то замышляют, потому что откармливать лошадей было у них в обыкновении перед отправлением в на-

бег. Успокоенный на этот счет, Неплюев предъявлял претензии крымского хану в том, что он не высылает из Крыма казаков, именуемых аргатами⁶⁴, а также беглых ногаев и калмыков, считавшихся в русском подданстве, и подал мысль, что все эти мелкие неприятности могут быть устранены, если при хане будет находиться русский консул. Реис-эфенди отвечал ему на это, что Порта не может вмешиваться в собственные ханские дела и Россия должна сделать предложение о консуле непосредственно хану. Если, как мы видели, турки во всем так доверялись Селим-Герая, то реис-эфенди говорил правду — они не вмешивались в его дела; но вообще-то эта фраза кажется не более как уловкой: на самом деле, когда хотели в Порте, то принимали деятельные меры для поддержания согласия крымцев с Россией. Так и при Селим-Герая сделано было Портой распоряжение о постройке новой крепости на полуострове Ачюевском — единственно с целью обуздания кубанцев, которые продолжали беспокоить русских своими хищническими налетами, вопреки мирному договору между Россией и Портой. Для этого из Стамбула были доставлены мастеровые и материалы, а хану поручено было наблюдать за ходом постройки.

Под конец царствования Селим-Герай-хану пришлось всерьез заниматься претензиями своего калги Шагин-Герая. По возвращении из своего праздничного путешествия в Стамбул хан отрешил Шагин-Герая от звания калги. По какой причине он это сделал, из исторических памятников не видно; судя по замечанию крымского историка, что хан «всяческим образом достиг прочности и самостоятельности своего ханского положения», можно предполагать, что калга затевал нечто несогласное с планами и соображениями хана. Отправившись на житье в свой чифтлик в Ямболу, Шагин-Герай с многочисленными своими приверженцами в конце сефера 1161 года (конец февраля 1748) позже двинулся к черноморским портам. По-видимому, он следовал чьим-то лукавым внушениям, потому что тут же вдруг струсил и бежал в Польшу. Не найдя там себе твердого пристанища, Шагин-Герай перебрался в Буджак (Бессарабию), где шайка его увеличилась румелийскими цыганами и тому подобным сбродом. На увещательное письмо, посланное ему буджакским

сераскером Хаджи-Герай-султаном, Шагин-Герай гордо отвечал: «Я пришел сюда единственно с тем, чтобы завладеть этой страной». Тогда сераскер выступил против него с сильным татарским войском и разбил его. Шагин бежал в леса и горы по соседству с польскими границами, думая укрыться в пределах Польши. Но Нуман-паша написал польскому гетману письмо, чтобы беглого царевича устроили где-нибудь подальше от границ оттоманских; по всем сопредельным с Польшей местностям Валахии и Молдавии также сделано было распоряжение о том, что если только где покажется царевич или кто-либо из его шайки, то сейчас же хватать его и представить куда следует. Шагин, однако же, не нашел себе надежного убежища в Польше, и так смело начатая им авантюра закончилась весьма плохо: он опять через Молдавию вошел в пределы турецкие и послал оттуда просьбу к хану о том, чтобы тот исходатайствовал ему в Порте прощение. Селим-Герай-хан снизошел к его просьбе и обратился с ходатайством, выставив при этом на вид якобы всегдашнюю верность Порте и султану членов дома Чингизского и свалив вину Шагина на злокозненные внушения и подстрекательства его приближенных. За Шагином был послан Абду-р-Рахман-ага, который должен был препроводить его на остров Родос; но, по вторичному ходатайству хана, Шагин был водворен на остров Хиос: хан нашел это более удобным для себя. Находившийся же при нем брат его Махмуд-Герай, проживавший в чифтлике в Ямбулу, тоже был выслан на остров Хиос. Одним словом, повторилась та же самая смута, которая произведена была раньше другим Шагин-Гераем в сообществе с братом своим Мухаммед-Гераем, только теперь она не сопровождалась такими громкими происшествиями: иначе если бы мятеж этот имел важное значение для Порты, то наш резидент Неплюев не преминул бы сообщить о нем своему правительству.

Вскоре после этих событий Селим-Герай умер, согласно «Краткой истории», «от неутолимой жажды». Это произошло 20 джемазиу-ль-эввеля 1161 года (18 мая 1748). По свидетельству Халим-Герая, смерть Селима случилась месяцем позже; но это неверно; ибо в начале следующего месяца весть о смерти хана уже пришла в Порту, и тотчас же первый мира-

хор Дурак-Мухаммед-бей экстренно был послан с грамотой и регалиями в Визу к проживавшему там сыну Девлет-Герая-хана Арслан-Герая с приказанием немедленно отправляться прямо в Крым, не являясь в Порту, как это обыкновенно всегда бывало при назначении нового хана. Другая явная ошибка в истории Халим-Герая — в обозначении времени вступления на ханство Арслан-Герая на целый год раньше — тем более странная, что Арслан-Герай был дедом автора этой неверной даты. Впрочем, это могло случиться по недосмотру издателей сочинения Халим-Герая.

Что еще остается загадочным, так это необыкновенная поспешность, с которой новый хан отправлен был в свои владения. Турецкий историк приводит весьма неопределенный мотив — твердое управление страной, наиболее полезное ведение важных дел. Между тем ни у местных историков, ни в посторонних свидетельствах решительно нет указаний на какие-либо необыкновенные происшествия в пределах власти крымского хана в это время. Еще в начале 1747 года русский резидент в Константинополе Неплюев писал в Петербург: «Теперь с турецкой стороны чего-нибудь опасаться нечего; все приятели обнадеживают, что Порты ни о чем против вашего императорского величества не помышляет и хану внушено сохранять спокойствие». Вот это-то последнее, сохранение спокойствия, кажется, и было то важное государственное дело, которое требовало неотложного присутствия хана на своем посту.

Правда, как-то странно видеть постановку такой задачи главе татарских орд, который тем славнее был до сих пор в глазах Порты, чем энергичнее причинял беспокойство соседним народам своими опустошительными набегами. Но времена изменились: страсть к набегам сменилась заботой о самозащите; воинственные порывы привыкшего к разбоям населения пришлось сдерживать силой власти и придумывать для этого разные мероприятия; даже простое обуздание буйного татарского народонаселения ставилось теперь в заслугу тем же самым ханам, которых прежде сменяли, если они обнаруживали чересчур мирные наклонности. Так, по крайней мере, это было с Арслан-Гераем I (1161—1169; 1748—1756). Подобно Селямэт-Герай-хану II, он также про-

славляется местными историками за то, что произвел разные сооружения — ремонтировал мечети, делал пристройки при медресе; восстановил разрушенные и сожженные русскими дворцовые здания в Бакче-Сарае и его ближайших окрестностях, чинил и возводил вновь пограничные укрепления — Ор, Арабат, Уч-Оба, Джунгар, Джеваш; вычистил их рвы и вырыл новые. А между тем через четыре года по назначению, а именно в конце шевваля 1164 года (сентябрь 1751), ему были посланы богатые подарки при султанской грамоте, в которой выражалась полная признательность прежде всего за его «прекрасное поведение и старание поступать согласно высочайшей воле султана, то есть за наивозможнейшее прилежание о соблюдении условий дружбы и приязни с Российской державою и с Польской республикой». Второй его заслугой значитися приведение в надлежащий порядок крепости Арабата и Ора, а в-третьих, одобрены его внутренние распоряжения и порядок. В заключение хану вменяется в обязанность как можно тщательнее блюсти исполнение условий вечного мира, заключенного с Россией и Польшей. В порыве чувства признательности хану придан эпитет «каана»⁶⁵, чего прежде не водилось в письменных султанских обращениях к крымским ханам.

Из числа внешних, имеющих международное значение фактов за время царствования Арслан-Герая в истории Халим-Герая упоминается следующий: «До той поры оставшихся под властью калмыцких ханов степных татар он (Арслан-Герай) наилюбезнейшим образом привлек в пределы исламские и, водворив их на жительство в крепости Арабате, обстроил и населил упомянутую местность». Но и это событие носит чисто дипломатический характер, совершившись без всякого кровопролития и военных столкновений.

Ко времени властвования Арслан-Герая относится и поднятие вопроса о нахождении в Крыму постоянного русского агента. Русский резидент в Порте Обрезков⁶⁶ в марте 1752 года имел конференцию с верховным везирем по поводу ежедневного умножения распрей между запорожскими казаками и татарами. Оба государственных человека предъявляли взаимные претензии: верховный везирь жаловался на несправедливую наглость казаков; русский же резидент отвечал, что

он еще в сентябре прошлого года подал Блистательной Порте известие о смертоубийствах, пленениях и грабежах, производимых татарами у запорожских казаков. «Лучшее средство прекратить все распри есть следующее, — сказал он, — пусть безвыездно живет при крымском хане офицер от киевского генерал-губернатора, с обязанностью защищать русских подданных, находящихся в Крыму; другой офицер будет жить в Сече для защиты татар от запорожских казаков; оба эти офицера, имея между собой переписку, старались бы прекращать все столкновения между татарами и казаками и, будучи на месте, легко могли бы исследовать истину и доставлять удовлетворение — один у хана, другой у кошевого, и Блистательная Порта избавилась бы от докук». Верховный везирь и реис-эфенди возразили, что от этого мало будет пользы, потому что беспорядки происходят в степи и офицеры так же мало о них могут знать, как хан и киевский генерал-губернатор.

При этом Порте, чтобы отстранить столкновение с Россией по поводу Кабарды, предписала хану немедленно вызвать оттуда «своих сыновей». Что за сыновья Арслана сидели в Кабарде и что они там делали, в наших источниках ничего не говорится. «Краткая история» упоминает, что сбор бродивших по разным местам царевичей в Крым был сделан ввиду каких-то исключительных обстоятельств, но каких именно, определенно не сказано.

Другой касающийся Крыма важный дипломатический казус, случившийся тоже при Арслан-Герее, — это горячие переговоры между русским резидентом и Портой по поводу населения Новой Сербии⁶⁷ и постройки там крепости Св. Елизаветы в 1754 году, кончившиеся, однако, уступкой со стороны России требованиям Порты.

Мы имеем данные, свидетельствующие о том, что Порта по обоим вышеприведенным вопросам, о консуле и постройке крепости Св. Елизаветы, действительно сносилась с Крымским ханом, который и давал свои отзывы и заключения. Данные эти находятся в нескольких турецких документах.

О смене Арслан-Герая не имеется точных сведений у историков: Халим-Герай говорит только, что Арслан был «от-

решен и сослан на остров Хиос в конце месяца джемазиу-ль-эввеля 1169 года (март 1756) по интриге одного тогдашнего судьи Кырыми-Риза-эфенди, у которого были сильные связи с некоторыми агами султанского гарема» — вот и все. Ничего мудреного в этом нет, ибо тогда уже не было в живых султана Махмуда, который знал и ценил заслуги Арслан-Герая, а царствовал брат его Осман III (1754—1757), который также вскоре передал власть Мустафе III (1757—1773). Несомненно только то, что Арслан-Герай царствовал не два года, как говорит Сестренцевич-Богуш, а более, ибо Пейсонель⁶⁸ в своих мемуарах называет преемника хана Селим-Герая, то есть Арслан-Герая, еще «le Khan d'aujourd'hui»*. Гаммер в своей «Истории Османской империи» говорит, ссылаясь на турецкого историка Васыфа-эфенди, что Арслан-Герай отказался от власти, когда ему было вторично предложено, после его неспособного преемника Халим-Герая I, так что лишь вследствие отказа Арслана и по желанию крымцев ханом назначен был Крым-Герай. Речь идет о том самом Халим-Герая I, которого Гаммер еще раньше записал в предместники Селим-Герая II и которого Сестренцевич-Богуш называет Алимом.

Соименный Халим-Герай-хану I (1169—1172; 1756—1758) крымский историк, родственник его, не сообщает никаких фактов из кратковременного царствования этого хана; но дает общую характеристику его собственной личности и помогавших ему в управлении царевичей. «Назначенный им (то есть ханом Халим-Герая I) в сераскеры Едисанского племени, — говорит Халим-Герай в своей истории, — Саид-Герай-султан хотя и был из людей проникательных, рассудительных и знающих, но так как он вырос в Румелии, то незнаком был с обычаями татарскими; поэтому он отвратил от себя и охладил к себе выдающихся людей племени. Как только народ этого племени стал постоянно выходить из-под знамени повиновения, то с прибытием сначала туда Хаджи-Герая из сыновей Махмуд-Герая, а потом Крым-Герай-султана зажженный им огонь мятежа и бунта стал всеохватывающим пожаром. Сколько хан ни прилагал старания и усердия к тушению его, все было напрасно: в сефере 1172 года (октябрь

* Нынешний хан (фр.).

1758) он... водворен был на жительство в своем прежнем местопребывании». У этого историка мы находим и такой отзыв о Халим-Герее: «Он был сведущ в науке, обладал даром проницательности; в молодости известен был своей красотой и благонаравием, а также славился ловкостью и мужеством; но под конец жизни пристрастился к гашишу и опиуму и, одержимый разными недугами, превратился в старичка, не способного управлять делами». Турецкий историк Васыф-эфенди отзываясь о Халим-Герее не так снисходительно. Он прямо говорит, что Халим-Герай отличался вялостью, неподвижностью, а назначенные им на разные должности сыновья и внуки по молодости лет и неопытности наделали много глупостей и довели всегда склонных к мятежам ногайцев до явного неповиновения, так что они ограбили часть владений молдавских, и там не стало спокойствия и безопасности. Когда это дошло до высочайшего сведения, то Халим-Герай был отрешен и на его место определен вторично Арслан-Герай I. Последний уже совсем было приготовился к отъезду в Крым, но татарские племена сообща избрали на ханство брата Арслан-Герая — Крым-Герая и прислали в Порту свое донесение об этом. Чтобы успокоить волнение татар, ханская власть отнята была у Арслана и пожалована избранному ими Крым-Герая; но при этом издано было высочайшее повеление о взыскании всего, что было татарами награблено в Молдавской области.

Кандидатура Крым-Герая, очевидно, была вовсе не случайна. Добровольное им оставление звания нур-эд-дина при брате Арслан-Герее-хане и удаление на покой в чифтлик Бунар-Баши в окрестностях Бургаса еще не означали отсутствия в нем честолюбивых помыслов. Во время этого мятежа некоторые из участников его поугоняли скот у молдавских жителей. Богданский воевода⁶⁹, в суетливом духе, свойственном, по выражению Халим-Герая, только греческой натуре, написал в Порту жалобу, представив дело в ужасающем виде. В Порте решили прекратить эти беспорядки, утвердив на ханстве опять Арслан-Герая I. Уже издан был и хатти-шериф⁷⁰ насчет этого; но затем все-таки пришлось дать назначение на ханство Крым-Герая, получившему в сефере 1172 года (октябрь 1758) султанскую грамоту и инвеституру.

Как ни кратки и отрывочны эти сведения о воцарении Крым-Герая вместо Халим-Герая, все же они дают довольно определенное понятие об обстоятельствах, которыми сопровождалась смена крымского правителя, и совершенно согласны с мемуарами Пейсонеля, который подробно описывает случившееся происшествие, как очевидец, находившийся в то время в Крыму в звании французского консула при хане.

Этот любопытный памятник наблюдательности европейского дипломата свидетельствует о том, что Пейсонель близко знал и подробности события, и главных его участников. Он сохранил также яркое отражение тогдашних международных отношений представляемой им державы. Франция в то время из сил выбивалась, чтобы удержать за собой монополию в левантской⁷¹ торговле, противодействуя вторжению в сферу ее влияния британских торговцев. С этой целью французская дипломатия, стремясь удержать господствующее положение в стамбульской политике, сильно интриговала против России, бывшей в ладах с Австрией и Англией — двумя наиболее неприятными французам государствами. Внушения и подстрекательства французских дипломатов и втянули неосторожных турецких политиков в ту воинственную рискованную игру, которую они затеяли с Россией и которая обошлась им так дорого. Вот это-то чувство международного соперничества сказалось и в мемуарах Пейсонеля. По его словам, волнение, стоившее Халим-Герая ханства, произошло вследствие необузданного и безрассудного самоуправства его сыновей, которых он сделал главными начальниками ногайских орд Эдисанской и Буджакской, а также и черкесов кубанских, обойдя других, старших по возрасту царевичей. Ближайшим поводом к насилию послужило то, что буджакскому сераскеру Сеадет-Герая было поручено, по предписанию Порты, изданному вследствие жалобы русского правительства, взыскать с ногайцев убытки, причиненные их набегами на русские владения. Из-за того только, что этим взысканием «хан удовлетворил русский двор», Пейсонель допускает ни на чем не основанную догадку, что сераскер, произведший взыски с ногайцев в большей мере, чем следовало, поделился своей добычей с верховным везирем Рагыб-пашой⁷². Между тем Рагыб-паша известен как умный

государственный сановник и порядочный человек — одинаково как среди турок, так и у европейцев. Далее так же дурно повел себя и другой сын хана, Крым-Герай, сераскер на Кубани, в народе черкесском.

Такое поведение отвратило от них народ, и влиятельные мурзы подняли открытое восстание против хана, который вместо того, чтобы унять легкомысленных сыновей, поддерживал их своими неуместными распоряжениями, как, например, конфискацией одного корабля, шедшего с грузом невольников в Константинополь, арестом турецких купцов и их семей, заморенных потом в тюремном заключении. Все действия хана сводятся Пейсонелем к вредному на него влиянию некоей дамы, которую он называет *Апабеі*... Он не находит слов для того, чтобы достаточно очернить эту женщину, кажется, единственно только из-за того, что она была русского происхождения. В то же время он до небес превозносит личность самого хана, имевшего все добродетели на свете, кроме твердости характера, отсутствие которого было причиной его добровольного порабощения. Впрочем, характеристики Пейсонеля вообще все панегирического свойства: у него и Саид-Герай, которого он называет *Saad-Guerai*, хорош, и Халим-Герай превосходит, а Крым-Гераю, преемнику его, и цены нет.

Несомненно одно, что взбунтовавшиеся ногайцы отправляли в Порту две жалобы — сперва на сераскера Сеадет-Герая, а потом и на самого хана, с просьбой рассудить их с ним и, смотря по тому, кто окажется виновен, или их оштрафовать, или отрешить хана. Мятежные ногайцы, кроме своей собственной силы, рассчитывали еще на поддержку бендерских янычар, которые были с ними в наилучших отношениях и отказались дать у себя прибежище Сеадет-Гераю, после того как он сделал неудачную попытку усмирить бунтовщиков силой и тщетно ждал помощи от отца из Крыма; между тем финал приближался. Крым-Герай через своих клеветников и приверженцев раздул всю эту историю, чтобы под шумок захватить власть в свои руки.

Он все рассчитал верно. Верховный везирь Рагыб-паша оставил первую жалобу ногайцев без последствий; прогнал их послов, даже не доведя о них до сведения султана. И вто-

рая депутация недовольных подданных хана тоже ничего не дала — она имела результатом лишь выражение еще большего доверия к нему со стороны султана: 21 сентября 1758 года гонец привез хану грамоту, подтверждающую его права, и разные вещественные знаки благоволения к нему. Очевидно, стамбульское правительство рассчитывало, что хан в состоянии справиться с бунтовщиками силой оружия. А хан рассчитывал, кажется, главным образом, на военную поддержку со стороны самой Порты. Но медлительность сборов турецких войск дала возможность Крым-Гераю предупредить нанесение удара: в решительный момент он самолично появился среди ногайцев; те охотно его приняли, и вскоре около него образовалась огромная армия, в которой было немало и румелийских турок и с которой он мог угрожать самим туркам. Правда, в этой медлительности сборов турецких войск Пейсонель видит не более чем хитрую уловку верховного везира. Как бы то ни было, когда дело приняло такой оборот, мудрый Рагыб-паша сообразил, что самый верный способ умиротворения края есть признание свершившегося факта, то есть законное утверждение за Крым-Гераем I власти, которая на деле была уже в его руках. Крым-Герай был назначен ханом, но будто бы это назначение до тех пор держалось великим везирем в тайне, пока не прибыл транспорт невольников, посланных прежним ханом в подарок в Порту.

Халим-Герай думал было вначале отстаивать свои права с оружием в руках, но, потеряв надежду на успех, покорился своей участи, выехав в конце октября 1758 года в Румелию и уступив место могущественному сопернику Крым-Гераю I (1172—1178; 1758—1764).

Глава V

Образ действий Крым-Герай-хана I во внешней политике. — Русские при дворе его. — Донесения хана в Порту о русско-польских делах. — Турецкая мемория о положении дел в Польше. — Популярность Крым-Герай-хана. — Разноречивые известия о причине свержения его. — Анекдот о шапочнике и о Крым-Герай-хане в связи с отставкой последнего. — Смешение личности Селим-Герай-хана III с предшествовавшими ему соименными с ним ханами. — Представление его в Порту о недопущении впредь русского резидента в Крым. — Потачка его татарским разбойничествами. — Прикосновенность его к польским делам. — Международное положение Порты по изображению Васыфа-эфенди. — Кратковременность вторичного ханствования Арслан-Герай-хана I и царствования Максуд-Герай-хана I.

Изобразив в самых привлекательных красках Крым-Герай-хана I, Пейсонель говорит, что этот «*idole de toute la nation*»* первым делом позаботился об удовлетворении претензий соседей, и именно Молдавии, за убытки, причиненные хищничеством ногайцев; хотя раньше этот же самый казус был хитро употреблен им как средство для своих же собственных честолюбивых замыслов. Значит, расчет Рагыб-паши на полезность Крым-Герая для поддержания нужных Порте международных отношений оказался верен.

* Кумир всей нации (*фр.*).

В одном из подлинных турецких документов Крым-Герая, еще в бытность его буджакским сераскером, приписывается грабительский набег во главе целого скопища татарских мурз на Молдавию вплоть до Ясс, а затем восстановление утраченного татарами престижа над их прежними данниками, русскими, разрушением построенной ими Елизаветинской крепости и других укрепленных сооружений по течению Дона. При этом царевич будто бы до того расхрабрился, что грозил «повесить свою плеть на столице русских, Петербурге, и заставить их вновь платить дань, как это было при его отцах и дедах, от которой они давно отстали».

Другие документы, касающиеся Крым-Герая и относящиеся к 1177 году (1763—1764), свидетельствуют о мерах по части внутреннего благоустройства и об административных распоряжениях Крым-Герая. Согласившись допустить русского консула к своему двору, он, однако, всячески тормозил русскую торговлю. В то же время он предпринимал и положительные меры к развитию торговли в собственных владениях: например, предлагал Порте проект постройки новой пристани в Гази-Кермене — для удобства погрузки хлеба. Из другого документа узнаем, что Крым-Герай просил Порту прислать знающего человека для проверки полученных сведений о нахождении золотой и серебряной руды в землях, заселенных подвластными ему племенами Касай, Каспулат, Бесеней и Шегаке, пока не добрались туда русские и не захватили эти сокровища в свои руки, чего он сильно опасался.

Тревожась завоевательными намерениями и действиями русских, Крым-Герай и сам сообщал в Порту, и его секретарь казны Абду-ль-Азиз-эфенди рапортовал о том, что русские сооружают укрепления в кабардинских пределах с целью завладеть кабардинской территорией и открыть путь в Грузию. Кроме того, в ханских депешах в Порту высказывались соображения относительно решимости русских сделать королем в Польше ненавистного сейму Понятовского⁷³ и потом захватить совсем Польшу, с каковым намерением и двинуты были войска русские к польским границам. Означенные донесения ханские настойчиво опровергались русским резидентом в Порте.

В том же 1177 году (1763—1764) в Порту пришло письмо от польского гетмана с просьбой о содействии Порты в деле на-

значения нового короля. Тогда как русский резидент в Порте получил из Польши же бумагу совершенно противоположного содержания. Из этих противоречивых документов явствовало, что правящая корпорация в Польше, состоявшая из 138 человек, разделилась на две враждебные партии. Одна не жаловала русских и желала вмешательства Порты в дело избрания короля; рапорт этой партии был подписан всего пятнадцатью членами польского сейма. Другая партия, депеша которой к русскому резиденту в Константинополе имела подписи 26 человек, нарекала на тех пятнадцать поляков, которые подписались под первой бумагой, присланной в Порту, и выражали свою преданность москвитам. Богданский воевода тоже со своей стороны прислал в Порту бумагу, в которой подтверждал факт существования в Польше двух враждебных одна другой партий. Вообще документ, где находим эти сведения, есть род мемории, резюмирующей данные из разных дипломатических документов, относившихся к польскому вопросу, и составленной, по-видимому, каким-то высокопоставленным лицом, например реису-ль-кюттабом или самим верховным везирем, для султана, который грамоту одной из польских партий называет «полученным мною письмом». Далее в этом документе приводятся отзывы резидентов прусского и русского о положении дел в Польше. Но всего любопытнее заключение самого составителя мемории по польскому вопросу. Он говорит: «У поляков издавна так повелось, что, когда умирает их король, у них происходят распри и междоусобицы; а чтобы со стороны Высокой Державы оказывалась какая-либо им помощь или делалось какое-либо вмешательство, этого не бывало прежде. Поэтому следует, не обращая внимания на упомянутые депеши, предоставить означенное дело решить им самим между собой; а вот если возникнет какое-либо обстоятельство, долженствующее причинить ущерб Высокой Державе, тогда надобно приняться за направление дел сообразно времени и обстоятельствам. Сие да будет известно Его Величеству, которому принадлежит власть и повеление».

Хотя вышеупомянутый дипломатический документ, по-видимому, вовсе не касается крымского хана, но нахождение его в ряду других, имеющих прямое отношение к Крым-Гераю, косвенным образом указывает на то, что хан следил за ходом дел в Польше и представлял в Порту свои соображе-

ния по вопросам международной политики. О том, что благо-разумное отстранение оттоманской политики от вмешательства в дела польские перевешивалось происками польских эмиссаров и внушениями хана крымского, свидетельствуют русские архивные документы. В июле 1763 года граф Панин⁷⁴ писал на депеше Обрезкова: «Как приемлемое Портой в польских делах участие происходит наипаче по проискам и жалобам поляков чрез хана Крымского... то консулу Никифорову⁷⁵ указом предписано уже, да и впредь подтверждено будет, дабы он употребил прилежное старание склонить хана в здешнюю сторону, а чрез него и Порту удалить от всякого заступничества за поляков при нынешних обстоятельствах и в других будущих происшествиях в польской республике...».

Из тех же архивных данных узнаем далее, что хан, объявив посланному к нему поручику Баставику, что он согласен иметь при себе русского консула, в то же время требовал, чтобы русское правительство об этом прямо к нему написало, ибо тогда только он будет иметь возможность сделать представление Порте об этом деле. Этим Крым-Герай, очевидно, выказал свое стремление играть самостоятельную роль в дипломатических сношениях, хотя еще для виду и прикрывался именем Порты.

Эта отважность Крым-Герая, напоминавшая татарам те счастливые времена, когда они были грозны своим соседям, а иногда забывались и пред самой Портой, была причиной той популярности, какой он пользовался среди своих подданных, по словам Пейсонеля.

Тем страннее разноречивые показания исторических памятников о скором свержении Крым-Герая, казалось прочно сидевшего на ханском троне. Сестреничевич-Богуш объясняет это свержение простой мстительностью Порты. «Сей Двор, — говорит он, — не прощал Кериму* возмущения, которое было весьма тягостно для оногo, и ожидал токмо случая наказать его за то. Несчастливая война с черкасами послужила предлогом». На поход этот первым указал Клееман⁷⁶, бывший вскоре после свержения Крым-Герая в Крыму.

Между тем русский консул при Крым-Герее Никифоров в своем донесении просто говорит, что «Крым-Герай лишен

* Так он называет Крым-Герая.

(власти ханской) за учиненные им Порте многие противности и оскорбления, за многие же всем подданным крымским жителям, так Едичкульским, как Буджацким и Кубанским татарам, обиды и бесчисленные грабежи и насильно чрез разные приметки от Греков, Армян и Жидов вымогательств денег немалых сумм». Ни о каком неудачном походе Крым-Герая на черкесов Никифоров не упоминает. Зато чрезвычайно подробно перечисляет те злодеяния хана, которые довели его до падения. Русский консул, вопреки свидетельству Пейсонеля о популярности Крым-Герая и любви к нему его подданных, утверждает совершенно противное. «Коль скоро, — говорит он, — о лишении Крым-Герая ханства здесь, чрез публику, известно учинилось, так все народы за приключенные неисчислимые обиды и разорения и небывалые тягости с проклятием поносить его начали».

Порта имела обыкновение уступать мятежным притязаниям крымских татар и их ханов, когда не в состоянии была силой подчинить их своим требованиям, откладывая до более благоприятного момента возмездие мятежникам; но ее политические планы и намерения обыкновенно менялись с переменой главных руководителей ее политики — верховных везирей. Крым-Герай сделался ханом при верховном везире Рагыб-паше, свержение же его состоялось тогда, когда Рагыб-паши в живых уже не было: он умер 24 рамазана 1176 года (9 апреля 1763), а Крым-Герай получил отставку в начале ребиуль-эввеля 1178 года (начало сентября 1764).

Тому, что Никифоров так беспощадно чернит Крым-Герая, есть свои причины: русский дипломат оказался весьма бестактен и наделал в Крыму глупостей, которые на первых же порах учреждения консулата при хане скомпрометировали русское представительство в его глазах. Чтобы обелить себя, Никифоров, конечно, старался свалить все на безумную грубость и жестокость хана и оттого постарался сгустить краски в изображении нравственных его качеств, будто бы делавших хана ненавистным и самим татарам. Дело, вероятно, было проще: Порта, должно быть, побаивалась слишком самостоятельного поведения Крым-Герая, особенно в такую опасную для нее пору, когда польские смуты и французские интриги втягивали ее во враждебные отношения с Россией, и потому решилась избавиться от него, ибо он тоже не держался в стороне от

этих смут, а принимал в них деятельное участие, сбивая Порту с толку своими донесениями. Так оно выходит и из показаний турецких историков. «Крым-Герай-хан, — читаем мы у Васыфа, — славился огромной храбростью; но так как он был далек от рассуждения о конечных результатах обстоятельств, то возможно было, что он раздул бы тлевший под пеплом огонь смятения, нарушив мирные условия. Сверх того, усиленными налогами он разорил государство и принятыми на себя неуместными притязаниями потерял свой престиж и авторитет у державы (то есть Порты). Он сделал необходимым применение к себе смысла стиха “кто слишком много просит, тому непременно будет отказано”»: все считали целесообразным свержение его с ханского трона. Командирован был кяхья-капыджи его величества государя, и означенный (хан) был вывезен из Крыма и водворен на острове Хиосе; а капыджи-баши Сулейман-ага был послан, чтобы доставить в Порту вторично признанного достойным ханского ковра Селим-Герай-хана».

В этом известии мотив отрешения Крым-Герая тот же, что и в донесении Никифорова; но сам способ свержения представлен не вполне согласно с другими источниками. Халим-Герай говорит, что Крым-Герай был вывезен из Крыма «под предлогом приглашения к Высочайшему Стремени и сослан на остров Родос». Это как будто более вяжется с описанием у Никифорова тех предосторожностей, которые были приняты как Портой при аресте хана, так, в свою очередь, и этим последним, чувствовавшим, должно быть, беду, но надеявшимся как-нибудь избежать ее.

Об отставке Крым-Герая сохранились исторические анекдоты. Но в основании исторических анекдотов обыкновенно всегда лежит какой-нибудь действительный случай, а потому и такой рассказ стоит того, чтобы его привести здесь сполна, ради его курьезности: может быть, когда-нибудь со временем найдутся данные, которые раскроют истинное значение этого курьеза.

«Один из шапочников терьяки⁷⁷ в Терьяки-Таршисы*, в столице, говорил, что как только он узнал от крымских куп-

* Так называется в Стамбуле ряд лавок близ мечети Сулейманийе. Там, по преданию, в былые времена находился притон опиумоедов, тайно предававшихся своей страсти, будучи строго преследуемы жестоким правительством султана Мюрада IV (1623—1640).

цов путь производить с маленьким капиталом большую торговлю, то в прошлом году отправился в Бакче-Сарай в Крыму для продажи пятисот шапок. “Кроме того, — говорил он другому, — что я все продал за тройную цену стоимости их, штуки две-три шапок подарил также и хану крымскому. Взамен этого он мне пожаловал двух невольниц да двух невольников, ценой в четыре кисета* . Когда я прибыл в столицу, то я на эту сумму купил себе дом, завел ковры и прочую утварь, а на оставшиеся деньги отправился в Хиджаз. Я и священный хадж совершил да набрал много вещей из сюрпризных предметов и привез в столицу. От продажи их, кроме того, что покрыты были издержки по пилигримству, но еще порядочная толика осталась. Теперь я ни в чем не нуждаюсь. Только этого секрета никому не разглашай, а то если кто-нибудь спроведует об этом, то все твое старание прахом пойдет”... Другой терьяки принял это за правду: наготовил много шапок, затем нагрузил их на судно и отправился в Крым. По прибытии в Бакче-Сарай он узнал, что там нет ни одного человека в шапках: все татары, мурзы и ханские султаны ничего не носят, кроме колпаков, которые шьются их же женами из ягнячьих шкурок. Прошло несколько дней, и ни один покупатель не являлся. Тогда он описал все дело как есть и подал прошение в Диван Крым-Герай-хана. Из полного благодушия и ради забавы хан, жалея старика, назначил цену его шапкам; а чтобы не причинить убытки от назначения цены и заставить его за себя молиться Богу, когда тот вернется в свою лавку, он издал ханский ярлык относительно того, чтобы ширинцам и всем прочим мурзам быть на другой день в ханском Диване в шапках и тюбанах. И терьяки в один-два часа распродал по назначенной цене свои шапки. Когда стало известно, что продажа совершилась, опять состоялось запрещение надевать эти шапки. Терьяки с богатой щедростью вернулся в столицу. Московские гяуры, давно уже трепетавшие и страшившиеся мужества и силы Крым-Герая, прознав об этом обстоятельстве, распустили молву, что Крымский хан вышел из повиновения Высокой Державы: выбрал семьсот двадцать гонцов и посылает их для добывания новостей из столицы, так что ежедневно один гонец выезжает из Бакче-Сарая в Стамбул, а другой из Стамбула в Бакче-Са-

* Кисет равняется 500 пиастрам.

рай; расстояние в семь часов они пролетают в одну неделю, и каждый день хан получает новости из столицы. А так как все это только для того, чтобы напасть на столицу, то он сам и его свита надели шапки. Этой вздорной ложью, однако же, они встревожили Высокую Державу; проверить же, что хорошо и что худо, не было времени, и вышеупомянутого хана отпустили и назначили другого».

Порта считала главным виновником бед, которым подвергалось народонаселение при Крым-Герая, его капыджи-баши Абди-агу, известного под прозвищем «Тютюнджю Хасан-паши» (то есть Табакохранителя Хасан-паши), но не решалась трогать этого злодея-чиновника, пока его патрон был на своем месте. Когда же Крым-Герай был отрешен и сослан, Абди-аге отрубили голову. В этом случае видим повторение приема, употребленного Портой прежде с любимцем другого, тоже пользовавшегося известным престижем хана Менглы-Герая II, у которого также был фаворит Мустафа-ага, известный своим музыкальным искусством. Этот приближенный хана тоже был неприятен тогдашнему верховному везиру Еген-Мухаммед-паше⁷⁸; но его, однако, не трогали при жизни хана; а как только Менглы-Герай-хан умер в 1152 году (1740), так сейчас же и его влиятельного любимца сослали на остров Митилену и там заключили в крепость.

Вместо Крым-Герая был назначен Селим-Герай III (1178—1180; 1764—1767), сын Фэтх-Герай-хана II (1736—1737), бывший калгой в первое царствование Арслан-Герай-хана, воспетый за свои добродетели знавшим его лично автором «Краткой истории» и проживавший после отставки с места калги в деревне Чакыллы в Визском округе. Между тем Гаммер дважды ошибается насчет личности этого хана, очевидно смешав его с Селим-Герай-ханом II (1743—1748), сыном Каплан-Герай-хана, покончившим свое царствование и земное существование еще в 1161 году (1748).

Одновременно с тем, как кяхья-капыджи был послан арестовать Крым-Герая, капыджи-баши Сулейман-аге поручено было представить в Порту предназначенного в приемники Селим-Герая III. Наш консул Никифоров писал про него, что «новопожалованный хан Селим-Герай из Романии в местечко Каушаны прибыл... сентября 29 дня, а продолжит ли

тамо время, или сюда (то есть в Бакче-Сарай) вскорости придет, неизвестно». Затем, ничего не видя, наш дипломатический агент уже аттестовал нового хана с хорошей стороны: «...Нововозведенного же Селим-Герая по довольному о нем знанию похваляют, что он добрых качеств человек». Между тем расхваленный им хан оказался рьяным противником пребывания его в Бакче-Сарае. По вопросу об удалении русского резидента в Крыму возникла целая дипломатическая переписка, в которой ханское мнение имело первенствующее значение, ибо на нем Порты основывала свой отказ в допущении нового консула в Крым на место неудачливого Никифорова. Вот содержание этого любопытного документа, озаглавленного «Представление Крымского хана по делу о консуле»: «В прибывшей на этот раз мудрой грамоте их (то есть хана) содержится следующее. Сделано осведомление насчет того, чтобы обсудить назначение со стороны России консула внутри Крыма и пребывание его там с тем, что если в этом нет худа, то бы указать на это. В эту пору от киевского генерала прибыл ко мне посол. Во время разговоров он ввернул также слово о назначении консула. При моем предшественнике, я сказал, вопреки обычаю был назначен консул. А так как взыскиваемые вами теперь убытки есть дело, случившееся в то время, то что хорошего вышло из нахождения консула? Когда, слава Богу, в падишаховой Державе ханский трон назначен был нам, то по прибытии нашем в Буджак к нам поступили от жителей Крыма челобитные. В них говорилось, что с древних времен и до сей поры внутри нашего государства не было назначено консула со стороны державы российской, и обычая такого не было. С назначением же его в царствование вашего предшественника, во время его пребывания внутри нашего государства им совершены противные условиям мирных отношений и непристойные поступки. Терпеть долее нет возможности. И вот все как есть жители страны отозвались, говоря: “мы этого не принимаем”, и просили об удалении его. Поступивший их рапорт еще при покойном бывшем садразаме Мустафа-паше был отослан в Счастливую Порту. Тогда дело обошлось тем, что по приказу Высокой Державы дан был отзыв на предьявленную со стороны России статью. Мало того: когда ваш

покорный слуга был приглашен в Порту, то мы обсуждали этот вопрос с вашим высокостепенством (то есть с верховным везирем) и реису-ль-кюттабом-эфенди. Затем, когда я удостоился высочайшей аудиенции, то и в их блистательном цесарском присутствии было упомянуто об этом, как следовало. Его величество присутствовал в заседании, когда ваш покорный слуга стал излагать обстоятельства дела. До вашего везирского слуха дошло, конечно, что было дано знать чистейшею речью его величества государя. А так как противное высочайшей речи повело бы к нелепости, то думается, что вы соизволите счесть подобающим и целесообразным отзыв в смысле точного исполнения высочайшего повеления».

Этим документом совершенно подтверждается все то, что известно из других источников. Из донесения Обрезкова также видно, что главной помехой к исполнению желания русского правительства иметь консула в Крыму было сопротивление бакче-сарайского населения, и главным образом духовенства как ведущего класса. При этом Порты не пыталась принудить хана, который вел себя как самовластный господин во внутренних делах; да если бы и решилась принудить, то из этого проку не вышло бы, так как крымцы нашли бы способы подкопаться и под нового консула. Что же касается упоминания в документе о взыскании каких-то убытков, предъявленном русскими властями хану, то смысл его объясняется другим документом, содержащим в себе резюме представления, сделанного русским резидентом в Порту. В этом представлении говорится, что «когда в октябре 1763 года толпа кубанских татар вторглась в русские пределы и, повстречав торговый караван, отправлявшийся из Астрахани в Кызлар, напала на него и пограбила товару на сумму 7500 гурушей, то и со стороны коменданта Кызларской крепости принесена была жалоба кубанскому сераскеру, а бывшим в Крыму консулом подобная претензия была предъявлена как прежнему хану, так и нынешнему. Негодяи были обнаружены и сами сознались в том, в чем их обвиняли. Однако же сколько раз ни было требуемо возмещение причиненного им ущерба, ничего не удалось получить. Мало того: так как виновные не были надлежащим образом наказаны, то дерзость их в совершении подобных злодейств еще увели-

чилась: на следующий год опять в октябре же месяце толпа упомянутых татар, добравшись до реки Терека, угнала у русских 300 голов скота» и т. д.

С другой стороны, так как взыск предъявлен был хану посланцем от киевского генерал-губернатора, то в данном случае, может быть, следует разуместь какие-нибудь претензии запорожцев на порубку татарами лесов в их владениях и приближение поселений к русским границам. Вообще надо заметить, что в эту пору между казаками и татарами постоянные происходили неудовольствия, чаще всего по причине угона одними у других скота, как об этом свидетельствует множество документов этой эпохи, переполненных бесконечными взаимными жалобами и кляузами казаков и соседних татар.

В том же вышеупомянутом документе Селим-Герай-хан III еще говорит о своей поездке в Стамбул, которая имела место в мухарреме 1179 года (июнь — июль 1765). Хан приехал с двумя сыновьями и большой свитой. Всю эту татарскую ораву нужно было угостить, наделить шубами и другими принятыми в Порте подарками и, ублажив, торжественно выпроводить восвояси. Эта поездка совпадает с моментом наибольших дипломатических затруднений, в которые была поставлена Порта вопросом об избрании в польские короли Станислава Понятовского, будучи со всех сторон подстрекаема к деятельному вмешательству в запутанные международные отношения, созданные этим вопросом. Оказывается, что и крымский хан не был безучастен к польским делам; только то, что нашим почтенным историком приписывается Крым-Герай-хану, надо относить к Селим-Герай-хану. «Главным союзником Австрии и Франции в Константинополе, — читаем мы у Соловьева, — был Крымский хан Крым-Гирей. В апреле ему удалось сильно раздражить султана против России». Речь идет о событиях 1765 года, но уже в сентябре 1764 года, как мы видели выше, Крым-Герай был отрешен и отправлен в ссылку; следовательно, разжигательством Порты против России, особенно давшим себя почувствовать в апреле 1765 года, занимался Селим-Герай-хан III, который, впрочем, явился лишь продолжателем политики своего предшественника, тоже не благоволившего к России и строившего ей разные каверзы.

Между тем дипломаты разных европейских дворов, избравшие Порту ареной своего соперничества, не давали ей покоя, толкая ее в тот омут, из которого она потом не смогла выбраться целой и невредимой. Больше всего поработали здесь французы и польские эмиссары. Они втянули Порту, под предлогом ограждения независимости Польши, в войну с Россией, окончившуюся новыми политическими комбинациями, создавшими условия, благоприятные к уничтожению самостоятельного существования Крымского ханства и падению его под власть России. Наступила эпоха, в которой проявилась военная и дипломатическая мощь России и обнаружилась окончательная несостоятельность Турции во всех отношениях. Эта эпоха прекрасно, со знанием дела, с большим юмором и яркими красками изображена человеком, игравшим тогда видную роль в оттоманской бюрократии, — Ресми-Ахмедом-эфенди Гириди⁷⁹ в его сочинении «Хулясэ-ту-ль-итибар», переведенном на русский язык Сенковским⁸⁰ под заглавием «Сок достопримечательного». И лица, и события — все у него очерчено кратко, но метко и согласно с прочими историческими данными. Из этого сочинения можно заключить, что турки поняли свою политическую ошибку, да уже было поздно.

Вот как характеризует ничтожные причины, породившие крупные следствия, турецкий историк Васыф-эфенди, очевидец и даже участник роковой борьбы Порты с Россией. Описав смутное состояние Польши, раздираемой несогласием двух враждебных партий, возникших по случаю избрания нового короля, Васыф продолжает так: «Питавшая вражду к москочцам партия прибегла с жалобой к Высокой Державе, и один из аристократических ляхов, Потоцкий⁸¹, сделал такого рода намек, что, мол, если господство московцев будет свергнуто и собранные ими для этого войска будут удалены, так что всякие связи с ними будут прерваны, то самое лучшее из ляхских владений, Подольская провинция со всеми принадлежащими к ней местностями, будет с полным удовольствием уступлена Высокой Державе. А тогдашние государственные мужи полагали, что это важное дело весьма легко и просто обделать, и, словом и делом занявшись взысканием средств к изгнанию московцев из Польши, затеяли весьма опасное предприятие,

результат которого был неизвестен. С другой стороны, французы, из собственных утилитарных видов, также подстрекали Высокую Державу к войне и вытянули язык порицания и компрометирования против держав, предостерегавших ее от этого. Что же касается москочев, то они тем, которые заранее обсуждали и взвешивали их действия по существу их, давали уклончивые ответы. С обеих сторон пошли разговоры, и, наконец, война стала неизбежна. Между тем некоторые так рассуждали, и тогдашний верховный везир поддерживал их в этом: «Разве москочевы станут из-за этого воевать? Войско Высокой Державы дойдет ли, не дойдет ли до Адрианополя, самое большое до берегов Дуная, как они очистят Польшу. Если Высокая Держава и понесет какие-нибудь издержки, так ведь зато получит в свое владение такую богатую провинцию, как Подолия!» Обе стороны стали обвинять друг друга в нарушении договора и таким образом решились начать войну». Таким образом, польские дела повели к войне, в которую вмешались крымские татары; а это вмешательство подало повод России, при благоприятном для нее исходе войны, выдвинуть на первый план вопрос о существовании Крымского ханства, судьба которого также вскоре окончательно решена была отторжением его от непосредственной зависимости от Порты, а затем переходом во власть России.

Ресми-Ахмед-эфенди согласно с Васыфом главную причину столкновения Порты с Россией тоже видит в польских смутах, но совершенно умалчивает об интригах европейских держав. Затем все свое внимание он сосредоточивает на бессмыслии турецких политиков в этом столкновении и на поведении крымских татар, в которых он видит главных виновников бед, обрушившихся на голову как Порты, так и их самих. «Когда судьбе наступит время, — рассуждает Ахмед-эфенди, — осуществить какое-либо свое предопределение, то она находит к этому средства там, где и в голову не придет. На основании этого в ту пору, как упомянутое злосчастное войско (русское) вступило в пределы ляхов, мубашир отправился для представления Крым-Герая к Порогу Счастья. Так как в предположении, что он будет сопротивляться, понадобилось назначить в Очаков румелийского губернатора, то на границах распространилась молва, что будто бы у Высокой

Державы будет война с московом; что татарское войско готово наводнить и опустошить ляхское государство. И пошла суматоха по тем местностям. Говорили, что москочы, наполнив Польшу войсками после назначения короля, имеют целью переступить границы Высокой Державы. Слухи эти усилились; письменные донесения о событиях следовали одни за другими, и поневоле понадобилось войти в переговоры с Апрышкиным (Обрезковым), старостой московского двора при Пороге Счастья* . Следовательно, случайное совпадение отставки чересчур горячего и беспокойного Крым-Герая осенью 1764 года, сопровождавшееся передвижением пограничных военных отрядов, с введением русских войск в Польшу для поддержки новоизбранного короля заронило первую искру, которая потом превратилась в пожар, испепеливший Порту в бесплодной борьбе с Россией.

* Перевод этого отрывка Сенковского, рассчитанный на эффект стиля, иногда уж слишком расходится со смыслом турецкого текста. Так и здесь, например, вышеприведенное место господин Сенковский передает следующим образом: «Вот почему едва это злополучное войско вступило в пределы ляхов, Крым-Гирей вздумал поскорее отправить гонца к Порогу Счастья с представлением, что Москва нарушает договоры, и тут же случилось, что румелийскому наместнику поручили заведование Очаковым. Это подало повод к общей молве в пограничных областях» и т. д. Приведенное же место слишком уж режет глаз своей неточностью, а главное, тем, что лишает сообщаемый тут исторический факт смысла, который хотел придать ему Ресми-Ахмед-эфенди. Положим, правда и то, что Крым-Герай тревожил Порту своими донесениями о действиях России; но совпадение этого обстоятельства с назначением в Очаков румелийского вали не представляет ничего такого, чтобы могло произвести сенсацию в пограничных местностях. Между тем меры предосторожности, которыми сопровождалось отрешение Крым-Герая, случившееся одновременно с избранием Станислава Понятовского, опиравшегося на русские военные силы, в короли польские, в самом деле могли породить в населении ложные слухи о предстоящей войне: и Крым-Герай для своей безопасности стянул неподалеку от Очакова около 5000 ногайцев, да и у турок на всякий случай было в запасе около Бендер, Очакова и Каушан немалое число войск, которые, как только низвержение хана состоялось благополучно, «пошли на реку Дунай в свои жилища».

«Эти переговоры, — продолжает Ресми-Ахмед-эфенди, — затянулись и, по обыкновению, обострились в досадную распрю. Разговоры, сопровождаясь соответственной заносчивостью и в то же время беспечностью и взаимным морочением, длились три-четыре года; а между тем военные возгласы все сильнее и сильнее раздавались; говорилось: московцы вступлением в Польское государство нарушают договор, надо восстать против них! Так как мне, ничтожному, в те поры суждено было в качестве посла проезжать Польшей в страну Брандабургскую, то мне известны все эти обстоятельства; это не такие дела, которые можно узнать из летописей».

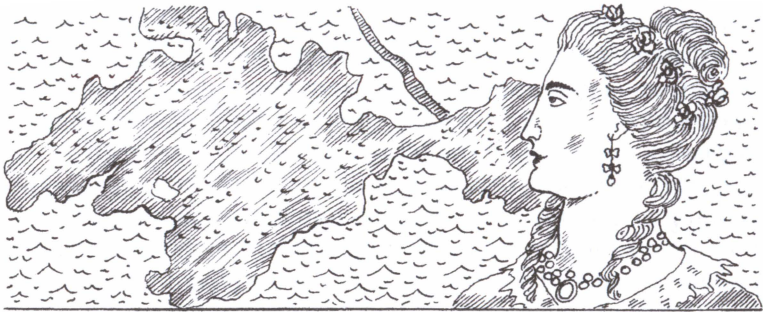
Последнее замечание несколько преувеличено: в тех же летописях мы находим указание таких важных причин войны Турции с Россией, о которых почему-то умалчивает Ресми-Ахмед-эфенди, как, например, подстрекательство французской дипломатии. Происки Потоцкого, изображенные у Ресми, не ускользнули от внимания и официального историка Васыфа, как мы видели. Зато поведение крымских татар в этот роковой для них период времени с 1769 по 1783 год, в самом деле, представлено у Ресми-Ахмеда-эфенди с надлежащей полнотой и ясностью, которой недостает официальным летописям. В этих последних кратко, даже без мотивов, сообщается, что «назначенный перед этим Крымский хан Селим-Герай-хан оказался неспособен действовать согласно видам Державы, и потому состоялась высочайшая воля о его отставке и назначении на ханский престол прежнего Крымского хана Арслан-Герая, 13 шевваля 1180 года (14 марта 1767)». Но старик с трудом добрался до Каушан и в мухареме следующего, 1181 года (июнь 1767) умер.

На ханство возведен Максуд-Герай-хан I, сын Селямэт-Герая, проживавший в своем чифтликке Фундуклу. Непродолжительное его царствование (1181—1182; 1767—1768) столь мало было заметно, что историки турецкие даже забыли записать о его назначении, а упоминают только о его смене, и то в таких коротких словах: «Так как из образа действий упомянутого обнаружилась его вялость, слабость и неспособность, по требованию обстоятельств, показать себя в войне, то он был отрешен и отослан в свой чифтлик, находящийся в Фундуклу».

Где нет определенной устойчивой системы в управлении, там трудно уследить за мотивами тех или других распоряжений, тех или других перемен в составе правительства. Сидевший с 1757 года на османском троне султан Мустафа III (1757—1773) сам по себе был человек не худой и с добрыми намерениями, судя по отзывам о нем современников; но общая застарелая неурядица в правительственном механизме усложнилась бессмысленными вожделениями некоторых мечтательных политиков Порты под влиянием хитрых европейских дипломатов и происков польских эмиссаров. Благоразумные люди, такие, как верховный везирь Мухсин-заде Мухаммед-паша⁸², были оттеснены пустыми сумасбродами, вроде Гамзе-паши⁸³ и ему подобными. Назначения делались наугад, на пробу; одни лица нетерпеливо сменялись другими; воцарилась полная безурядица, и финал легкомысленно затеянной комедии был весьма печальный, именно таков, какой пророчили люди смышленные и глядевшие несколько вперед. А так как во время войны не последнее значение имели крымские ханы, то и их теперь под горячую руку меняли одного за другим, пока опять не обратились к Крым-Гераю, хотя и не особенно приятному для Порты, но слышшему за человека дельного и умного, рьяного ненавистника русских.

Глава VI

Поведение барона де Тотта в Крыму и балагурство его мемуаров. — Личность Крым-Герая-хана I и смерть его. — Ничтожество Девлет-Герая-хана IV. — Разногласие отзывов о Каплан-Герая-хане II. — Настроение османской армии и поражение турок и татар от русских. — Военные успехи Каплан-Герая. — План императрицы Екатерины II о высвобождении Крымского ханства из-под турецкого верховенства. — Смена Каплан-Герая Селим-Герая-ханом III.

При Максуд-Герее и во второе ханствование Крым-Герая I имел пребывание в Крыму в качестве французского консула барон де Тотт⁸⁴. Мемуары его пользуются известностью и цитируются всюду наравне с другими достоверными источниками исторических сведений. Г. Говордз целых две своих статьи о Максуд-Герее и Крым-Герее наполнил пространном извлечением из «интересных записок» барона де Тотта. Между тем, по правде сказать, ни одно сочинение не производит такого безотрадного впечатления своей высокопарностью, авторским самомнением, вздорностью содержания, обилием самопротиворечий, как мемуары этого французского дипломата, проявляющего в них развязность, как будто составляющую отличительную черту характера самого автора этих мемуаров. Прочитав длинную заносчивую лекцию о том, как надо изучать быт и нравы чуждых нам народов, он отвергает всякую достоверность и полезность наблюде-

ний, сделанных прежними путешественниками. Распространившись потом о необыкновенных трудностях изучения турецкого языка, которых хватит на всю жизнь, барон, однако же, сообщает, что сам он изучил его с невообразимой быстротой. Бывши запанибрата, по его словам, с крымскими ханами, у которых он, впрочем, «целовал руки», де Тотт, однако, не научился писать их титул иначе, как «le Kam» — и это наилучшая аттестация его познаний в турецком языке. Всюду выставив свою собственную персону, он с явной хвастливостью приводит даже шутки, отпускавшиеся на его счет Крым-Гераем. Превознося ум, образованность, справедливость и политическую мудрость Крым-Герая до сравнения его с Монтескье, Тотт при этом рассказывает не особенно лестный анекдот о том, как искание одним ногайцем правосудия у хана сделано было предметом шутовской комедии, главную роль в которой играл опять-таки барон, принятый несчастным ногайцем, по недоразумению, за хана. Поэтому все, что сообщается Тоттом, требует самой тщательной проверки и сличения с другими данными. Куда большего доверия заслуживают по части сведений о турках и татарах такие почтенные труды, как путешествие де ла Мотрея⁸⁵ или как «*Traité sur le commerce de la Mer Noire*» («Трактат о торговле на Черном море») Пейсонеля! Последнему принадлежит еще и та честь, что он сделал достодожную оценку мемуаров Тотта в особой брошюре под заглавием: «*Observations critiques sur les mémoires de M. le Baron de Tott*» (Amsterdam, 1785; «Критические замечания по воспоминаниям барона де Тотта»), где с беспощадной очевидностью выставил всю вздорность сочинительства своего соотечественника-авантюриста.

Рассказав про свои беседы и поездки на охоту с Максуд-Гераем, Тотт подметил в этом хане одну только характерную черту — жадность, и для иллюстрации приводит случай с Якуб-агою, где сам он, Тотт, выступает в благородной роли заступника и покровителя несчастного Якуба, который бы иначе непременно погиб.

«Якуб-ага, начальник и главный таможенный чиновник Балты, — читаем в мемуарах, — чуть-чуть не сделался жертвой ее (жадности Максуд-Герая). Лишенный своей долж-

ности и своего достоинства, заключенный в оковах в тюрьму, он рисковал потерять еще и голову, несмотря на все старания своей покровительницы (принцессы, 70-летней старухи, осчастливившей барона презентованием ему собственноручно вышитой узорами цветной рубашки), и мне показалось весьма важным похлопотать о спасении и поддержке этого человека, которому Франция всегда имела повод считать себя обязанной».

Барон говорит тут, да не договаривает. Дело в том, что момент, о котором идет речь, был самый критический в вопросе о войне между Турцией и Россией. Донесением от 7 июля 1768 года Обрезков уведомляет русское правительство о сообщении Порты, что значительный казацкий отряд, преследуя польских мятежников, въехал в Балту, село, принадлежащее крымскому хану и находящееся на самой польской границе, причем казаки, истребляя конфедератов, убили несколько татар, молдаван и турок. Этому разбойничьему набегу казаков придан был характер вызова со стороны России, и он послужил ближайшим фактическим мотивом к открытию военных действий. В действительности происшествие в Балте имело частный характер стычки христиан с мусульманами и евреями, без всякой политической подкладки.

Что же оказывается? Всю эту историю раздул не кто иной, как барон Тотт, который подкупил балтского начальника Якуба послать ложное донесение в Порту, как это открылось из перехваченной депеши Тотта герцогу Шуазелю⁸⁶. Вот в чем, а не в жадности, вероятно, надо искать причину немилости Максуд-Герая к Якуб-аге; вот где причина и такого заступничества барона за Якуб-агу, а не в его великодушии; вот где, наконец, разгадка темного намека Тотта на какие-то услуги Якуба-аги Франции — намек, подтверждающего вместе с тем и участие французского эмиссара в создании *casus belli**, причинившей столько бед Турции и приготовившей окончательное падение Крымского ханства.

Распространяясь о разных пустяках, барон де Тотт лишь вскользь касается факта смены Максуд-Герай-хана и обстоятельств, которыми она сопровождалась, а между тем в выс-

* Повод к войне (*лат.*).

шей степени любопытно было бы знать от очевидцев, как совершался столь важный акт, как свержение правителя целой страны. «Газеты много толковали, — читаем мы в его мемуарах, — о смутах, волновавших в это время Польшу, и о распрях между Портой и Россией. Максуд-Герай находился в самом жупеле этого пожара, принужденный играть тут важную роль; он опасался последствий для себя, видел в Крым-Герее своего преемника и не ошибался ни в одном из своих предположений. Но балтское событие внушило султану решимость развернуть знамя Мухаммеда; русский министр был отведен в Семибашенный замок, а Крым-Герай, вновь возведенный на трон татарский, был призван в Константинополь для совещания с его величеством о первоначальных военных операциях. Эти новости пришли в Бакче-Сарай с известием о низложении Максуда. Тот же курьер привез распоряжение нового хана о назначении каиммакама⁸⁷».

Из этих кратких намеков Тотта выходит, что Максуд-Герай играл какую-то роль в международных отношениях Порты с Россией. Вероятно, он был против войны. Оттого-то про него турецкие историки и замечают, что он был отставлен по причине отсутствия в нем воинственного духа. Но барон Тотт не пошел дальше намеков. Зато он очень охотно описывает свои хлопоты по приготовлению ужина для нового хана в Каушанах, куда барон отправился встречать его.

Крым-Герай-хана (1182; 1768—1769) весьма чествовали при вторичном его назначении ханом: угощали, осыпали подарками; а султан вел с ним беседы насчет предстоящей кампании. Аудиенция ему и облачение его в ханские доспехи состоялись 7 джемазиу-ль-ахыра 1182 года (19 октября 1768). Тут же обнаружилось и умственное расстройство нового верховного везира Гамзе-паши, который на другой день был сослан в Галлиполи и заменен Эмин-пашой⁸⁸, султанским зятем.

На Крым-Герая возлагались великие надежды в предстоявшей кампании, а потому вскоре последовавшая смерть его — при тогдашнем безлюдье в личном составе правительственной корпорации — составила чувствительную утрату для Османской Порты. Ресми-Ахмед-эфенди, вообще не особенно щедрый на похвальные отзывы и, в частности, не

слишком сочувственно относившийся к татарам и их ханам, так описывает Крым-Герая: «Крым-Герай был... богатырь из татар. Он был грозный человек, умевший осуществлять свою угрозу. Татары и казаки боялись его. За тридцать дней до весеннего равноденствия, находясь в Каушане, как только он узнал о вступлении московов в ляхские пределы, тотчас же был готов с татарским народом войти в Польшу опустошить польские земли и во что бы то ни стало расстроить московское полчище в отношении продовольствия. По воле судьбы в течение нескольких дней известие о его смерти подтвердилось. Если бы счастье благоприятствовало и Крым-Герай в ту пору вошел бы в Польшу, то вправду причинил бы московцу великие хлопоты и, наверное, воспрепятствовал бы его смелому нападению на Хотин». Воздавая похвалу доблестным качествам хана, Ресми-Ахмед-эфенди, очевидно, не придает никакого значения тому, что уже было ханом сделано со времени объявления войны. По словам де Тотта, уже 7 января 1769 года Крым-Герай тронулся со своей многочисленной ордою из Каушан по направлению к русской границе, и, действительно, все подвиги татар состояли в опустошении и сожжении попутных селений и уводе пленных разных полов и возрастов.

Занятый главным образом своей собственной особой и амикошонскими отношениями к хану, барон де Тотт не сохранил даже чисел ханского маршрута: вышеприведенная цифра — 7 января — есть единственная в описании целой, хоть и непродолжительной кампании. Но о чем часто и настоятельно вспоминает болтливый француз, так это о страшных холодах, свирепствовавших в ту зиму, так что в ханском ополчении и люди, и лошади массами гибли от стужи. Превознося строгость дисциплины, настоятельно поддерживавшуюся железною волей Крым-Герая в своем полчище, и его гуманность, признаком которой де Тотт выставляет отвращение хана от отрубленных голов неприятельских, барон тут же преподробно рисует картину поистине варварской расправы хана с одним ногайцем-мародером и процедуру дележа пленников, причем на долю барона хан тоже отчислил десять красивых мальчиков. Трудно сказать, кто худшую роль играл в этом дележе — дикий ли татарин, по преданию отцов

считавший эту процедуру делом обыкновенным, или цивилизованный француз, подавший своим нравом и манерами повод хану предполагать, что красивые мальчики составят весьма подходящий сюрприз приятному спутнику, который был «*eloigne de son Harem*»*.

Самое любопытное из сообщаемого Тоттом — это факт крайнего нерасположения и недоверия Крым-Герая к туркам; он пророчил, что трусость их причинит много зол Оттоманской империи, и его пророчество, как известно, вскоре оправдалось.

Описывая это «последнее в нашей истории татарское нашествие», Соловьев говорит, что, «опустошив, по обычаю, земли и врагов и друзей, крымские разбойники, довольные ясырем, ушли за Днепр, и хан отправился в Константинополь, повез султану в подарок пленных женщин». Но тут не все сказано верно: Крым-Герай больше не видал Константинополя. Совершив свой опустошительный набег, хан вернулся опять в Каушан, куда, говорит Тотт, «мы прибыли одинаково довольные тем, что могли отдохнуть от трудностей кампании». Здесь у них проходило время «*au milieu des plaisirs dans lesquels Krim-Gueray aimait à se délasser*»**. Барон умалчивает об оргиях, происходивших у Крым-Герая, за страсть к которым он и получил от своих соотечественников прозвище «Сумасшедший хан» — Дэли хан. Он и умер-то под звуки концерта, который играли ему шесть музыкантов, постоянно находившихся в его покоях. Подвергаясь во время похода всем неудобствам и трудностям зимнего путешествия и питаясь вместе с прочими татарами толокном, Крым-Герай в то же время умел смаковать хорошее венгерское вино и очень любил наслаждаться фиглярскими зрелищами. Любопытно известие как относительно оргий, происходивших в Каушане, так и участия в них конфедератов, которые фигурировали в качестве вожатых в этой кампании. Когда пронеслась молва о том, что в Каушане день и ночь происходят пляски да потехи, то «антрепренеры с большими издержками и хло-

* Без своего гарема (*фр.*).

** В удовольствиях, в которых Крым-Герай любил расслабиться (*фр.*).

потами, в надежде на щедрость хана, позабিরали всех, какие только оказались, мальчишек в банях и цирюльнях в Стамбуле и в Пере, посажали их в повозки и запрудили Каушанское поле. Когда собравшие этих мальчиков хозяева прибыли туда, то их одели в почетные халаты, дали им богатые подарки и отпускали им надлежащие рационы. В столице у главных рабopодавцев не осталось тогда совсем красивых мальчиков. Когда об этом обстоятельстве стало известно обреченным в геенну гяурам, то один из ляхских бояр, задушевный приятель ляхского же боярина по имени Потоцкого, с несколькими польскими ресторанными мальчуганами, под видом дружбы к нему, как будто бы бежал из Польши и пристал к ханской свите. Заставляя польских мальчуганов играть вместе со своими музыкантами, хан каждый день как следовало покучивал... Он вздумал взять с собой и в поход упомянутого антрепренера польского; но путешествие оказалось столь пагубным вследствие страшных морозов и массы снегов, что польский боярин, бывший в то же время и за проводника, во время пути исчез, когда подошли к долине между двух гор близ Киева; сколько ни искали его, не могли найти. Без проводника же татарское полчище сбилось с дороги; много правоверных погибло под снегом; другие поотморозили себе носы, уши, руки и ноги». В заключение вот что говорится про эту затейливую кампанию Крым-Герая: «Хотя он был храбрый богатырь и владел большим войском, но, вверив свое назначенное к исполнению дело руководству врага, пустил на ветер татарскую репутацию: вышло не так, как он надеялся».

Общераспространенное мнение насчет смерти Крым-Герая то, что она последовала от отравления, в котором барон Тотт прямо обвиняет доктора Сиропуло, пользовавшего больного хана. Что будто бы симптомы отравления «заметно обнаружились, когда тело было бальзамировано», это еще понятно, но на чем Тотт основывал свои подозрения, которые внушал и хану, относительно злых намерений доктора, это осталось тайной барона; он ее не открыл, несмотря на свою необыкновенную болтливость. Императрица Екатерина тоже признавала факт отравления Крым-Герая, но толковала его по-своему. «Поход, — писала она госпоже Бельке⁸⁹, — стоил жизни хану, которого Порта велела отравить

с пятью самыми знатными мурзами, приписывая злонамеренности невозможность проникнуть в наши пределы».

Но ни то, ни другое предположение не имеет соответственного подтверждения в турецких источниках. Васыф-эфенди просто говорит, что «Крым-Герай-хан нагрязнул с бывшим у него турецким и татарским войском и опустошил московские владения. Около десяти тысяч гяуров он застрелил стрелой рока и, с многочисленным полоном придя в Крым, предался отдохновению. Весть о его кончине, приключившейся вдруг, дошла до слуха верховного везира на станции Силиври». Если бы было подозрение в отраве, то непременно бы было на это указано кем-нибудь из современных турок: ведь сохранилась же целая легенда о том, как во время той же кампании 1769 года в турецких войсках обнаружилась смертность в Адрианополе, происшедшая будто бы оттого, что в колодезь с водой была набросана отравляющая подосланными от московов шпионами. Между тем на смерть Крым-Герая есть такой еще комментарий: что она произошла от огорчения и печали, причиненных хану неудачностью его набега. А всего проще видеть причину скоропостижной смерти Крым-Герая в тех излишествах, которым он предавался, по единогласному свидетельству всех, знавших его. Наконец, если бы он был отравлен по распоряжению турецких властей, то Ресми-Ахмед-эфенди не преминул бы подтрунить над такой мерой стамбульских политиков.

Крым-Герай-хан I был последний крымский хан, сколько-нибудь серьезно смотревший на свое властное положение и энергично пользовавшийся им как в свое удовольствие, так же и для поддержания собственного престижа. С его смертью наступила и политическая смерть Крымского ханства, в возможность существования которого никто теперь больше не верил — ни русские, ждавшие только удобного момента легализировать свое фактическое обладание полуостровом; ни европейская дипломатия, выбившаяся из сил в противодействии этому территориальному приращению России; ни Оттоманская Порта, не знавшая, как ей выпутаться из беды, в которую ее вовлекло легкомысленное международное тщеславие и доверчивость к дипломатическим интригам мнимых друзей ее; ни, наконец, сами татары, воочию убедившие-

ся в несостоятельности Порты быть надежным и мощным их покровителем при ее обнаружившейся военной слабости и денежном оскудении. Вследствие этого все ханы после Крым-Герая по своей политической роли ничтожны, по индивидуальным свойствам безличны и по историческому своему значению едва заслуживают перечисления, тем более что они беспрестанно являлись один за другим, большей частью не пробывши и одного года в ханском звании.

Когда стало известно о смерти Крым-Герая, то в преемники ему избран был с одобрения всех находившихся при верховном везире султанов, мурз и других начальников племен Девлет-Герай IV (1182—1183; 1769—1770), который проживал тогда в своем чифтликке. Ресми-Ахмед-эфенди не очень лестно аттестует его, давая ему эпитеты «огурсуз» — «бессчастного», «куввэтсыз» — «бессильного», «к делу негодного» — «ише ярамаз». Другая аттестация еще точнее определяет ничтожество Девлет-Герай-хана IV: «Назначенный на его (Крым-Герая) место хан известно, чем кончил: распоряжение татарами как народом, так и войском у него осталось на заднем плане: только величаться титулом ханским, да забирать чистые денежки взамен рационов по числу значащегося в реестре войска, да выпрашивать халаты и другие пожалования от Высокой Державы — вот что стало его обычной выгодной статьей; ханское же достоинство “стало пустым звуком”». А между тем турки чаяли от него, должно быть, многого, когда устроили ему пышную встречу по прибытии его из Каушана в армию, и на военном совете, происходившем в ребиу-ль-эввеле 1183 года (июль 1769), выслушивали его как знатока обстоятельств и положения неприятеля, коли, при общей скудости своих финансовых средств, отсыпали ему при отъезде его опять в Каушан, 86 тысяч гурушей подъемных.

Но все пропало даром: если русские полководцы в начале этой войны действовали, по отзыву Фридриха II Великого, как кривые, то турецкие оказались в сравнении с ними просто слепыми. Хотин после нескольких неудачных атак занят был русскими; а деморализующее впечатление этого факта на войско, в совокупности с другими неблагоприятными обстоятельствами, повело к неудаче диверсии татарского отряда на Елизаветград.

По прибытии армии к Хан-Тепе, куда подошел и Девлет-Герай, снова состоялся военный совет, на котором хан «прежде всех зашевелил языком», чтобы выразить свое сожаление и скорбь по случаю оставления Хотина во власть русским; а садразам ему поддакивал. После этого заседания хан торжественно был облечен в регалии, присланные ему из Порты с селяхдар-агой, чтобы вскоре за тем быть разжалованным. Вот что говорит Васыф по поводу отставки Девлет-Герая: «Вышеозначенный (хан) около одиннадцати месяцев правил областью Крымской, и до самой отставки ему были делаемы разные богатые подарки в виде драгоценных вещей, дорогих луков, стоимостью тысяч на шесть кисетов; оказывалось внимание к самым несносным его просьбам; а между тем с его стороны не сделано было ни одной достойной одобрения и стоящей похвалы услуги. Мало того: во время разрыва моста он не оказал надлежащей помощи переправлявшимся с той стороны Днестра сюда мусульманам; он сквозь пальцы смотрел на то, как его татары, славящиеся своим искусством плавать, переправляли тех из единобожников, у которых в карманах и кошельках были деньги, а не имевших денег оставляли, вследствие чего масса народа потонула, а хан и не подумал принять против этого какие-нибудь меры*. Спустя три, пять дней после рассеяния войска, неприятель потянулся к Хотину. Если бы тогда хоть со слабым татарским отрядом показать лишь признак войск в окрестностях Хотина, то могло бы случиться, как говорили, что неприятель не перешел бы на эту сторону. А между тем вышеупомянутый хан... тоже направился к Яссам. Неприятель же преспокойно и безбоязненно перешел на сю сторону Днестра, взял и опустошил пределы молдавские и валашские; разослав во все стороны своих кавалеристов, он совершил всевозможные злодейства.

* Тут вспоминается факт, несколько иначе описанный у Ресми-Ахмеда-эфенди. «Волей Божией, — говорит он, — вода в Днестре при была, и 17 джемату-ль-эввеля (7 октября 1769 года) мост разорвался. Масса народа Мухаммедова осталась на противоположной стороне среди неприятеля. Те, кто могли, вскочив на лошадей, ускакали прямо в Бендеры; кто не имел средств уйти, сражаясь, сделались мучениками».

Когда стало известно падишаху, что хан, вследствие своей трусости и бездеятельности, не сделал помехи ни гусарам, ни казакам неприятельским и нигде не выказал мужества, то последовало высочайшее повеление об отрешении его и назначении на ханский трон сына Селим-Герай-хана II — Каплан-Герая. Когда садразам узнал о том, что Каплан-Герай из своего чифтлика прибудет в императорский лагерь, то сам с государственными сановниками исполнил все церемонии встречи, угощения и приема его. Новый хан направился в Баба-Дагы и, по свершении обычного обряда принятия высочайшей инвеституры, 5 зиль-кадэ года (2 марта 1770) из-под Исмаила пошел в Каушан; предместник же его, будучи послан на остров Кипр, только помахивал кнутиком и стал примером беславия для современников».

Каплан-Герай-хана II (1183—1184; 1770) одни хвалят за его сообразительность и военные дарования, другие, напротив, порицают за его дряхлость, бесхарактерность и предательство. Но события во время его ханствования приняли уже такое направление, что личные доблести какого-либо крымского хана едва ли могли поправить дело, гнилое в самом своем корне: безголовость беспрестанно сменявшихся турецких главнокомандующих, беспрерывно страшная нужда в съестных и боевых припасах и отсутствие дисциплины в войсках являются хроническим злом в турецкой армии, и отдельные успехи турок поэтому встречаются лишь в виде случайностей и мало изменяют картину сплошной мартирологии, которую представляет историческое описание всей злосчастной для них кампании. Все, что говорится о деяниях Каплан-Герая II у Ресми-Ахмед-эфенди и у Васыфа-эфенди, есть перечень одних поражений, которые крымский хан делил с турками и которые нередко, впрочем, были ими претерпеваемы вследствие его же неудачных советов.

К числу таких советов относится, между прочим, сделанное им заодно с другими начальниками представление верховному везиру о необходимости постройки моста через Прут для переправы его татарского отряда и отряда войск османских, который он выпросил себе вследствие неумения его татар владеть огнестрельным оружием, когда он собрался сделать набег в Молдавию. Попав под убийственный огонь не-

приятельской артиллерии, татары обратились в бегство, и несчастный хан, отчаявшись в возможности тягаться с таким сильным неприятелем, стал молить сердар-экрема⁹⁰ самого идти к ним на помощь. За этим несчастным дебютом последовало страшное Картальское поражение⁹¹ турок, после которого Каплан-Герай-хан на совете потерявших голову турецких начальников, происходившем 12 ребиу-ль-ахыра (5 августа), имел еще мужество держать речь насчет дальнейших военных соображений о том, как бы укрепиться в Измаиле. Тут обращает на себя внимание одно его предложение, любопытное не столько в военном, сколько в политическом отношении. Он просил оставить в его распоряжении едиганских татар, как самое многочисленное и самое враждебное русским племя, а семьи их перевезти за Дунай на лодках. В этом смысле написан был приказ сераскеру Абаза-паше: но, прежде чем тот его получил, воины бросились в лодки, нагруженные провиантом; произошла страшная давка, и пропасть народа потонула в Дунае; оставшиеся в живых разбежались куда глаза глядели, а явившийся на другой день русский отряд под начальством Репнина⁹² совершил погром, забрав множество турок в плен. Русские заняли покинутый турками Измаил.

После таких бесславных подвигов Каплан-Герай собрался уйти в Крым, который давно уже не видал своих ханов, бывших постоянно в отлучке. Но пред этим хан, если верить турецким историкам, немного поправил свое военное реноме, нанеся даже не одно поражение русским отрядам. Оказалось, что едиганцы, которых хан только что рекомендовал как самых исконных и заклятых врагов русских, вошли в переговоры с неприятелем насчет того, чтобы под его покровительством спокойно водвориться в свои места. Хан, догадавшись об этих сношениях, чтобы это настроение не сообщалось и прочим племенам, счел за нужное удалиться с подвластными ему племенами в Аккерман. Русские же, узнав, что Буджак покинут татарами, собрались в количестве 6000 человек около Очакова. Как рассказывает Васыф, хан сразился с ними и многих порубил; остальных же обратил в бегство. Через несколько дней было замечено, что неприятель собирается опять подступить к Очакову. Тогда хан, имея

две пушки и 300 человек пехоты, собрал около себя картальских и измаильских беглецов и в первой же атаке заставил русских отступить; но затем мусульмане наткнулись на засаду и частью были перебиты, частью же попались в плен; многие вернулись опять в крепость. После этого хан во главе части войск двинулся в Крым; другие его войска разместились по кораблям турецкого флота; некоторые же, самые слабые, остались в Очакове.

Отбытие Каплан-Герая в свои владения совпадает с важным моментом в истории Крымского ханства. «С самого начала, тотчас же по объявлении Турцией войны, — говорит Соловьев, — в уме Екатерины уже была мысль отторгнуть Крым от Турции не с тем, однако, чтобы присоединить его к России, а сделать независимым». Это надо, конечно, понимать в том смысле, что теперь русская политика, в лице Екатерины и ее сотрудников, принялась решительнее работать над приведением в осуществление идеи, которая уже давно, со времен Петра Великого, гнездилась в головах более дальновидных и умных наших государственных людей. «Мы заблагорассудили, — пишет Екатерина Петру Панину⁹³, — сделать испытание, не можно ли будет Крым и все татарские народы поколебать в верности к Порте внушением им мыслей к составлению у себя независимого правительства. Сочинена здесь форма письма от вашего имени к хану Крымскому. Письмо в Крым удобнее всего отправить через татарских пленников. Ежели крымские начальники к вам не отзовутся, в таком случае остается возбудить сообща в татарах внимание чрез рассеяние копий с письма по разным местам, чем по малой мере разврат в татарах от разномыслия произойти может». Этот проект намечен в октябре 1769 года, а в марте следующего года происходило обсуждение на основании представленных графом Паниным данных насчет возможности успеха и в то же время неспособности крымских татар быть полезными подданными России.

Относительно безуспешного обращения Панина к Каплан-Герая с предложением ему «вольности» и насчет грубого ответа хана на это предложение, о которых сообщается у Соловьева, турецкие историки ничего не говорят; но о том, что русская пропаганда воздействовала на подданных хана,

они, разумеется, знают. Главным вожаком податливых едисанцев в случае, о котором мы упоминали, был мурза Джан-Мамбет-бей. В самом же Крыму таким сторонником перехода татар в подданство России явился тоже едисанский мурза Темир-султан. Впрочем, старания Темир-султана по свращению татар к дружбе с Россией оказались напрасными. Порта и преданные ей крымцы приняли свои меры: не надеясь, что у хана Каплан-Герая окажется достаточно энергии, необходимой в таких опасных обстоятельствах, султан сменил его и прислал на его место Селим-Герая.

Что Каплан-Герай потерял свой авторитет в глазах турок, это можно заключать из следующего обстоятельства. Еще в начале войны дана была фетва, которой разрешалось разорять и истреблять огнем жилища поляков, склоняющихся на сторону России. Это варварское решение брался привести в исполнение Максуд-Герай, который во главе шеститысячного отряда пришел в Никополь; но тут у него случился конфликт с тогдашним ханом Девлет-Гераем III — получив от него другое назначение, он не послушался и удалился на покой в свой чифтлик. Теперь, когда по уходе Каплан-Герая в Крым, а турецких войск на зимние квартиры берега Дуная оставались совершенно неприкрытыми, на военном совете решено было, что охрану берегов всего лучше бы мог исполнить именно Максуд-Герай. Мнение это было всеми единогласно одобрено и принято. Только верховный везир возбудил вопрос о том, будет ли это ладно. «Служебное назначение Чингизидских султанов исключительно принадлежит только ханам... а хан неизвестно где теперь находится», — сказал он. На это судья армии и Ресми-эфенди, в передаче Высыфа-эфенди, отвечали: «В такое трудное и стеснительное время хан удалился от службы Державе и засел где-то в Крыму, это тоже, очевидно, против правил Чингизидских, а потому на его мнение можно и не обращать внимания: надо смотреть на государственную пользу».

Васыф-эфенди перечисляет все действия хана, послужившие мотивами к его низложению. «Повелевавший Крымом Каплан-Герай-хан, — пишет Васыф, — в сущности, храбрый, мужественный и способный к военным делам человек; но так как, по молодости лет и юношескому возрасту,

он был неопытен в делах и неосторожен относительно козней и хитростей неприятельских, то неоднократно и на Пруте, и в других местах, благодаря этой неосторожности, он терпел поражения, и известная людям его храбрость и слава были скомпрометированы. А когда у татар произошли переговоры с неприятелем и обнаружилось заключение тайного договора о том, чтобы им, получив свободу, стать независимым народом, чем подчиняться господству какого-нибудь могущественного падишаха, и иметь право по своему усмотрению и желанию выбирать себе ханов, то он оказался решительно слаб и бессилён взять их в руки власти и мощи. По этой же причине он во время сражения на Гюль-Баши стоял на месте и ждал последнего момента... Потворствуя войску, он не понимал твердости власти и ушел прямо в Крым. Ему следовало бы вернуться, а он, по прибытии туда, прислал в Порту поклон и объявил, что в случае, если ему не будет прислано тысячи кисетов акче, потребных ему на военные издержки, он передает ханство другому. Когда его бумага поступила в Высокий Порог, то было решено и признано, что хотя до сих пор ему отпущено много денег и все его требования подписывались пером исполнения их, но если бы была уважена и эта просьба, то решительно никакой бы пользы из этого не вышло. Его отставка была решена, а прежний хан Селим-Герай был вызван к Высочайшему Стремени и пожалован высоким троном ханским. Он забрал с собой находившихся там Чингизидских султанов и поспешно отправился в императорскую армию».

В виде курьезного добавления к этому обвинительному акту против Каплан-Герая Васыф-эфенди сообщает еще следующее. Крымский хан написал в Порту, что для охраны Крыма ему надобно 1000 кисетов акче, и что если означенная сумма не будет доставлена в течение сорока дней, то он опасается за Крым, и сераскер, крымский сияхдар Ибрагим-паша, подтвердил слова хана. Получив бумагу, «столпы Державы» пришли в ужасное замешательство по причине затруднений в отсылке денег: сухопутная дорога преграждена была неприятелем, а посылать морем было страшно. В недоумении султан обратился к пришедшему к нему советнику Ени-Шегерлы-Осману-эфенди и говорит: «Ты мастер в та-

ких трудных случаях подавать хорошие мысли; скажи-ка, как быть в этом деле?» — «Да разве это дело? Стоит взять только перо да бумагу и написать приказ, чтобы требуемая ханом и везирем сумма была выдана из кафской казны». Тотчас было велено сообщить это распоряжение в дефтердарское⁹⁴ бюро; но оттуда отвечали, что доход кафской казны составляет всего-навсего 17 кисетов, которые по реестру отчисляются на карманные расходы калгай-султанов. Султан, получив этот ответ, расхохотался; но не похвалил сообразительности предложившего такую меру; поневоле пришлось утвердить отставку хана. «Этот достовернейший факт памятен всем сведущим людям», — присовокупляет в конце Васыф-эфенди.

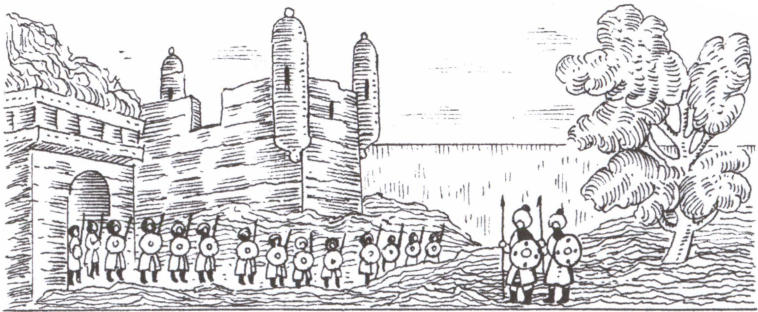
Анекдот этот если и верен, то не очень забавен, но он важен, однако же, в том отношении, что, во-первых, характеризует нам степень знакомства турецких сановников с теми делами, которые они ведали, и подтверждает крайне затруднительное положение хана и сераскера Ибрагим-паши, которые должны были без всяких средств отстаивать целый край против такого сильного неприятеля, как Россия.

Халим-Герай, повторяя в «Гюльбюн-и ханан» вышеприведенный рассказ Васыф-эфенди, скептически оговаривается в конце: «А Бог знает истину». Со своей же стороны в похвалу Каплан-Герая он приводит то, что тот «по прибытии в Крым по мере возможности прилагал несчетные старания к заготовлению боевых снарядов, а также твердо решился во что бы то ни стало привлечь к себе подвластных московцам калмыков и, действуя лаской и кротостью на их воображение, отторгнуть их от московцев и заставить перейти на Кубанскую сторону, но 4 шабана 1184 года (23 ноября 1770) он был свержен с правительственного ковра».

По некоторым данным лишение ханства Каплан-Герая совершилось не так уж и просто. Странно только, что в наших архивных документах не находится следов той роли, которую играл хан в начавшемся тогда среди татар движении в русскую сторону. Соловьев лишь вскользь упоминает, что Каплан-Герай не имел достаточной энергии и потому был смещен султаном, который прислал на его место Селим-Герая.

Глава VII

Мемуары секретаря Ибрагим-паши, бывшего в русском плену. — Известия их о крымских событиях. — Рассказы о расположении Каплан-Герая-хана к русскому подданству и сомнительность их. — Затруднительность кампании и праздничества Селим-Герая-хана III. — Расправа турецких войск с Абазех-Мухаммед-пашой. — Мирные действия русских в Крыму. — Вступление Шагин-Герая на историческое поприще. — Описание жалкого состояния турецких войск и целесообразного поведения крымского хана, находящееся у турецких историков. — Бегство хана из Крыма и всеобщее смятение среди крымских жителей. — Плен турецкого сераскер-паши. — Сделка крымцев насчет уступки земли своей русским. — Различное объяснение причин бегства хана. — Сношение кафинцев с русскими. — Поведение Сахыб-Герая и Шагин-Герая, по изображению турецкого мемуариста. — Настроение крымского населения, христианского и мусульманского, благоприятное русским. — Взятие Кафы русскими и переговоры их с татарами.

Вышеупомянутый турецкий сераскер Ибрагим-паша, столь энергично, хотя и безуспешно, старавшийся убедить Крым от завоевания его русскими, в конце концов сам попался в плен и был отправлен в Петербург. Участь пленника делил с ним, между прочим, секретарь его, прикомандированный к нему от турецкого министерства финансов с самого начала кампании в августе 1769 года и потому бывший

очевидцем того, что происходило на полуострове до июля 1771 года. Господин этот описал как крымские события, так и свои наблюдения во время нахождения в плену в целом отдельном сочинении, разумеется скрыв свое настоящее имя, по восточной ли притворной скромности или по другим каким причинам⁹⁵. Вероятно, имя автора этих мемуаров неизвестно и Дживдет-паше⁹⁶, потому что он, делая из них в своей истории выдержку, просто ссылается на «утверждения и написания некоторых лиц, находившихся в то время в крымском отряде по служебному положению и проникших в тайны крымцев». Рукописный экземпляр этого любопытного памятника хранится в Азиатском музее Императорской Академии наук под № 590id и носит заглавие «Тарих-и Крым» («История Крыма»)*. Вот какие известия мы находим в этих мемуарах относительно того, что происходило тогда в Крыму, разумеется с окраской, соответственной происхождению мемуаров.

«В ту пору (то есть в эпоху турецких поражений при Ларге и Кагуле) о главной армии, о крепости Бендерах и о других крепостях получались тревожные вести; и затем, когда Крымский хан Каплан-Герай с многочисленными татарскими полчищами Ногайцев, Буджакцев и Эдисанцев, перешел сначала к Очакову, а потом в сторону Крыма, подлые начальники упомянутых племен Джан-Манбет мурза и другие мурзы из места, называемого Узу-Бой**», написали к гяурам письма с изъявлением покорности. «Мы и Крымский хан, — писали они, — а равно другие сановники Крымского государства и Ширин-мурзы — все, вместо того чтобы повиноваться османцам, в настоящее время считаем за лучшее быть слугами такого достожелательного к нам правительства, как ваше». И Калмыцкие татары, хотя в Перекопском сражении

* Это широкое название совсем, однако, не идет к мемуарам неизвестного автора, три четверти которых заняты описанием разных дикувинок, обративших на себя особенное внимание восточного человека в Петербурге.

** Под Узу-Боем надо разуместь не местность какую-нибудь, а просто реку Днепр. Но по русским данным начальные люди Эдисанской орды в описываемый момент стояли у реки Березани.

некоторые из них погибли, а остальные разбежались, тоже пришли к русским и сказали: “Вот и мы к вам с повинною головою, хотим служить в войсках ваших”... На этом основании они обменялись договорными документами и дали друг другу залого.

...Упомянутый хан с небольшим числом добровольцев пришел в Крым и виделся с главнокомандующим. В разговоре он подтвердил сведения о положении главной армии и сказал, что ногайских татар, для того чтобы они преданно служили Высокой Державе, надобно было бы с семьями, детьми и имуществом перевезти за Дунай: пусть бы они оставались в Румелии и на указанных только им местах дрались бы с неверными. Но так как Халиль-паша не придавал этому никакой важности, то ногайские и буджакские татары были смяты. На этом основании и он (то есть хан), говоря: “Все ищут спасения живота своего; мы тоже рассеяны и пришли сюда; нам необходимо хоть немножко продовольствия и денег”, — просил у везиря денег и провианта. Волей-неволей паша приготовил им дней на восемь—десять продовольствия и две тысячи золотых и отдал было им это, да потом подумал: “ведь и у нашей собственной армии мало провианта, и насчет казны мы тоже в весьма стесненном положении”, — и опять взял назад.

Через восемнадцать дней после этого упомянутый хан пошел в Бакче-Сарай, собрал там крымских сановников, Ширинцев и других мурз... объяснил им, чего можно ожидать в будущем, и присовокупил: “вам тоже следует обменяться мирными договорами с русскими, для того чтобы спасти Крымскую область, ваши семейства, детей и имущество”. — “Государь, — отвечали те, — дай нам грамоту, чтобы мы сообразно с нею могли тоже обменяться грамотами”. Хан написал коллективно от всех заявление; сначала он сам его припечатал; а потом и прочие приложили к нему свои подписи и печати. Но это было написано между людьми, посвященными в тайну этого дела.

Пока отправляли упомянутую грамоту к неверным, хан был отрешен, и из Высокой Порты прибыл мубашир с высочайшим указом. Как только хан узнал об этом обстоятельстве, он пригласил опять к себе всех посвященных в тайну и обратился к ним с такими словами: “Меня отрешили; сле-

дует ли мне ехать сообразно полученному указу или же лучше дать отзыв?» — «Лучше ехать, — единогласно отвечали сановники, — потому что тебе, хан, известно, что большинство крымцев не знает этой тайны; жители сел и городов тоже не знают о ней. Пускай приедет другой хан: Крым разделится на две партии, и давать отзыв будет затруднительно. Притом же османские войска поддержат сторону нового хана, а нас тогда уничтожат. Сделай милость: тебе ничего не будет, поезжай сообразно указу». Тогда хан поневоле, сев в сопровождении прибывшего мубашира на галион, уехал.

Если бы мне задали вопрос, каким образом я узнал обо всех этих обстоятельствах, то было несколько человек из числа посвященных в тайну, с которыми я около двух лет вел дружбу, почему они и не скрывали от меня своих секретов. Они были недовольны, потому что они были из грамотного сословия...»

Расставшись с Крымом, Каплан-Герай-хан II уже более не возвращался в него; карьера его была окончена, и он, «с тысячу затруднений и неприятностей добравшись до пристани спасения, получил позволение водвориться в своем чифтликке, — говорит о нем Халим-Герай в “Гюльбюн-и ханан”. — Хоть бы тысячу лет жизнь продолжалась, все ж это не вечность; а вот что очень тяжко — это смерть в молодых годах! А к нему это и применяю: он в ребиу-ль-ахыре 1185 года (июль—август 1771), пораженный чумою, отправился в жилище Всемогущего Владыки и погребен в ограде священной мечети деревни Су-Баши. Жития его было тридцать два года, а властвования одиннадцать месяцев».

Остается только нерешенным вопрос о том, точно ли Каплан-Герай первый из ханов вошел в соглашение с русскими агентами относительно формального прекращения вассальных отношений Крымского ханства к Оттоманской Порте и склонил к этому всех подданных и как в нем совершился такой переворот после его резкого отказа на предложения графа Панина? Если только, конечно, татары не лгали на него турецкому чиновнику, поверив ему тайну, которой в действительности никогда не существовало. Окончательное разъяснение могут дать только новые разыскания в русских архивах, хотя трудно допустить, чтобы подобный факт, если

бы он имел место, ускользнул от внимания нашего почтенного историка Соловьева. Ланглес⁹⁷, основываясь в повествовании о событиях этой эпохи на иностранных известиях, категорически утверждает, что Каплан-Герай вынужденно поддерживал связи с Россией и это привело к его падению.

Несмотря на то что положение дел на полуострове было критическое и более, чем когда-либо, требовало присутствия там хана, преемник Каплан-Герая — Селим-Герай-хан III (1184—1185; 1770—1771), назначенный в шабана 1184 года (ноябрь—декабрь 1770), по заведенному обычаю, немало времени провел в Пороге Счастья, рассуждая в совещаниях о выборе места для зимовки главной армии, а потом, прибыв 9 рамазана (27 декабря) в главную квартиру, и там продолжал те же рассуждения; в Крым он идти не хотел. Он должен был выбрать удобный пункт для стоянки, с тем чтобы, когда Дунай замерзнет, сделать набег на неприятеля. Но огромное скопление войск на берегах Дуная поставило чиновников в страшное затруднение насчет подвоза продовольствия. Хан же требовал удобного для себя помещения на зиму. Наконец он предпочел устроиться в деревне Канбаре, в двух часах от Баба-Дагы. Верховный визирь из себя выходил при мысли о невозможности снабжать продовольствием хана с его свитой в 500—600 человек в избранном им для зимовки пункте. А хан, кроме выданных уже в Пороге Счастья 600—700 кисетов денег, получал из кассы главной армии ежедневно по семи кисетов, по расчету полагавшихся ему рационов, и преспокойно поживал себе в свое удовольствие. А так как Дунай не замерзал, то и набег хан отложил в сторону, казенных же денег стравил пропасть. Ресми-Ахмед-эфенди только и говорит про Селим-Герая, что его долго ожидали в главную квартиру, потом он прибыл и, после долгих переговоров о зимовке, поселился в одной деревне между Баба-Дагы и Тулчей — и больше ничего.

Такое праздное поведение Селим-Герая, соединившееся у него с разными претензиями на комфорт, и его дармоедство особенно должны были быть досадны туркам потому, что вся история этой плачевной кампании есть сплошная жалоба на недостаток денег и провизии. При этом они, впрочем, настолько деликатно обращались с ханом, что, например, во

внимание к его ходатайству Абазех-Мухаммед-паша, лишенный звания везира, снова получил это звание, а потом, когда понадобилось послать кого-либо из знатных везирей в Ени-Кале, Мухаммед-паше было дано и это важное назначение. Позже, впрочем, Абазех-Мухаммед-паша показал свою полную никчемность и был в конце концов турками казнен.

Герои были как будто орудием кары небесной для турок даже и тогда, когда делали что-нибудь верно. Так, удачные вылазки Масуд-Герай-султана за Дунаем у Журжева были поставлены турецкими войсками в укор валашскому сераскеру везиру Мухаммед-паше — почему он тоже ничего не предпринимает решительного против неприятеля; войска требовали, чтобы он вел их, а не сидел, сложа руки, за рекой. Паша же всячески отговаривался под предлогом слабости своих сил, обещая, что выступит, как только подойдет подкрепление. Но, уступив настояниям войска, он все-таки переправился в Журжево при свете дня, а ночью взял да опять вернулся в Рушук. Этот дикий поступок паши страшно взволновал войска, которые ругались и грозились все тоже переправиться в Рушук и разнести крепость. Услышав это, паша опять двинулся в Журжево. Все начальствующие, ничего не подозревая насчет намерений войска, вышли на пристань для обычной церемонной встречи командира; солдаты тоже выстроились рядами как будто бы в ожидании отдачи ему чести, а потом вдруг, обнажив сабли, набросились на пашу. Он было вздумал искать спасения в ближайшем амбаре, но они настигли его там и изрубили на месте. Какова, однако, была дисциплина в турецкой армии!

Пока Селим-Герай-хан зимовал в Баба-Дагы, русские в Крыму деятельно хлопотали о том, чтобы уладить дело переговорами. Сначала сношения с крымцами поручены были управлявшему Слободской губернией генерал-майору Шербинину⁹⁸, но потом новый главнокомандующий второй армией, князь Долгорукий⁹⁹, взял дело в свои руки, често из одного тщеславия, не желая делить с подчиненными ему лицами честь несомненного успеха в таком важном государственном предприятии. В январе 1771 года он отправил в Крым переводчика Мавроева, который, за отсутствием хана Селим-Герая, был принят ханским братом, калгой

Мухаммед-Герай-султаном, и потом посажен им под стражу и просидел целых 22 дня. Вот в этот-то момент и выступил на сцену Шагин-Герай, который явился орудием довершения судеб Крымского ханства.

Чем он прельщен был, этого ни из наших русских, ни из турецких источников не видно, но только он, да еще кады-эскер выступили защитниками Мавроева, которому, вместе с сопутствующими ему татарами Муса-мурзой и Али-агой, грозила опасность быть заживо сожженным, и убедили калгу не делать столь безрассудного и бесполезного варварского поступка. 17 февраля Мавроев был выслан из Бакче-Сарая. Надо полагать, что Шагин-Герай, бывший незадолго перед тем сераскером над едисанцами, не чая возвыситься обычным путем до ханского достоинства или предвидя неминуемость подчинения Крыма России, раньше договорился с тянувшейся к России партией — ее глава Джан-Мамбет-бей рекомендовал его канцелярии советнику Веселицкому¹⁰⁰ как самого достойного кандидата в выборные ханы, ибо, по его заверению, «из всех Гераев один этот султан всем народом любим». Но эти переговоры ни к чему не привели; русским пришлось употребить в дело оружие. Началась перепалка, к разгару которой подоспел и сам хан Селим-Герай. Вот как описывается этот роковой удар, нанесенный русскими строптивости крымских татар, турецкими историками.

«Вследствие малочисленности войска, — пишет Васыф-эфенди, — упомянутому хану указано было зимовать близ Баба-Дагы. Но когда начали собираться со всех сторон войска турецкие и когда впредь от пребывания хана в этих окрестностях ничего не предвиделось, кроме бесполезных расходов, то признано было за благо, чтобы он как можно скорее отправлялся в Крым. Когда выяснилось это обстоятельство, то Высочайшему Стремению было доложено, что положительно невозможно и немислимо покрыть из бюджета главной армии потребных для его движения расходов, какова бы ни была их сумма. Очевидно было, что и от его рыскания во время стоянки на зимовке решительно никакого толку быть не может, да если и теперь отпустить требуемую им сумму и удовлетворить прочим его надобностям,

то из этого также ничего не выйдет, кроме потерь и убытка. Так как это было несомненно для тех, от кого зависело дело, то на его требования не обратили внимания, и пришел ответ, состоявший из уклончивых и лестных выражений да исполненный нескольких красивых соображений... Что же касается хана, то на него такого рода речи не действовали: он только твердил, что коли денег не будет выдано, так нечего и думать об его отправлении, о чем раза два так и было докладываемо Высочайшему Стремени. Тогда садразам, просто в отчаянии и ломая с досады руки, волей-неволей отпустил ему сто кисетов из своей кассы и отправил его морем к месту его назначения*.

При попутном ветре он прибыл на Крымский полуостров и во дворце своей древней столицы Бакче-Сарая предался отдохновению. Во время прибытия своего в Крым он горячо взялся за дело доставки потребных крымскому сера-

* Кроме настояний самого хана, отпуску ему денег способствовали также и требования крымского сераскера Ибрагим-паши, который, как говорил его секретарь в своих мемуарах, «неоднократно посылал и в Порту Счастья, и в главную армию доклады, извещения, представления и сообщения как о сношении с гяурами пришедших из Бендер ногайцев и находившихся в Крыму племен, ширинцев и мурз, так и относительно потребных в достаточном количестве денег, провианта, войска, пушкарей, бомбардиров и минеров и вообще относительно всех военных надобностей». Описав бедственное положение крымского сераскера, который для удовлетворения роптавшего войска продал или заложил все имевшиеся у него драгоценные вещи, секретарь долго рассказывает, как дефтердар Эмин-бей, получив 100 кисетов акче, отпущенных из главной армии на крымскую армию, разменял их в Килии и Аккермане и 20 мешков издержал на покупку для себя невольников и невольниц, которых он отослал к себе в Стамбул. Фирманом же было сообщено, что, кроме этих ста мешков, переданных дефтердару в виде аванса, еще будет послано 200 мешков. По прибытии в Крым дефтердар преспокойно заявил, что он 20 мешков издержал на себя в счет 100 мешков акче, которые, сказал он, «мне следует получить из казны». Этот дефтердар вообще был человек с хищническими наклонностями: он, кроме вышеописанного мотовства казенных денег, еще перемальывал в муку гнилые сухари прежнего заготовления и употреблял их на продовольствие войска крымского.

скеру арб и прочих, легко добываемых надобностей*. Самому же ему было обязательно выказать свое геройство в отражении неприятелей; а он, точно будто это было мирное время, занялся довершением обстановки своего комфорта и совсем отстал от дел военных и от распоряжения войском. Сераскер-паша просто стал в тупик от этого; он сам уже принялся добывать все ему необходимое, вышел из зимовки в поле и стал дожидаться движения злодея-неприятеля, как вдруг пришло известие о том, что около тридцати тысяч гяуров с шестьюдесятью тысячами ногайских татар начали осаждать крепость Ор. Когда хану стало известно об осаде, то он хотя и поспешил с находившейся при нем толпой татар и в означенном месте несколько раз атаковал неприятельский табор, выказывая ревность, но те, кто был с ним, не выносили пушечных выстрелов, и потому волей-неволей остановились в местечке, называемом Тузла, в шести часах расстояния от Прута. Гяуры же, с устранением затруднений, стеснили крепость, и сколько находившиеся внутри ее мужественные защитники ни показывали самоотверженности, чтобы отбить их, но так как средства к отражению истощились, то неприятель наконец-таки овладел крепостью и, держа в своих руках твердыню, служившую как бы ключом Крыма, достиг цели, с давних пор таившейся в его сердце. Когда эта ужасная вещь дошла от хана до слуха сераскер-паши, то он просто остолбенел, не могши двигаться ни назад ни вперед, и потому по необходимости остался на своем месте, взирая

* Перед тем же, читаем мы в мемуарах, сераскер обращался с просьбой о доставке арб к калге Мухаммед-Гераю. Калга отвечал, что арбы будут доставлены, но только не иначе как с платой, как это следует по высочайшему фирману, данному деревенским жителям Крыма. Паша возражал, что это неслыханная вещь — платить за арбы — и что о фирмане он ничего не знает; да если бы и существовал такой фирман, то все равно платить было бы нечем: ни у него, ни у дефтердара ни гроша нет. Он обещал об этом написать в Порту, а пока все же просил дать ему арбы, чтобы скорее отправиться в Ор, куда приближался неприятель. Крымцы сперва пообещали, а потом все же не дали арб. По прибытии хана сераскер отправил к нему поздравительное письмо с подарками и просьбой об арбах. Хан отвечал обещанием арбы прислать.

на те странные образы, которые еще должны были показаться из-за занавеса рока. А между тем и крепость Тамань, что на расстоянии четырех часов от Кафы, около десяти тысяч неприятелей тоже осадили с суши и с моря. Так как эта крепость искони лишена была средств к неприступности и обороне, то враг, после краткого боя, овладел и этой крепостью; а на случай, если бы подошло войско, он, чтобы вести бой, выкопал шанцы и приготовился встретить его. Хан в Тузле от этого обстоятельства просто разодрал на себе воротник вопля и стонов и совершенно ошалел, не зная, что ему делать. Наконец бывшие под его началом султаны и мурзы рассеялись и разбрелись в разные стороны; а сам он с весьма немногими людьми остался. С мрачными мыслями пришел и он в Бакче-Сарай; но как подумал о конечном результате — о том, что со всех сторон нагрянут неприятели, то не мог также и в том месте оставаться и взобрался было на находящуюся поблизости высокую гору, именуемую Черной горой; но, увидев, что там уже находится несколько семейств, чтобы защититься, поскорее с несколькими человеками сел на корабль да и бежал к Порогу. Вследствие бегства хана среди крымских жителей произошло смятение. Кто помогущественнее да побогаче были, те сели в находившиеся у берегов суда и отправились в Анадолу и в другие места; находившиеся же в горах, не имевшие, где главу преклонить, те в означенных горах укрепились. А командированный на охрану Ени-Кале Абазех-паша еще и с корабля не сходил. После же этого события, сказав, что “со ста двадцатью человеками завоевать целую страну выше сил человеческих”, направился к берегам Синопским и этим шагом разодрал себе, наконец, одежду жизни*. Сераскер-паша тоже выбрался из Кара-Су, своего местопребывания и, по просьбе жителей, отправился в Кафу, а тем временем враг овладел Кара-Су; ясно и очевидно было, что он придет и в Кафу. В то время как сераскер-паша отобрал десять тысяч стрелков для сражения с неприятелем и встретил его, явился орский бей и, объяснив существование у них договора с московцами, поверг войско в уныние, вернул народ в Кафу... Враг же соединился с войском, бывшим на Таманской стороне. Те из войска, кто были годны на

* То есть попросту сказать: был казнен.

дело, еще прежде бежали на кораблях, и таким образом сераскер-паша, лишенный всякой смелости к сопротивлению, попался в плен и отправился в Петербург и некоторое время был в разлуке со своей семьей, родными и близкими. Хан же 24 ребиу-ль-ахыра (8 августа) прибыл в Черноморский пролив (то есть Босфор) и остановился в Бююк-Дере¹⁰¹ в доме Мюрада-эфенди. К нему от правительства был послан чиновник особых поручений от нишанджи¹⁰² Осман-эфенди для осведомления об обстоятельствах. Хан изложил происшедшие приключения во всех подробностях; изъяснил, что Крым был уступлен ими и при подобных обстоятельствах по необходимости должен был попасть в руки неприятелей; все дело было приписано произволу судьбы, а хану последовало высочайшее соизволение оставаться в вышеупомянутом чифтликке. Когда известие о потере Крыма дошло от Высочайшего Стремени и с других сторон до главной армии, то ревнители веры и Державы испустили вздохи горя и сожаления, а лишенные украшения доблести предались паническому страху и начали разбегаться».

Секретарь крымского сераскера описывает события согласно с вышеприведенным рассказом Васыфа; но только, желая ли обелить своего патрона Ибрагим-пашу или в самом деле сообщая чистую истину, видит главную причину такого легкого и быстрого завоевания Крыма русскими в поведении татар, а также в строптивости и бездельничанье Абазех-Мухаммед-паши и начальника турецкой эскадры Хасан-паши. Он говорит, что татары действовали все время заодно с русскими и обманывали хана, которого он называет «благородным простаком» — «бир сафидил зати шериф»; они сперва уговорили хана идти против гяуров, не дожидаясь прибытия сераскера, а потом, после сдачи неприятелю Перекопа, своими притворными воплями нагнали на хана такую панику, что он пустился бежать, так что его едва где-то отыскивали посланные сераскера. Абазех-Мухаммед-паша, получив известие в Кафе о сдаче Перекопа и о взятии русскими Рабата, вывел своих янычар за город и устроил окопы. На военном совете шли такие разговоры: «Татары выдали Крым московцам; сам хан и сераскер бежали: к кому же теперь обращаться?» — на что Абазех-паша с хвастовством сказал: «Как бы я был сераскером, так я бы не бросил вас в таком положении

и не ушел!» — «Так будь же ты отныне нашим сераскером!» — закричала в ответ толпа янычар. В тот же вечер, однако, явился сам сераскер, и хвостуну Абазех-паше ничего не оставалось более, как сесть на корабль и уехать. Сколько янычары ни упрашивали его вернуться в их лагерь, он всячески отговаривался, и таким образом Ибрагим-паша остался ратоборствовать один, пока наконец не был принужден сдаться после отчаянной обороны в одной крепостной башне в Кафе. О том же, куда девался Селим-Герай-хан, как и когда он отплыл в Стамбул, автор мемуаров ничего не говорит. Нет у него даже и намека на то, чтобы хан вступал в какие-либо дружественные переговоры с главнокомандующим русской армией, как об этом свидетельствуют русские источники. По Соловьеву, будто бы «Селим-Герай прислал письмо с объявлением, что намерен вступить в дружбу с Россией... но не дождался ответа на свое письмо; сведав о приближении русских войск, назначенных для занятия гаваней — Балаклавы, Бельбека и Ялты, и вообразив, что под видом этого занятия скрывается намерение схватить его, побежал из деревни Альмы к Ялте, где стояли заготовленные для него суда, сел на них со всеми своими и отплыл в Румелию».

Сестрэнцевич-Богуш говорит даже, что «Селим обещал прислать двух своих сыновей в заложники в Санкт-Петербург; но, не исполнив потом сего обязательства, увидел себя окруженным российскими войсками в своей столице и оставленным своими подданными, был весьма счастлив, что мог уйти тайно со своим семейством и наперсниками».

В общих чертах описание этих событий секретарем Ибрагим-паши согласуется с русскими известиями. Но он сообщает весьма любопытный эпизод, не упоминаемый нашими историками. Еще до наступления русских войск на Кафу кафские райя¹⁰³, говорит он, «написали бумагу, в которой пять — десять попов приложили печати и послали в крепость»*. Но по дороге райи были схвачены, связаны и препровождены к сераскеру. На допросе они показали, что эту

* В тексте пропущено название крепости; но по смыслу тут надо разумеать одну из крепостей, находившихся в руках русских, и прежде всего, конечно, Орскую крепость, то есть Перекоп.

бумагу им дал поп, и назвали имя этого попа. Смысл этой бумаги был следующий: «В Кафе никого из мусульман не осталось, только и остались райя... Приходите поскорее через такое-то место. В лагере войска тоже очень мало». Сераскер велел умертвить этих райев и трех попов.

Поведение Сахыб-Герая и Шагин-Герая изображается в этих мемуарах как самое предательское. Когда русские подступили к Перекопу, сераскер Ибрагим-паша, выступив из Кафы 12 ребиу-ль-эввеля 1185 года (25 июня 1771), послал хану просьбу не двигаться далее, обещая через три дня подоспеть и соединиться с ним. Хан, получив это письмо, сообщил его крымским вельможам; а они уговорили хана не дожидаться прихода сераскера. В числе лиц, намеренно сбивших хана с толку, был перекопский бей Сахыб-Герай. Он, да ханский ага Ислам-ага, да Джеляль-мурза, да Инайет-Шах-мурза и другие ширинские беки и мурзы ногайских племен Джамбойлу и Едишкулу мотивировали это такими соображениями: «Государь, вот уже два года, как в Крыму османский сераскер пользуется славой и честью, а наша служба не известна ни высокопоставленному хану, ни Высокой Державе. Сделай милость, чтобы хоть в этом благословенном году мы не были отвержены от лица господина нашего хана и чтобы мы, слуги его, были порадованы». Прельщенный коварными жалобами крымской знати, хан и вправду подумал стяжать себе имя и прославиться на поле брани, а потому, не дожидаясь сераскера, пошел к Перекопской крепости. «В ночь, когда хан выступил, — читаем мы в мемуарах секретаря Ибрагим-паши, — татары с гяурами обменялись сигналами, по которым с крепости раздались выстрелы, и жители крепости, думая, что идет хан, вышли все посмотреть на него. Злодеи-гяуры, с которыми все это было условлено, прямо подошли к Перекопу; им изнутри были отворены ворота; мурзы, ширины, ногайцы и прочие стали в ряды и приняли неверных внутрь крепости. Когда гяуры начали входить в крепость, из оставшихся в ней войск одни бежали, другие были убиты, третьи взяты в плен. Передавшие гяурам крепость были радехоньки, к хану же пошли и сказали: “Ах, беда, высокопоставленный хан! Вот какая вышла оказия: неверные взяли крепость!..” Они с такими воплями вошли к ха-

ну, что этот последний, вместо прежнего намерения стяжать имя и славу, ударился в бегство. Поистине он вел себя как суший татарин». По русским же известиям, на которые опирается Соловьев, сначала ушел хан, а затем уже сдалась крепость Перекоп.

Затем в мемуарах секретаря Ибрагим-паши рассказывается, что по занятии русскими крепости Рабат сераскер послал из Кафы туда отряды. «Презренные гяуры, — пишет он, — получив уже заранее известие о наступлении на них мусульманских войск, послали в Перекоп гонца к своему генералу сказать ему следующее: “У нас с татарами не такой был уговор, или же вы дали другое приказание? Пусть татары придут и дадут ответ туркам, так как все крымцы и ногайцы обменялись с вами договорными записями. Они дали заверение, что если, мол, османские войска придут, то мы ответим и дадим отпор; а теперь вот они пришли на нас. Если дело останется как есть, то неприятельское войско пойдет и на Перекоп”. Получив это донесение, генерал Долгорукий, назначенный от короля гяуров в Крым главнокомандующим, сообщил полученное им из Рабата гяурское донесение теперешнему хану, бывшему прежде орским беим*, Сахыб-Герая и его брату Шагин-Герая. Сахыб-Герай немедленно послал брата своего Шагин-Герая, вручив ему бумагу, во главе многочисленной рати татар к мусульманскому войску. Шагин-Герай, прибыв на место и окружив бывшими при нем ногайскими татарами наше войско, предъявил находившуюся в его руках бумагу, смысл которой был следующий: “Ради кого вы воюете? Если ради Крыма, то мы все отдали Крым московцам и замирились с ними. Нам нужны владения; а от вас что нам пользы? Положение главной армии известно; вам бы тоже лучше идти назад в Кафу. Если же произойдет сражение, то ногайские татары разнесут весь ваш лагерь...” Наши войска, видя себя в таком положении, без боя отступили и начали садиться на корабли. Некоторые все-таки не покидали окопов, да

* Это место текста часто цитируемых нами записок может служить указанием к довольно точному определению времени составления их автором. Сахыб был ханом в течение 1772—1775 годов; следовательно, тогда же и написаны были мемуары.

что было пользы? Горожане все с разных сторон шли к пристаням, садились на баркасы и уезжали... Местные жители-немусульмане, райя... потом присвоили себе все дома и лавки мусульман; а некоторые из них захватили неверные». Под последними автор мемуаров, надо полагать, разумеет русских пришельцев, которых он отличает от местных немусульман, живших в Кафе.

Что немусульмане выражали свое сочувствие русским и готовность содействовать им в овладении Кафой, это не удивительно — кроме религиозной антипатии к властителям города туркам, они руководствовались и политическими соображениями: немного надо было прозорливости, чтобы видеть неизбежность падения власти турецко-татарской и с установления русского владычества.

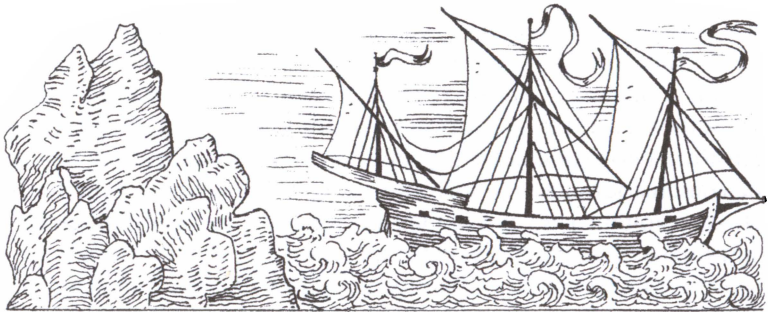
Гораздо замечательнее настроение мусульманского населения Крыма, которое, по наблюдениям автора мемуаров, тоже было в пользу русских. Изобразив действия Шагин-Герая, он затем в стихах раздражается страшной бранью уже против крымцев за их готовность покориться русской державе, а затем пишет следующее: «Глава упомянутых племен Джан-Мамбет, злонравный сын дьявола, советуясь в одном месте с генералом неверных, сказал ему: “Неудобно, чтобы в одном месте было два хана; пусть Селим-Герай-хан уедет. А так как находящиеся в Кафе оттоманские войска частью на море, частью в лагере, то может случиться, что сзади подойдут другие войска и подкрепят их, и тогда положение делается затруднительным: в этом мире всего можно ожидать. Случись, что османцы одержат победу, тогда они зададут крымцам, и те скажут, что вы были всему причиной. Если же оттоманские войска обратятся в бегство, то и крымцы, и ногайцы скажут в ответ: “Ваши войска бежали, а мы не в силах были сопротивляться такой многочисленной армии, какова гяурская, поэтому мы волей-неволей и сдались, чтобы только спасти наше имущество, жен и детей”. На этом основании надобно идти в Кафу, да и находящиеся в Кафе райя тоже ждут нас”. Говоря таким образом, он подучил и настроил русских, а злодей-гяур по имени генерал Долгорукий построил войска и двинулся на Кафу». Результатом этого было, как известно, взятие Кафы.

Описав взятие в плен своего начальника сераскера Ибрагим-паши, секретарь его в заключение пишет о переговорах татар с русскими, происходивших после занятия Кафы. «В течение семнадцати дней нашего заточения, — читаем в мемуарах, — татары всякий день являлись в лагерь неверных. Все мурзы, Ширины, глава Едисанских татар Джан-Мамбет-заде одноглазый и прочие приходили на совещание; иногда бывали и споры. Потом неверные позабирали находившихся в руках татар невольниц и скот и отослали все на Кубань. Тогда татары остолбенели, поняв, к чему клонится дело; но что было толку в этом? Племя ногайцев перешло на сторону неверных; к неверным подошли еще сзади вспомогательные войска и запрудили Крым со всех сторон, так что крымцам не осталось никакой возможности рассчитывать на победу. Поделом им!»

Так все происходило и по русским известиям. Долгорукий получил от татар присяжный лист с подписями крымской знати, а потом уведомление об избрании ими в ханы Сахыб-Герая, а в калги брата его Шагин-Герая. Таким образом, Крымское ханство вступило в последний и самый непродолжительный период своего существования, под опекой Российской державы, который, по злой иронии судьбы, считается периодом его «независимости». Фактически Крым находился теперь в русских руках; оставалось только формально легализовать совершившийся факт, и это заняло еще целый десяток лет. С одной стороны, татары, которым надоело бесполезное для них последнее время владычества Порты, охотно встретили русские войска и сами содействовали скорейшему очищению полуострова от османских войск. Но, кажется, они, и главным образом их вожаки, братья Сахыб-Герай и Шагин-Герай, при этом вообразили, что русские могут удовольствоваться изгнанием турок, предоставив затем крымцам самим уже распоряжаться судьбами края. Поэтому-то Сахыб-Герай, как пишет Соловьев, тотчас же, как только сделался ханом, начал протестовать против пребывания в крымских крепостях русских гарнизонов.

Глава VIII

Татарская оппозиция предложениям русских уполномоченных. — Переговоры русских дипломатов с турецкими в Фокшанах. — Рассуждения в государственном Диване Порты относительно положения татар и возобновление войны с Россией. — Номинальный хан Максуд-Герай I в Рущуке. — Бесплезность его существования. — Колебание татар. — Неудавшаяся Крымская экспедиция Джаныклы Али-паши. — Положение Крымского ханства по условиям Кючук-Кайнарджийского мира и несостоятельность Сахыб-Герай-хана II. — Происки Шагин-Герая. — Мятельнический образ действий Девлет-Герая и достижение им ханского трона.

Татары как ни были просты, а скоро смекнули, что гарантии их независимости от Порты, принятые на себя Россией, вовсе не согласовались с их собственными воззрениями на свое новое международное положение, и потому отказались исполнить предложение русского поверенного в делах при хане Веселицкого послать к императрице просительное письмо, чтобы она приняла под свою власть города Керчь, Ени-Кале и Кафу. Равным образом отправившийся послом в Петербург калга Шагин-Герай тоже еще, очевидно, не понимал новых условий политического существования ханства и всячески ломался, в самом деле считая себя представителем независимого государства: то требовал, чтобы граф Панин первый сделал ему визит, то не хотел снимать шапки

на аудиенции императрицы, благо с ним обошлись ласково и оказывали ему всякое внимание. Когда для окончательного уложения дел с Сахыб-Гераем в Бакче-Сарай явился генерал Щербинин, то хан отказался торжественно, на аудиенции принять от него подарки — перо и саблю, и поцеловать грамоту императрицы, считая это знаками подчиненности и повиновения; а когда Щербинин коснулся пункта охранения Россией татарской вольницы, то Сахыб-Герай возразил: «На что вольного человека охранять?» Только податливость ногайских депутатов побудила его наконец подписать акт, в котором он клялся, что со всем крымским народом отторгается на вечные времена от Оттоманской Порты и будет состоять под покровительством всепресветлейшей государыни великой Екатерины и ее наследников. Это происходило в июле 1772 года.

Около того же времени начались переговоры о мире с Портой в Фокшанах, ничем не закончившиеся, как известно. Турки долго ни за что не хотели примириться с мыслью о независимости татар, то есть собственно консервативная часть стамбульского общества, турецкие улемы, смотревшие на эту независимость как на богопротивную ересь. Один турецкий уполномоченный, чудак Осман-эфенди, не добившись желанного отказа русских от татарской независимости, внезапно уехал из Фокшан, не испросив даже на это надлежащего разрешения. Другой уполномоченный, Абду-р-Реззак-эфенди, однако, продолжал вести переговоры в Бухаресте. Как человек толковый, он согласился с доводами Обрезкова, что высвобождение татар из-под покровительства Порты равно необходимо как для благополучия ее самой, так и для спокойствия России, отнимая у них возможность вести себя так хищнически, как это было доселе, и служить причиной недовольствия между обеими державами.

Соглашение, после немалых споров устроенное Абду-р-Реззаком, о котором Обрезков писал, что он весь свой век изжил с турками, «но такого добропорядочного и добродетельного человека не нашел», было принято и верховным везирем, и всем начальством турецкой армии. Они рассуждали так: «Неужели оттого, что татары станут самостоятельными, больше будет вреда для Высокой Державы, нежели от тепе-

решного господства (в Крыму) русских?» Но не так думали лицемеры, сидевшие спокойно в Стамбуле и сами не испытывавшие всех бедствий и ужасов войны. Доклад верховного везира Мухсин-заде Мухаммед-паши, посланный им в Порту с Ашау-л-Ла-беем, был подвергнут обсуждению государственного Дивана, где присутствовал и тот Осман-эфенди, который даром провел время в Фокшанах, ни до чего не договорившись с русскими уполномоченными. Не столько радея о пользе государства, сколько желая, вероятно, испортить дело, сделанное другими, в котором сам оказался несостоятельным, этот неудачный дипломат больше всех возвышал в присутствии султана голос против заключения мира с русскими на предлагавшихся условиях. «Мы московцев видели своими глазами, — кричал он, — мы шупали пульс их; мы поняли, насколько мозги их проникнуты злонамеренностью; этот мир не имеет смысла: цель их обман и коварство!» Такими лживыми, но цветистыми речами он помутил разум султана, тем более что встретил себе поддержку в кады-эскерах, которые тоже вопили: «Независимость татар!.. Помилуй Бог, да одно слово это произносить так грех тяжкий!» Было сказано и такое: «Мы еще московцев заставим хорошенько отведать сабли, а потом заключим мир, какой пожелаем!»

Отрицательный ответ был сообщен в главную квартиру, а оттуда передан и Обрезкову. Война разгорелась снова и длилась еще больше года, пока не разрешилась знаменитым Кючук-Кайнарджийским миром.

Государственные лица Порты не предвидели всех последствий своего тщетного упорства и продолжали тешить свое самолюбие, что лишь причиняло им дополнительные хлопоты, расходы и затруднения. Так, когда Селим-Герай-хан III покинул Крым, занятый русскими войсками, и ханское звание потеряло всякий смысл, турецкие мудрецы, как сообщает Васыф-эфенди, решили, что хоть номинально, хоть только над татарами, поселившимися по ту сторону Дуная, да надо назначить нового хана. В начале шабана 1185 года (ноябрь 1771) всех проживавших в Румелии султанов Герайского дома и мурз пригласили в столицу и начали выбирать подходящего человека в торжественном и многолюдном собрании в сарае Давуд-паши. После долгих разговоров и прений останови-

лись на Максуд-Герая, раз уже сидевшем на ханском троне; калгой к нему назначили сына Крым-Герая, Бахты-Герая; место нур-эд-дина было оставлено вакантным. При обсуждении мер к возвращению Крыма в лоно падишахских владений, новоизбранный титулярный хан рекомендовал возмущать черкесов, с каковой целью и решено было немедленно отправить в черкесские страны другого сына Крым-Герая — Мухаммед-Герая с сияхшуром¹⁰⁴ Гурджи-Али-агою, снабдив их султанскими подарками для подкупа местных жителей. Так как все придунайские местности большей частью были в руках русских, а по Черному морю крейсировали русские корабли, то Максуд-Герай с толпой татар более десяти тысяч отправился в Шумлу. Внезапный прилив такой массы татарских ртов, требовавших продовольствия, поставил садразама в несказанное затруднение, потому что ему нечем было кормить и свою армию. Скрепя сердце, верховный везирь устроил обычную церемонию встречи титулярного хана в Шумле, отрядив мигмандарем (церемониймейстером) Атау-л-Ла-бея, и кое-как удовлетворял нужды поселившихся по окрестным деревням султанов, мурз и прочих татар. В совместном совещании садразама с ханом Рушук был избран местом ханской зимовки, куда Максуд-Герай и прибыл 7 рамазана (14 декабря) того же года.

Максуд-Герай-хан I (1185—1186; 1771—1772) в этом своем новом положении жил в свое удовольствие — пил, ел, требовал из казны денег на свой комфорт; до всего другого прочего ему мало было заботы. Сменили двух состоявших при нем квартирмейстеров, Мухаммед-агу и Ахмеда-эфенди, не нашедших способа сводить концы с концами, — ничто не помогало; наконец рационы, отпускавшиеся натурой, переложены были на денежный эквивалент: хану стали отпускать из казны по тридцати пяти тысяч акче в месяц. Тогда свита его, не довольствуясь этим содержанием, принялась грабить и разорять жителей окрестных деревень, так что уже в османской армии возникло неудовольствие по поводу такого безобразно-тунеядского поведения татарских братьев по оружию. Слухи об этом дошли до султана; вопрос о хане подвергнут был обсуждению государственного Дивана, и Максуд-Герая был послан строгий фирман с напоминанием о том, что он

избран для того, чтобы бороться с врагами и делать во время зимовки при всяком благоприятном случае нападения на неприятеля, а не для того, чтобы творить всякие насилия бедным жителям и даром проедать деньги, с трудом добываемые казной на его содержание.

Под влиянием этого внушения свыше татары принялись за дело, и тут оказалось, что услужливый дурак опаснее врага: в то время как у садразама уже состоялось, но пока держалось в секрете условие с русским главнокомандующим о перемирии перед Фокшанским конгрессом, вдруг он получает от Максуд-Герая письмо с извещением, что тот с 300—500 находящимися при нем татарами выступил из Рушука для соединения с никопольским отрядом и собирается переправиться на ту сторону Дуная, чтобы произвести атаку на неприятеля, а коли это не удастся, то ограбить и разорить мятежных райю. Это известие произвело страшный переполох в главной квартире, потому что такая выходка хана могла испортить все дело, уничтожив только что заключенное перемирие. Тотчас же был послан знакомый уже нам Атау-л-Ла-бей курьером остановить затею хана; он едва успел догнать двинувшийся отряд и вовремя воротить его.

Неудачный исход Бухарестского конгресса повел к неприятностям для обеих воюющих сторон. Русские войска, истощенные затянувшейся борьбой, по временам оказывались не в силах одолеть турок. Турки же, возбужденные своими незначительными успехами, окрылялись надеждой на полное торжество и все глубже втягивались в войну, пока не потерпели полное фиаско. Крымцы тоже не остались спокойными зрителями происходивших пред ними и из-за них событий. Ободренные уступчивостью России на Бухарестском конгрессе, которой, кстати, был недоволен калга Шагин-Герай, и некоторыми успехами османского оружия, крымские татары — во всяком случае, часть их, — опасаясь ли мести Порты в случае ее торжества или же тяготясь, по мнению турецких историков, несправедливым обращением с ними русских, стали опять заискивать у Порога Счастья и слать одно за другим письма, в которых изъясляли раскаяние.

Турки, конечно, обрадовались такому повороту в настроении татар и решили во что бы то ни стало настоять на ис-

полнении желаний, выраженных крымцами в покаянных посланиях. С этой целью вызвали отставного хана Девлет-Герая из его чифтлика в столицу и спросили его мнения насчет освобождения Крыма силой оружия. Он отвечал, что он знает весьма легкий путь к этому. Его послушали: набрали, с помощью сераскера Джаныклы Али-паши, двадцать пять тысяч пехоты, посадили ее в Синопе и в других пристанях на корабли, дали Али-паше авансом за грядущие заслуги звание везира и снарядили таким образом экспедицию в Крым. Все это устроилось помимо и без ведома числившегося крымским ханом Максуд-Герая, который проживал то в Рушуке, то в Никополе, спокойно получая и проедаая ежемесячно по тридцати пяти тысяч гурушей. Узнав о приглашении к Высочайшему Стремению Девлет-Герая и об отправке его в экспедицию в Крым, Максуд-Герай счел это обидным для своей чести знаком лишения себя ханского звания, собрал пожитки и со всей свитой 20 ребиу-ль-эввеля 1187 года (11 июня 1773) поспешно удалился в свой чифтлик. Верховный везир довел об этом до высочайшего сведения, и, как утверждает Васыф, издан был султанский указ о ссылке Максуд-Герая в Татар-Базарджик и наказании его за такое дурное поведение. Крымский историк Халим-Герай о финале кратковременной карьеры Максуд-Герая говорит немного иначе, а именно: «Командирование Девлет-Герая в Кубань (а не в Крым, как говорит Васыф-эфенди) причинило неудовольствие его (Максуд-Герая) гордой натуре, и он без позволения отправился в свой чифтлик. Это вызвало гнев достохвального падишаха, и тотчас его сослали в Самаково; потом он был прощен и получил разрешение опять поселиться в своем чифтлике».

Может быть, собственно, за то и раздосадовались на самовольство Максуд-Герая в Порте, что затеянная ею экспедиция в Крым или в Кубань, а по другим, европейским, сведениям ни туда, ни сюда, не осуществилась: Джаныклы Али-паша с Девлет-Гераем праздно просидели в Трапезунде, не сделав даже попытки предпринять что-либо к выполнению возложенного на них поручения. Только после того, как был заключен Кючук-Кайнарджийский мир и уже написан был рескрипт к начальнику второй армии с приказа-

нием постепенно очищать Крым, оставив гарнизоны в Керчи и Ени-Кале, вдруг пришло от Долгорукого известие, что в Крым высадился с войском сераскер-паша Али-бей. Это, конечно, и был Джаныклы Али-паша, явившийся туда ни ко времени, ни к месту.

Составляющий торжество русского оружия и политики Кючук-Кайнарджийский мир Ресми-Ахмед-эфенди называется «беспримерным, редким, миром, какому не было подобного от начала возникновения Высокой Державы» — до того отчаянным было положение турок в ту критическую пору. Такой благополучный, по его словам, выход из тяжкого положения Ресми полшутя, полусерьезно приписывает единственно тому, что «августейшее вступление на престол нового могущественного падишаха случилось в весеннее время и, следовательно, его августейшее счастье было тогда в полной силе».

Султан Мустафа III (1757—1773) не дожидаясь окончания злополучной войны и в предсмертной агонии все еще бредил ею, собираясь самолично отправиться в поход и восстановить честь оттоманского оружия, посрамленную последними поражениями, в которых турецкие войска только и делали, что обращались в бегство, чего и не скрывают даже турецкие историки. Преемник его Абду-ль-Хамид I (1774—1789) тоже убедился в бесполезности дальнейшей борьбы с Россией и подписал вышеупомянутый мир, третьей статьей которого санкционировано новое положение Крымского ханства. Эта статья гласит: «Все Татарские народы: Крымские, Буджакские, Кубанские, Едисанцы, Жамбуйлуки и Едичкулы, без изъятия от обеих Империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их Хана Чингисского поколения, всем Татарским обществом избранного и возведенного, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем никакой посторонней Державе; и для того ни Российский Двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание, так и возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом, но признавать и почитать оную Татарскую нацию

в политическом и гражданском состоянии по примеру других Держав, под собственным правлением своим состоящих, ни от кого, кроме единого Бога, не зависящих; в духовных же обрядах, как единоверные с Мусульманами, в рассуждении Его Султанского Величества, яко Верховного Калифа Магометанского закона, имеют сообразоваться правилам, законом их предписанным, без малейшего предосуждения, однако ж, утверждаемой для них политической и гражданской вольности...» И т. д.

Ясно, что статья эта заключала в себе зерно дальнейших пререканий между договорившимися державами по поводу тех же татар. Устанавливая полную их самостоятельность, она в то же время обязывала их сообразоваться в духовных обрядах с общемусульманскими законами, регламентатором которых считается верховный калиф, султан турецкий. А так как у мусульман нет строгого разграничения между бытом религиозно-обрядовым и чисто гражданственно-юридическим, то турки и татары всегда могли дать этой оговорке самое широкое толкование, поставив прежде всего правомерность власти избираемого народом самодержавного хана в зависимость от санкции турецкого султана. Все зависело от взглядов самих сторон, то есть руководителей политики обеих держав, на то, чего им было выгоднее держаться в этом трактате.

В момент заключения Кючук-Кайнарджийского мира в Крыму состоял в должности хана по новому порядку считавшийся избранным от целого народа Сахыб-Герай II (1185—1189; 1772—1775), который и получил от Высокой Порты инвеституру в знак султанского согласия на это избрание. Но все признаки указывали на то, что ему недолго сидеть на ханском троне. Первая причина непрочности его положения заключалась в соперничестве других претендентов, и прежде всего родного его брата Шагин-Герая. Этот последний, еще в сане калги обласканный при русском дворе и убедившийся в возможности найти в России надежную для себя опору, тотчас же по возвращении из Петербурга в Бакче-Сарай повел такие речи с приехавшим с ним князем Пютяиным¹⁰⁵, которые прямо изобличали в нем решительное намерение самому сделаться ханом, хотя Соловьев, как пред-

ставляется, несколько и преувеличивает обширность замыслов Шагин-Герая — основать новую черноморскую империю Гераев.

Шагин-Герай, выставляя на вид свою способность управляться с анархической страной, о брате своем отозвался так: «Может ли человек, сев на необъезженную лошадь, ехать по воле своей надлежащим путем, когда отдал другому поводья в руки?» Мнение это имело основание: Сахыб-Герай вскоре обнаружил полную несостоятельность поддерживать свою независимость, гарантированную международным трактатом, — когда в Крым высадился с войском сераскер Али-бей, то хан не только не оказал ему никакого сопротивления, но и выдал ему русского резидента Веселицкого. Справедливо было негодование Шагин-Герая и в связи с уступчивостью России, которая в переговорах с Турцией соглашалась признать власть султана над Крымом в духовных делах. Он весьма основательно рассуждал, говоря: «Если так будет, то ни брату, ни мне здесь оставаться нельзя; наше состояние будет похоже на состояние человека, у которого над головой висит большой и плохо прикрепленный камень, могущий всякую минуту его задавить: подданные наши, при таком положении, по непостоянству своему и скотским нравам, будут иметь возможность делать непрерывные возмущения как сами по себе, так еще более по проискам султанов*, которых немало в Турции». Это он пророчил еще до окончания войны, в 1773 году. Когда Шагин-Герай не встретил в князе Долгоруком сочувствия своему плану сделаться самостоятельным ханом над татарами, то выехал из Крыма и поселился в Полтаве, получая от русского правительства 1000 рублей в месяц содержания.

Незадолго до заключения Кючук-Кайнарджийского мира Шагин-Герай еще раз выступил на сцену во время ногайских волнений, для успокоения которых он был послан русскими на Кубань, снабженный достаточным количеством денег и войска. Когда, по заключении мира, крымцы заявляли упорное желание оставаться под турецким владычеством, Шагин-Герай вздумал воспользоваться этим для осуществления своих целей, предложив Щербинину составить из ногай-

* То есть крымских Гераев.

цев оппозицию крымцам и, при их содействии, сделаться самому ханом на условиях полного прекращения всяких сношений с Портой. План его получил одобрение, но встретил препятствие к исполнению со стороны Румянцева¹⁰⁶, который, получив благоприятные известия из Константинополя о направлении политики Порты, не хотел мешать утверждению мира новыми осложнениями.

Проницательный Ресми-Ахмед-эфенди был прав, когда в размышлениях своих по поводу Бухарестского конгресса отзывался о Шагин-Гераяе как о пронырливом и беспокойном авантюристе, кандидатура которого на ханство была весьма не по сердцу туркам. «Выбор хана, — пишет Ресми-Ахмед-эфенди, — по смыслу договора, предоставляется самим татарам. Коль скоро ханом не будет человек пронырливый и сеющий смуты, то, под условием непричинения беспокойства ни одной из сторон, он будет пользоваться доверием их. Но Шагин-Герая уже подал повод к беспорядкам: он производит волнение среди татар и смущает дружеские отношения двух держав. Можно быть уверенным, что и впредь если некоторые из татар примут его, то другие непременно станут отвергать его, и, таким образом, он делается помехой к полному согласию, к которому так стремятся и которое так желательно. Поэтому если Российская Держава откажется от поддержания Шагин-Герая, нарушающего согласие, и если татары выберут кого-нибудь другого, кроме него, то Высокая Держава утвердит его на ханстве, и все прочие условия тоже будут соблюдаться. Эта мера самая отличная достоинству обоих государств и самая благодетельная для состояния рабов Божиих... Если бы теперь удалось лостью вывести московцев из Крыма, то это было бы великое дело! При наличии же затруднений с Шагин-Гераяем остается уповать и надеяться, что так как это — человек, звезда которого уже закатилась, то он, по милости Божией, долго не протянет: судьба каким-нибудь способом да уберет его, подобно тому как в 82 (1768) году убрала Дели-Крым-Герая, который наделал столько шуму в 78 (1764) году».

Правда, тут анахронизм: в то время, про которое говорит автор, еще и речи не было о кандидатуре Шагин-Герая. Наш уполномоченный на Бухарестском конгрессе Обрезков в од-

ной из конференций упоминает только, что «татары сами отравили калгу-султана к русскому двору, дабы наиточнейшим образом постановить дело о вольности и независимости их, снабдив его с тем публичными актами, как от стороны хана, так и от всех обществ татарских» и т. д. Тут везде Шагин-Герай является в качестве второстепенного лица, действовавшего по доверенности хана, каковым тогда признавался Россией Сахыб-Герай. Ресми-Ахмед-эфенди писал свое сочинение в 1195 году (1781). Шагин-Герай тогда уже состоял ханом по милости России, и турецкий публицист мог не упомнить в точности времени, когда она выдвинула его кандидатом на ханство, и таким образом позднейший факт пророчески излагает раньше, чем он свершился. Такое заключение следует из обмолвки насчет Шагин-Герая, что он был «человек, звезда которого уже закатилась»: что можно было про него сказать в 1781 году, того никак нельзя было сказать почти на десять лет раньше.

Но если Россия, при всем расположении к Шагин-Герая, сдерживала его порывы в видах поддержания кое-какого статус-кво в Крыму, то в Порте совсем иначе смотрели на вещи, за исключением таких умных и дальновидных личностей, каков был часто упоминаемый нами Ресми-Ахмед-эфенди; но эти люди были в меньшинстве, и безрассудное большинство брало верх и подвергало свое государство новым бедствиям и бесплодным тратам.

Еще до обмена ратификациями, говорит турецкий историк Джевдет-паша, морем прибыла татарская депутация из почетных крымцев с просьбой, чтобы ханы по-прежнему значались Портой, хутбэ¹⁰⁷ же и монеты чтобы были с именем султана, и представили множество просьб и прошений. Их тотчас же стали чествовать как дорогих гостей — отвели приличное помещение со всей обстановкой и стали отпускать из казны деньги на их содержание. Очень хорошо понимая, что стремления татар совершенно противны только что заключенному договору с Россией, в Порте, однако же, не отвергли их искательства, а, придравшись к неясному выражению в договоре относительно того, как татарам поступать в делах религиозных, принялись толковать это выражение в смысле, согласном с татарскими вожелениями.

В этом направлении Порты начала новые дипломатические переговоры с Россией. Ей опять сделали уступку, и обмен ратификациями состоялся. Комментируя этот факт, турецкий историк обращает внимание на то, что России во что бы то ни стало надо было добиться так называемой независимости татар: это было для нее самое благоприятное условие, чтобы пользоваться соперничеством искателей ханского звания и держать в Крыму безвыходно свое войско под предлогом охраны особы ханов; причем Порты совершенно устранялась от всякого вмешательства в это, по-видимому, домашнее дело. Так рассуждает турецкий историк (вакаанэвис¹⁰⁸), и теперь еще благополучно здравствующий¹⁰⁹. Но иначе трактует тогдашние события, следовавшие за Кючук-Кайнарджийским миром, их современник Ресми-Ахмед-эфенди. «Все споры кончены, — говорит он, — все беды устранены. Но по воле Всевышнего Аллаха находившийся в то время в Крыму прежний хан, злокачественный Девлет-Герай, чтобы отнять у Сахыб-Герая ханство, через восемнадцать дней* собрал около себя нескольких татар и послал двести татарских мурз с прошениями и представлениями к Порогу Счастья просить и умолять, говоря: “Мы не приемлем... срама независимости! Мы будем сражаться хоть до светопреставления, пока Ени-Кале и Кыл-Бурун не будут опять отобраны у московов!” Эта статья составляла сущность мирного договора; ясно было, что в случае спора о ней дело непременно выйдет неладно; а потому надлежало, не слушая татарского вздора, представить Девлет-Герая виноватым и постараться этим устранить смуту. Но не умеющие сообразить в деле начала с концом болтуны и тщеславные своим правоверием государственники заговорили: “Это что такое? Татары мусульмане! Им непременно следует оказать помощь!” И вот прибывших из Крыма татар приняли с почетом и уважением: из кладовой высочайшей кухни стали отпускать пайки ежедневно на пятнадцать, на двадцать кисетов. А татары известно, какой народ: за трубку табаку они готовы пять часов карабкаться по горам. Ясно было, что как они увидят такую сул-

* То есть после обмена ратификациями, вероятно последовавшего в 24-й день месяца зиль-кадэ 1188 года (26 января 1775).

танскую трапезу, то до воскресения мертвых не уйдут в свою сторону, а будут проводить время в бесконечных претензиях. Вместо того чтобы постараться выпроводить татар, их удержали, давши им такой ответ: «Мы напишем московцам бумагу в виде просьбы: может быть, желаемое и получится». И написали московцам бумагу». Далее Ресми-Ахмед-эфенди со свойственным ему юмором описывает задор бестолковых турецких политиков, принявших мягкие, уклончивые отзывы России за трусость с ее стороны и готовность уступить назойливым притязаниям Порты. Потом он опускает занавес над печальным зрелищем новых бедствий, едва опять не обрушившихся на его отечество, в виде новой войны, в которую готово было вовлечь Турцию глупое упрямство и близорукое самомнение ее государственных людей.

На этот раз, впрочем, благоразумие восторжествовало над легкомыслием: в марте 1775 года граф Румянцев получил с курьером из Стамбула донесение полковника Петерсона¹¹⁰ о том, что Портой послано повеление к Девлет-Герая немедленно выехать из Крыма; что известие это получено русским уполномоченным от самого реиса-эфенди, который откровенно будто бы признался, что и Порта считает нужным удалить Девлет-Герая, зная его честолюбивое стремление стать крымским ханом.

Если эти конфиденциальные клятвенные заверения турецкого сановника в действительности были лживы, то вся эта лживость употреблена была им как средство избегнуть нового непосильного столкновения с Россией из-за татар, нарушивших постановление Кючук-Кайнарджийского трактата. Факт этого нарушения совершался, по свидетельству турецких историков, в таком порядке. По обмену ратификаций Сахыб-Герая послана была султанская грамота и инвеститура с миралемом¹¹¹ Мухаммед-беем; а 27 сефера 1189 года (29 апреля 1775) в Бююк-Дере пристал корабль с Сахыб-Гераем, который отсюда написал садразаму письмо с изложением причин и обстоятельств своего отъезда из Крыма. Он уведомлял, что получил и принял грамоту и инвеституру, присланные ему с Мухаммед-беем; но так как в Крыму находился и прежний хан Девлет-Герай, который отправился туда вместе с сераскером Крымской области Джаныклы Али-пашой,

то он, привлекая на свою сторону мурз, привел в движение татарский люд. «Мне стали говорить, — докладывал Сахыб-Герай, — что “нам не нужна самостоятельность, да и к тебе нет доверия у нас!” Устрашившись, я тотчас сел на готовый корабль и... достиг Босфора».

Записка Сахыб-Герая была представлена на высочайшее усмотрение; но так как она все же заключала в себе лишь сведения с одной стороны, то велено было подождать каких-нибудь донесений из Крыма. Труссу же Сахыб-Герая было предложено избрать место для жительства, и он изъявил желание поселиться в Текфур-Дагы.

По другим известиям, Сахыб-Герай-хан, будучи низвержен с трона волей татар, отправился прямо в Румелию, а потом, получив от Порты чифтлик, годовой и месячный оклады, водворился в Чаталдже, где и скончался. В числе замечательных черт этого бесхарактерного и слабодушного хана его биограф Халим-Герай отмечает то, что он в течение тридцати лет своей уединенной жизни в отставке ни разу не спускался с лестницы своей квартиры и что речь его была не чисто татарская, не черкесская, не турецкая, а скорее представляла смесь всех этих языков. Значит, его брат Шагин-Герай совершенно был прав, отзываясь о нем как о человеке, неспособном занимать ханское место в такую трудную эпоху, и, следовательно, нет ничего удивительного в том, что мятежная часть крымцев воспользовалась его слабохарактерностью, запугала его своими требованиями и принудила удалиться, благо подвернулся кстати человек более энергичный, на отвагу которого мятежная партия рассчитывала в достижении своих целей.

Человек этот был не кто иной, как Девлет-Герай, который в 1187 году (1773), взяв с собой человек десять чингизидских султанов, с Джаныклы Хаджи-Али-пашой отправился на Таманскую сторону мутить тамошних жителей — ногайцев и черкесов. Все время нахождения русских войск в Крыму он не показывался, но как только им предписано было очистить крымскую территорию, Девлет-Герай бросил якорь у Алушты и высадился на берег Крыма. Халим-Герай, сообщая эти подробности о похождениях своего родственника, говорит, что будто бы Девлет-Герай имел несколько

стычек с обреченными в геенну гяурами, то есть русскими, и победил их; тогда-то будто уже и крымцы все восстали, чтобы изгнать неприятелей и очистить от многобожников¹¹² пределы крымские, да только из главной армии пришло высочайшее повеление, чтобы татарам оставаться самостоятельными в силу условий заключенного трактата. Тогда Девлет-Герай и визирь Али-паша поворотили и пошли в Кафу, где и зазимовали. На следующий же год, в сефере 1189 года (апрель 1775), татары, на основании условий самостоятельности, предложили ему ханский трон. Об этом заявлено было Порте, и Девлет-Герая были присланы высочайшая грамота и инвеститура.

В русских источниках есть упоминание о высадке турецкого сераскера с войском; но о каких-либо стычках ничего не говорится. Соловьев, должно быть, разумеет упомянутое выше временное удаление турецкого десанта под начальством Девлет-Герая и Али-паши в Кафу на зимовку, когда говорит, что «турецкие войска вышли из Крыма, флот отправился от его берегов назад в Константинополь, резидент Веселицкий был освобожден, но татары не хотели принять данной им вольности».

В конце ребиу-ль-ахыра 1189 года (конец июня 1775) в Стамбул явилась та самая депутация, которую осмеял Ресми-Ахмед-эфенди. Она состояла из двух братьев воцарившегося Девлет-Герая — калги Шехбаз-Герай-султана и нур-эд-дина Мубарек-Герай-султана, ханского кады-эскера Фейзу-л-Ла-эфенди, четырех человек из каждого рода Ширинского племени да из прежнего султанского кади Абду-р-Рахмана-эфенди и множества эмиров, аг и мурз из почетных крымцев. В поданном ими в Порту рапорте они докладывали, что когда крымцы узнали об условиях заключенного трактата, то все — шейхи, улемы, знатные и простые — собрались на сходку, на которой и решено было послать к Порогу Счастья прошение. Приглашали на эту сходку и Мухаммед-бея, привезшего хану грамоту и инвеституру, чая в нем обрести ходатая за них пред султаном, а главное, с той целью, чтобы он побывал в их собрании прежде, чем привезенная им Сахыб-Герая грамота и инвеститура будут приняты, ибо с принятием их независимость татар была бы уже санкцио-

нирована и протест был бы невозможен. Но Мухаммед-бей не удовлетворил их желания, сказав, что ему приказано вручить, что следует, хану, а до другого прочего ему нет дела. Сахыб-Герай тоже отказался идти на собрание. Тогда они обратились к Девлет-Герая, посланному с Джаныклы Алипашой и зимовавшему в Кафе, с таким письмом: «Вы были назначены для освобождения этих стран от врагов; теперь вам... не подобает бросить нас в таком положении и уехать. Все шейхи, улемы, аги и эмиры просят вас: пожалуйста на наш совет». Девлет-Герай уважил их просьбу и явился, и составлено общее прошение, в котором докладывалось, что Сахыб-Герай избран в ханы по необходимости, во время занятия Крыма неприятелем; что при нем произошло многое неприятное для крымцев; что отказ его присутствовать на совещании еще более отвратил от него народ; а по прибытии Девлет-Герая он очень хорошо знал, что никто ему повиноваться не станет, если же он обратился бы к русским, то к одной ране присоединил бы другую; он испугался, получив известие о недовольстве на него жителей, сел на корабль и уехал в Стамбул. А так как Девлет-Герай издавна известен своей опытностью, то его и избрали ханом, пока от Высокой Державы последует милостивое внимание к ходатайству татар. Кроме того, в прошении заявлено было, что татары знать не хотят никакой независимости и не желают уступать московцам ни одной пяди крымской земли; о крепостях же Ени-Кале, Керчи и Кыл-Буруне и говорить нечего. Если же нельзя будет сделать, как они хотят, то пусть им будет отведено для поселения место во владениях падишаха. По этому прошению 23 числа ребиу-ль-ахыра (23 июня) у верховного везира происходило заседание государственного Дивана, на котором решено, что хотя ходатайство крымцев и противно мирным трактатам и желания их почти что неисполнимы, но чтобы сразу не отказать им и не давать повода говорить, что Высокая Держава не оказывает им дружелюбия, велеть им подождать приезда русского посланника, с которым можно потолковать об их просьбе. Затем условлено было пригласить более смыслящих из депутатов и передать им, что если дело удастся, то хорошо; если же нет, то надо повременить. Тогда они, предполагалось, отправятся в Крым с тем убежде-

нием, что Порты не отказывает им в своем участии. Такое решение Дивана было повергнуто на высочайшее одобрение, и 28 ребиу-ль-ахыра (28 июня) верховный везирь задал пир Чингизидам, где, после надлежащего угощения, разъяснили им вышеприведенное решение государственных мужей Порты ходатайствовать по их делу, когда приедет русский посланник. Затем их водворили в набережном доме Мухамед-Эмин-заде близ Каба-Таша, а для комфорта их прикомандировали к ним 25 мигмандарей из внутренних аг садразама, да на один только прокорм их расходовалось по тысяче гурушей в день.

Приводимые у турецких историков официальные документы — докладная записка реис-эфенди верховному везиру — такрыр, рапорт садразама султану — тэльхис — и указ самого султана по вопросу о крымских татарах и территориальных владениях России в Крыму — показывают, что Порты решила следовать тому плану, который выработан был в государственном Диване, то есть предоставить судьбу Крыма воле Божией, но татарам не подавать и намека на это, а для вида входить в формальные дипломатические сношения да писать разные бумаги, с тем чтобы оттягивать по возможности дело, предоставляя времени уладить неизбежные недоразумения и нелады между независимыми татарами и охранителями их независимости — русскими. Правда, Порты еще не созналась в своей несостоятельности повернуть назад исторические события, роковым образом приведшие Крымское ханство в то положение, в каком оно очутилось. Она еще продолжала бороться, временами подстрекаемая происками дипломатических агентов европейских держав, вроде Генриха Дица¹¹³, изо всех сил хлопотавшего о прусско-турецком союзе, вступить в открытый бой с Россией; но теперь борьба ее была глухая и велась окольными путями и средствами.

Наша ж дипломатия, к чести ее, понимала все выгоды и невыгоды своего положения в различные моменты этой борьбы и с подобающей твердостью шла к намеченной цели — окончательному присоединению Крыма к владениям Российской империи. Перипетии этой борьбы весьма подробно и обстоятельно изображены на основании русских

документов нашим почтенным историком Соловьевым. Сличение этих данных с известиями современных тогдашним событиям турецких историков Васыф-эфенди и Энвери-эфенди Шамадани-заде убеждает в полном их согласии. Неизбежная разница заключается лишь в оценке событий: что русская политика считала законным правом русского народа и государства, в том турецкая историография, конечно, видит одно лишь коварство и лукавые происки русской нации, которую турки почему-то искони считают хитрейшей из хитрейших*.

* Например, верховный везирь в официальном докладе султану по крымскому вопросу в таком духе отзывался о русских, говоря: «Русская нация искони обманная и коварная нация».

Глава IX

Нерешительное поведение Порты относительно Девлет-Герая-хана IV и России и стойкость русской политики. — Отношение крымского населения к своему избраннику Девлет-Герая и к русскому кандидату на ханство Шагин-Герая. — Систематическая казуистика князя Прозоровского в сношениях с крымско-татарским правительством и упорство татар в противодействии русским планам. — Нерасположение татар к Шагин-Герая. — Тщетные расчеты Девлет-Герая на удержание за собой ханского трона. — Политический раскол среди вожаков ученого сословия в Крыму. — Командировка турецких соглядатаев для ознакомления с положением дел в Крыму. — Сборы Девлет-Герая-хана и отъезд его из Крыма. — Присяга татар на верность Шагин-Герая-хану I.

При том хаосе, какой царствовал в Крыму, события совершались чрезвычайно быстро. В марте 1775 года реис-эфенди, как мы видели, с «дружеской откровенностью» сообщал нашему полковнику Петерсону о том, что сама Порта за нужное почитала удалить Девлет-Герая из Крыма, «зная честолюбие его быть ханом в Крыму»¹¹⁴; в начале мая того же года граф Румянцев говорит в своем ордере, что «хотя нельзя вовсе неверным почитать известие об избрании в ханы крымские Девлет-Герая, однако ж еще надобно дожидаться дополнительных к тому уведомлений», а вслед за этим граф Румянцев получил два письма верховного везира, в которых

турецкий министр с турецкой откровенностью сообщает «известия крымские о возведении ханом Девлет-Герая в той же точности, как в Порте оные дошли».

Но наш великий полководец-дипломат прекрасно знал цену турецкой откровенности и любезности и дал ей такой комментарий: «В обвещении мне дел настоящих татарских везирь всю сохранил благопристойность и осторожность, но может быть, сие только составляет один наружный вид, ибо нельзя не подозревать, что Порта своими стараниями пособляла учиниться ханом Девлет-Гирею». Подозрение свое граф основывал на полученном им из Крыма известии, «что новому хану Порты уже прислала в Крым подарки, превосходящие присланные от нее Сахыб-Гирею». Хотя граф Румянцев не придавал еще пока полной веры этим последним крымским известиям в ожидании более точных и официальных сообщений от Порты, однако в июньском ордере своем полковнику Петерсону он говорит уже о воцарении Девлет-Герая как о совершившемся и официально признанном факте и только поручает Петерсону «не дреманно, но и рачительнейше наблюдать за всеми поступками, движениями и происками министерства турецкого и посланных депутатов и эмиссаров татарских, дабы с здешней стороны размерять по оным наши вопреки меры и супротивления, ежели бы паче чаяния покушения Порты стали уже выходить за пределы мирного трактата, или же, по крайней мере, до пункта сущей опасности новому татарскому политическому бытию». Такая недоверчивость графа Румянцева к действиям Порты проистекала из противоречия между ее официальными уведомлениями о выведении ею всех своих войск из Крыма и Кубани и сообщениями, получавшимися оттуда графом, о том, что творилось там турецкими военачальниками.

Избранный татарами на ханство Девлет-Герай IV (1189—1190; 1775—1777) продержался без малого почти два года. В числе других средств к упрочению своего положения он пробовал заискивать и перед Россией: этим, по крайней мере, только и можно объяснить его ласковую беседу с русским агентом в Крыму, капитаном Мавроени, в которой он порицал поведение своего предшественника Сахыб-Герая, по глупости своей допустившего нанести оскорбление Веселицко-

му. Но Шагин-Герай со своей стороны, и не без оснований, разоблачал действия хана, который оттого и избран был в ханы, что дал клятвенное обещание татарам уничтожить ненавистную им независимость. Мало того: он продолжал держаться им же придуманной системы действовать в крымском вопросе путем возмущения кубанских орд. С этой целью он и отправил на Кубань сераскером Тохтамыш-Герая, который, в союзе с другими султанами, произвел нападение на часть Едичкульской орды, преданную Шагин-Герая, рассчитывавшему с помощью этой орды установить свой престиж и тем проложить себе путь к ханской власти. В этом стремлении его поддерживал перед своим правительством находившийся при нем в качестве переводчика Константинов¹¹⁵. Это было еще в 1775 году.

В начале следующего, 1776 года Порты, по донесениям резидента Стахиева¹¹⁶, опять возвысила тон, ободренная слухами о несогласии России со шведами и Польшей. «Кажется турецкое министерство, — писал он, — не намерено отступить от своих беспутных и невежливых требований относительно татар».

Вести о таких намерениях Порты, очевидно, уже и раньше проникали в Крым, ибо оттуда постоянно разведчики доносили, что татары готовятся к военным действиям; что сам хан делает под видом прогулок разъезды и мутит народ; что в Бакче-Сарае уже собираются мурзы по случаю присылки фирмана, в котором турецкий султан объявляет о принятии им Крыма, как и прежде, в свою протекцию; что посланные в Ени-Кале с письмами казаки дорогой перерезаны и что «хан Девлет-Гирей ожидает на сих днях от султана турецкого к утверждению себя в нынешнем достоинстве в присылку с капыджи-баши кафтана и сабли, по получении чего должен учинить на крепость Ениколь и Керчь нападение».

Действительно, вскоре Девлет-Герай-хану были препровождены с Кара-Хысари Ахмед-беем грамота и инвеститура, о чем своевременно стало известно и графу Румянцеву.

Что Порты в самом деле замышляла что-то недоброе, это явствовало из присылки в Крым переодетых по-турецки четырех французских офицеров для осмотра и укрепления тамошних крепостей, а также и из того, что «пребывающий

в Тамане орду-агаси¹¹⁷... получил из Царьграда для содержания на первый случай шести орд шесть тысяч рублей».

Ввиду таких действий Порты русская политика выказала надлежащую стойкость, а военная сила, в лице графа Румянцева, должную энергию и предусмотрительную распорядительность. Стахийев разговаривал с реис-эфенди в самом решительном тоне по поводу татарских дел, а чтобы внушить Порте, что с ней шутить не намерены, в октябре того же года к Перекопу было двинуто русское войско. Но верховный везирь Мухаммед-Дервиш-паша¹¹⁸, сторонник татарских притязаний, получил отставку в конце года, а преемник его Дарендели Мухаммед-паша¹¹⁹ питал миролюбивые намерения, засвидетельствованные также и Стахийевым. Помимо этого понижение тона Порты в сношениях с Россией много зависело, без сомнения, и от того, что в Диване на этот раз перевес был на стороне партии мира, во главе которой стоял Ресми-Ахмед-эфенди и его влиятельные единомышленники, как это известно из дипломатических донесений европейских агентов.

В крымских же владениях происходила полнейшая безурядица: всех подозревали в приверженности к тем или иным султанам; хан заставлял чиновников и мурз вторично присягать себе, чтобы в случае приближения русских войск к Крыму дать им отпор. Хан, с одной стороны, старался привлечь к себе мурз и возбудить всю чернь взяться за оружие, а с другой, видя неуспешность свою, писал нежные письма князю Прозоровскому¹²⁰, дружески спрашивая его о причине прибытия русских войск, и прикидывался «усердствующим дружбою России». Татары некоторых орд весьма откровенно и недвусмысленно заявляли себя слугами Правверной Империи, то есть Турции, верноподанными «своего величайшего монарха его султанова величества» и сторонниками Девлет-Герая-хана, так что успех русского протезе Шагин-Герая был крайне сомнителен, в чем он и сам иногда чисто-сердечно сознавался. При всем том и положение Девлет-Герая-хана было ненадежно: приближенные его следили за ним, чтобы он не бежал; иные выражали намерение произвести бунт и выгнать хана вон, так что хан, призвавши приближенных, спрашивал, что ему делать, и одни советовали

ему ехать, а другие удерживали его, побуждая собрать войска. Больше всего производилась эта внутренняя смута двумя людьми — Абду-ль-Вели-пашою и кады-эскером Фейзу-л-Ла-эфенди, которые хотя и ссорились между собой, но придерживали и хана, который уже совсем собрался покинуть полуостров и даже стал укладывать на корабль свое имущество.

Россия воспользовалась этим моментом и стала действовать решительнее. Несмотря на манифесты Девлет-Герай-хана к кубанским жителям, предупреждавшие их от лести и лжи Шагин-Герая и от опасности сделаться «подобно казанским татарам»; несмотря на препятствия со стороны турок, пребывавших в Темрюке и Тамани, проезду Шагин-Герая в Ени-Кале, где бы он мог быть провозглашен ханом; несмотря на партийную раздвоенность и колебания крымского населения, часть которого протестовала против дарования ему «вольности», — несмотря на все это, Шагин-Герай был, при содействии русских, все-таки провозглашен ханом сначала на Кубани, и ему дали присягу жители Ачуева. Жители же другого важного пункта, крепости Темрюк, заявили, что они скорее все умрут на темрюкских воротах, чем поддадутся Шагин-Герая, от которого они требовали, чтобы он объявил им сперва какой-то «высочайший фирман всепресветлейшего монарха вселенной». Шагин-Герай, который горел от нетерпения поскорее сделаться полноценным ханом, пробовал взять Темрюк штурмом, но был отбит с уроном; но потом все-таки крепость была занята войсками Шагин-Герая, и даже без кровопролития. Но тем не менее этот успех Шагин-Герая не обеспечил ему общего признания его ханом во всех владениях Крымского ханства. В этом отношении очень характерно мнение ханского дефтердара Касбулат-аги, который в своем показании отозвался следующим образом: «Если двор Российский желал установить вскорости ханом Шагин-Герая, то не должно бы ему быть на Кубани теперь, поелику как начальное место — крымское правительство; на Кубани же хотя бы он славился и десять лет ханом, то Крым о том и не подумает...»

К чести наших деятелей, они тоже понимали обстоятельство, на которое указывал ханский дефтердар; понимали они

и другую вещь, также высказанную Касбулат-агою, — что «держава Российская сильна и силами его* возвесть может, но когда общество будет видеть такого над собой хана, то не может быть его любителем».

Значит, теперь предстояла русским политикам и военачальникам задача водворить Шагин-Герая в самом Крыму, но только так, чтобы это водворение не имело вида насильственного навязывания его крымцам, а как будто бы являлось лишь уступкой добровольным желаниям и требованиям местного населения. Задача была нелегкая ввиду господствовавшего нерасположения крымцев к Шагин-Гераяу, упорного противодействия Девлет-Герай-хана со своими приверженцами и поведения Порты, которая не хотела расстаться со своим влиянием на судьбу Крымского ханства, но в то же время боялась открыто выступить против России. Если суммировать все частности этой глухой, анонимной борьбы, насколько они сохранились до нас в разного рода документах — рапортах, ордерах, письмах, донесениях, показаниях и т. п., то получается следующая любопытная картина.

Став на ту точку зрения, что Девлет-Герай-хан IV «в достоинство сие произведен единственно только Портою Оттоманской и, следовательно, в противность трактату», князь Прозоровский систематически и сам игнорировал и предписывал своим подчиненным игнорировать его, не признавая ханом, и вел, когда было необходимо, сношения с «крымским правительством» или с «крымским обществом», хотя очень хорошо знал, что письма, получаемые им от этого общества, «писало не оно, а ханский письмоводец». К самому же Девлет-Гераяу он написал лишь тогда, когда тот по оплошности назвал себя «доверенным Порты Оттоманской».

В обращениях к мнимому крымскому обществу князь Прозоровский, настаивая на буквальном смысле международного трактата о татарской вольности, писал, что султан турецкий, «яко главный калиф магометанского закона, может по единоверию входить только в духовные обряды (татар), законом тем предписанные; а что принадлежит до по-

* То есть Шагин-Герая.

литической и гражданской вольности, то в оное входить... не должно». Ссылку же татар на противность правоверному мусульманскому закону некоторых возложенных на них трактатом обязательств Прозоровский опровергал рассуждением, что если подобные обязательства вытекают из статьи 3 Кючук-Кайнарджийского трактата, ратифицированного «верховным калифом мусульманского закона», то, значит, они ни тогда «не были противны мухаммеданской вере, ни после не сделались таковыми».

Поддерживая кандидатуру Шагин-Герая, Прозоровский уверял, что и русскому правительству тоже до Шагин-Герая дела нет. Татар он постоянно величает в письмах «мои приятели» или «почтенное собрание», а Девлет-Герая титулует «ваша светлость»; войскам предписывает соблюдать крайнюю осторожность относительно крымских туземцев — не начинать самим нападений, не заезжать в деревни, а тем паче не позволять себе никакого насилия и грабительства. Равным образом и туркам, оставшимся до поры до времени в Крыму, князь приказывал русским солдатам «никакого недружелюбия не оказывать... оказывать им всю ласковость и в разговорах внушать им о твердом и непоколебимом сохранении мира у высочайшего двора с Портой Оттоманской... чтоб они, идучи между татарских селений, не могли всевать им разные плевелы и развращать их разум»; но при этом он рекомендует просто-напросто «удаляться от сообщества с ними».

Такое поведение русских давало Прозоровскому полное право требовать того же и от противной стороны и прямо называть все татарские претензии и жалобы «вздорными требованиями». Поэтому, когда один казак был убит и несколько человек было ранено, Прозоровский потребовал от «почтенного собрания» «виновных наказать без пощады, яко таковой со стороны татар поступок противу войск ее императорского величества... совсем непристойен и не похож не только на дружелюбие, но ниже на доброе соседство, а совсем разрывает вечный трактат с сею областью». На уклончивое же по этому поводу объяснение крымского общества он заявляет, что он не намерен переписываться с Девлет-Гераем, который, по его мнению, «есть первый нарушитель освященных трактатов», и в случае ненаказания виновных в убийстве

казака собирается сам свою «сатисфакцию получить одним или другим манером». В крайнем случае Прозоровский грозит, что татары «неизбежно сами на себя навлекут совершенное разорение и такую гибель, какой только от войны ожидать будет можно».

Русская политика направлена была к тому, чтобы «посредством ли татар или денег вытеснить Девлет-Герая из Крыма», тем более что Порта не имела ни времени, ни средств заступиться за Девлет-Герая. Согласно с этим планом, тем из татар, которые выказывали свою добронамеренность нам и действовали в наших интересах, каков, например, был Абду-ль-Керим-эфенди, судья при Едисанской и Джамбуйлукской ордах, или Ширин-бей, или Абду-ль-Вели-паша, давалось жалованье и подарки. Сам его светлость новый хан, то есть Шагин-Герай, получал, «кроме даваемой в пособие на произведение его дел суммы, единственно на содержание себя в каждый месяц по тысяче рублей». Кроме поддержки личного ханского престижа Шагин-Герая нашими военными силами дипломатия наша в лице Стахиева, чрезвычайно посланника и полномочного министра при Порте, должна была «домогаться у оной наследственного ханства», хотя по этому последнему пункту сначала произошло недоразумение между Шагин-Гераем и Прозоровским, который установление наследственного преемства ханской власти считал несогласным с трактатами, предполагая, вероятно, в этом личную честолюбивую затею Шагин-Герая.

Таков был образ действий русских.

В то же время крымские татары, чувствуя свое бессилие противостоят русскому напору, также явили себя в этот исторический момент своего существования политиками, сохраняя при этом свои коренные нравственно-бытовые качества. Прежде всего они обращались к Шагин-Герая с увещаниями довольно терпкого свойства, прямо говоря ему: «Мы все признаем тебя за зложелателя себе... ты нам не надобен; куда ты желаешь, туда и иди... Знай, что ежели об одной строчке письмо от тебя будет прислано, то хану Крымскому, нашему государю, для рассмотрения будет представлено; или будет от тебя посланный человек и пойман, будет нами отдан вышеупомянутому хану и в пример прочим пуб-

лично и всенародно, без всякого сомнения, повешен и казнен будет с общего нашего согласия... Мы на твоё желание никоим образом склониться не можем, ибо это закону и вере нашей противно...»

Понимая, что вся сила успеха или неуспеха Шагин-Герая зависела от действий за спиной его русских, татары пытались убеждать князя Прозоровского, представляя этому своему «великолепному приятелю» очень веские, по их мнению, доводы в пользу утверждения на ханство Девлет-Герая, отыраясь насчет него следующим образом: «Мы во всех делах на его ханское распоряжение положились, потому что он, благодетель наш, поставлен над нами ханом высочайшим повелением мусульманского калифа и земного государя; есть надобность веры и закона нашего повиноваться его воле...»

Про Шагин-Герая же татары писали Прозоровскому: «Мы его совсем отринули... Он принят никогда не будет, и на такой случай не только имущество потеряем, но для веры и закона умереть намерение возьмем...»

Так достаточно вежливо объясняясь с представителями русских, татары, разумеется, не церемонились с теми из своих, кто чем-либо выказывал свое к русским расположение. Так, по правдоподобным показаниям одного карасу-базарского турка, «Ширинского Темир-Газы-мурзы и бывших у него за то, что ушли в протекцию России, разорены дома, и имущество разграблено по ханскому приказанию». Князь Прозоровский получил сведения и писал после этого Девлет-Герая, что шатающиеся по Крыму со своими бандами султаны, «бедных обывателей, как татар, так и прочих, находя по дороге с арбами, рубят оные, их немилосердно бьют и все рассыпают и разбрасывают, а на конец обещают им и казнь» за то, что они доставляли русским кизяк, ячмень и другую на продажу провизию. Иногда они простирали свою месть даже на отдельных лиц из русских: так «в Карасу били чубуками подошвы ног у человека купца Гаврилова».

Не покидавшая татар при таком задоре трусость порождала среди них нелепые слухи, которым они охотно верили: например, они толковали, что князь Прозоровский уже умер, отчего, по их убеждению, должен был произойти в русских войсках беспорядок «по тому больше, что нет у них иного та-

кого генерала», да что и войска-то у него было не более семи тысяч. Всего больше, разумеется, фанатичные упрямы играли на религиозном чувстве крымского мусульманского населения. Так, например, пущена была молва, «что из Царьграда будет отправлен вскоре морской флот в Крым с тем, чтобы крымских татар всех истребить за то только, что якобы хан Шагин-Гирей крестился, и имя ему дано Иван Павлович, а потому дабы и они не были под российским владычеством, а превратить бы опять турецкому султану в подданство». Подсланный от капудан-паши к князю Прозоровскому чауш прямо ему заявил о том, что татары, мол, «особливо жалуются на хана Шагин-Гирея, что он не закона магометанского, а христианин и будто на себе носит крест, для того его не желают». Любопытны признаки, которыми недовольные татары руководствовались в определении нечистоверия Шагин-Герая. Переводчик Котлубицкий сообщил такую молву среди татар насчет Шагин-Герая: «будто он, по известиям к ним дошедшим, неверный; примечание таковое от следующего берут, что он на кровати спит, на стул садится и молитв должных по закону не делает».

Доверие к этим нареканиям на Шагин-Герая было так твердо и в самой Турции, что шейх-уль-ислам насчет него прямо отозвался так: «Хорошо, если бы российский двор перестал защищать Шагин-Герая и не старался делать ханом такую свинью и собаку, но кого другого, тогда бы и все распри кончились». А верховный везир некоему Али, карасубазарскому татарину, прибывшему с крымскими депутатами, прежде всего задал следующие вопросы: «Мусульманин ли Шагин-Герай? Как одет и коликое число российского войска в Крыму находится? На что Али отвечал, что Шагин-Герай в последний рамазан по магометанскому закону постился, держит по обыкновению при себе своего имама и как оба, так и все при нем находящиеся татары предписанной поры к богомолью никогда не пренебрегают, платье же реченный хан носит татарское, только черное». И в Порте того же Али «принуждали сказать правду: точно ли Шагин-Герай мусульманин, или же отрекся от того?»

Даже в официальной записке Блистательной Порты к царскому нунцию по поводу крымских дел выставлено было

на вид, что будто «российский генерал, употребляя Шагин-Герая своим орудием, набрал силою войска из магометан крымских жителей и хотел из них одеть некоторых в солдатский мундир, а других нарядить по-гусарски и принудить носить шляпы, что есть совсем противным закону магометанскому».

Само собой разумеется, что во главе татарской оппозиции стоял сам хан Девлет-Герай и его ближайшие приверженцы. Он собрал однажды татар в мечеть и спрашивал их, желают ли они вольности и видеть Шагин-Герая ханом. Получив от них отрицательный ответ, он велел им разъезжаться по домам и быть готовыми. Он хотел главных сторонников Шагин-Герая перевешать; равным образом он отдал приказание поймать и привезти к себе в Бакче-Сарай Шагин-Герая.

Но все старания Девлет-Герая удержать за собой власть не могли иметь благоприятных результатов, ибо в самом татарском населении не стало прежней разбойничьей отваги, веры в безнаказанность каких-либо враждебных России действий, да и сохранение прежнего государственного строя не составляло теперь чего-либо дорогого для сердца татарина. А потому заслуживает полной веры такое донесение Темир-Газы-мурзы: «Хотя и разосланы во все стороны люди записывать из народа войска, но чернь не соглашается». Не лишены правдоподобия и показания некоторых конфидентов, как они называются в документах, о происшедшем в Крыму. А они показывали, что когда Девлет-Герай старался собрать войско, то все мурзы отказали ему в этом, не желая подвергать свои семьи несчастьям войны. А Абду-ль-Вели-паша будто бы сказал публично хану: «Хорошо вам, что вы имущество свое убрали на судна, и сами с некоторыми готовы; но мы отечество свое оставить не намерены». Кроме того, конфиденты показали еще вот что: «Касательно же... фетвы или законного запрещения быть им вольными, то область, не уверяясь ею, приказала духовному муеддину-эфендию смотреть в книгах, законно ли то... почему духовный сей сказал, что закон дозволяет, и больше потому, когда не сильны делать сопротивления». Это значит, что грамотный мусульманский причетник напомнил татарам о существовании известного мусульманского правила, по которому «власть принадлежит

сильному» — «Альхукму лиман галяба», — правило, которое теперь очень было кстати для крымцев, тяготившихся своим положением и не видевших никакого из него выхода.

Тщетные мечты Девлет-Герая главным образом питались в нем двусмысленным поведением Оттоманской Порты. Очаковский житель Мустафа-ага, посланный вместе с курьером верховного везира к хану, сообщил русским, что «хан до получения письма везирского был несколько сомнителен, а по получении оно оказывался в веселом виде и утверждал в народе, будто пишут к нему о Шагин-Гирей-хане, что он вероломный, так если кто его пожелает, тот почтется за отрицателя от закона».

Между тем татары, то есть, лучше сказать, сам же Девлет-Герай под именем крымского общества, сообщал князю Прозоровскому такого рода вещь: «Нам же и от Порты Оттоманской чрез прибывшего татарина с письмами объявлено, чтоб наблюдать вечный и ясный трактат между двумя дворами, не делая ни на волос ему противного, и чтобы всегда его почитать, старание ими употреблено будет...» Значит, турки прямо обнадеживать татар не смели, а все-таки прибегали к обычной системе сманивать их намеками и обещанием дипломатических проволочек, которыми они всегда любили затягивать международные вопросы, требующие немедленно практического разрешения. Ими ожидался какой-нибудь благоприятный случай к тому, чтобы возвратить статус-кво в Крымском ханстве. Недаром какой-то французский лекарь, приехав в Кафу, рассказывал, «что в Порте квартируют янычара, показывая... объявить войну России, о чем и многие уже говорили, предрассуждая о недолгом ханствовании Шагин-Гирея».

При всем том, однако, когда несколько человек из крымских начальников отправились «к турецкому султану с испрошением, чтобы оставлены были под державою хана Девлет-Гирея, а из-под власти Шагин-Гирея были освобождены», то султан, узнавши о цели их прибытия, «не только чтобы просьбу принять мог, но ниже допустить до себя не позволил», так что они «отправились по-прежнему в Крым» ни с чем.

В конце концов Девлет-Герай все свое имущество и даже гарем препроводил в Балаклаву и погрузил там на суда, сам же медлил с отъездом, все боле разочаровываясь в действиях Стамбула. Он даже будто бы как-то сказал по секрету своим приверженцам: «Кажется, для нас никакой от Порты надежды нет, и я опасаюсь, чтоб они меня не обманули». При таком настроении ему ничего больше не оставалось, как по-доброму-поздорову уехать из Крыма. 29 марта 1777 года к вечеру, оставив в Бакче-Сарае двор свой пустым, Девлет-Герай отправился в Балаклаву с намерением отплыть морем далее. А чтобы скорее понудить его к этому, князь Прозоровский приказал подполковнику Любимову двинуться с отрядом к Балаклаве, занять берег от нее до Бельбека и загородить идущую туда из Бакче-Сарая через реку Альму дорогу. Девлет-Герай несколько раз отваливал и опять возвращался и причаливал к берегу: противный ветер не давал ему выйти в море, пока наконец 3 апреля удалось ему выйти. Сперва он отплыл в Синоп и, забравши там свой гарем, отправился уже оттуда в Константинополь, куда и прибыл 14 апреля. Приехавшие с ним татары рассказывали, что перед отъездом его из Крыма все те, кто хотел со всем своим домом следовать за ним, потеряли кто брата, кто жену, кто мужа, потому что русские войска будто бы их преследовали, и что ничего, кроме вопля и крика, не было слышно. Сам же Девлет-Герай, по донесению Стахиева, прислал с нарочным в Порту письмо, в котором извещал, «что он принужден был из Крыма выехать, где находится сорок тысяч российского войска, кои имеют с собой Шагин-Гирея и возят его в одной клетке с одного места в другое, почему и не можно распознать, мужчину или женщину, мусульманина или же какого другого человека в той клетке волочат; что оное войско никого не трогает, хотя бы и кто задирает его; что при отъезде его, Девлет-Гирея, со своими людьми оное войско пособляло убирать и переносить его скарб и погрузило оный на три судна, на которых он на азиатский берег переправился».

Таким образом поле было расчищено для Шагин-Герая, которому теперь, под прикрытием русской военной силы, можно было не окольными путями пробираться в Крым, как это предполагалось прежде, а прямо и торжественно шест-

воват в Бакче-Сарай, о чем уже и состоялось распоряжение князя Прозоровского.

Письмом из лагеря близ Кара-Су, при деревне Ак-Кая, от 21 апреля 1777 года Шагин-Герай извещал графа Румянцева о том, что крымское общество дало ему «о своей преданности письменное за общими печатями обязательство... и самопривольно отказалось от избрания впредь ханом, как по преданиям закона магометанского, так и по древним татарским обрядам». В журнале князя Прозоровского действительно значится: «В 21-й день (апреля), часу во втором после полудня, все здешние беи, мурзы и аги, собравшись из Карасу-Базара, предстали к ставке его светлости и по своему обряду сделали торжественную присягу в данном на 9-ти артикулах обязательстве и клятвенными обетами оную подтвердили». Любопытно, что главные вожаки партии, подавшей Шагин-Герая, изъявляя ему готовность присягнуть и прося его указать место встречи с ним, просили также как особой милости позволить им «присягать поодаль войск российских»*. Шагин-Герай препроводил к графу Румянцеву и самый присяжный лист, в конце длинного предисловия к которому говорится: «Мы, следуя святой заповеди, высоко помянутого государя нашего из места, в котором в виде гостеприимства пребывать изволил, пригласили и с помощью Вышне-го по счастливейшем его светлости в область нашу прибытия, в нынешнем 1191 году**, избрав в ханы, следующие ниже сего о нашей преданности обязательные артикулы сочинили и, утвердив печатями, все нижеподписавшиеся знаменитейшие Крымской области начальники и духовенство поднесли его светлости». Хотя русский текст этого присяжного листа и назван «переводом», но, судя по слогу и составу документа, он и есть настоящий оригинал, с которого был, вероятно,

* Это несколько напоминает тот случай, когда капитулировавшие туркам австрийские гарнизоны ставили условием капитуляции «не проходить им мимо татар», всегда обыкновенно находившихся в турецкой армии.

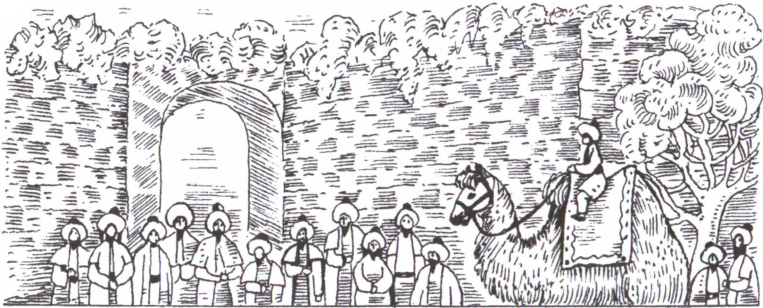
** Этот же год хиджры, соответствующий сроку с февраля по декабрь 1777 года, выбит на всех монетах имени Шагин-Герай-хана без различия относительно действительной их чеканки.

сделан уже татарский перевод для уразумения присягавших, и его-то, очевидно, имел в виду князь Прозоровский, рапортовавший графу Румянцеву, что «от светлейшего Шагин-Гирей-хана и от общества грамоты к Высочайшему нашему двору и к Порте составлены и переведены», и что он, князь Прозоровский, рассматривая, находит в них «довольно хорошо и ясно описанную материю»*. Кроме присяги, принесенной татарским вельможеством Шагин-Герая, дало фетву и крымское духовенство, санкционировавшее избрание его в ханы как согласное с духом мусульманского закона, причем тоже упомянуто о «девяти пунктах», из которых состоит присяжный лист татарских вельмож.

* К чести кн. Прозоровского надо отнести то, что этот военный человек, как и его начальник, знаменитый гр. Румянцев, зная цену силы меча, понимали также и важность значения человеческого слова, особенно чужезычного слова, в сношениях с людьми. Гр. Румянцев, например, никогда не подписывал сам и советовал кн. Прозоровскому не подписывать турецкого перевода своих корреспонденций, дабы не быть обязанным отвечать за перевод турецкий. Кн. Прозоровский пишет однажды гр. Румянцеву, что он приказал сличить перевод на турецкий язык декларации и нашел, что, «по примечанию Якуб-аги (переводчик хана Крым-Герая I, завербованный в свое время русским консулом Никифоровым. — *Прим. ред.*), выражения того перевода покажутся татарам не столько вразумительными, сколько он, следуя всеобщему употреблению их языка, наблюдал оное в своих переводах». В другой раз кн. Прозоровский пишет в своем ордере генерал-майору Борзову: «Но как переводчик у вас не так силен в переводах, как Якуб-ага, то я и прилагаю здесь в вышесказанных словах письмо, переведенное им Якуб-агою по-турецки».

Глава X

Конец Девлет-Герая-хана. — Татарская депутация в Порте. — Несочувствие Порты избраннику в ханы Шагин-Герая. — Поспешность и бестактность Шахин-Герая в своих действиях. — Начало возмущения в Крыму. — Интриги Порты против России и ее кандидата на ханский трон. — Высадка в Крыму Селим-Герая III. — «Кровавые адреса» крымских жалобщиков в Порту. — Нота Порты к европейским державам о положении дел в Крыму и отношении к ним России. — Причина «остуды» Шагин-Герая с Суворовым и Константиновым. — Неудачный исход авантюры Селим-Герая III.

По совершении переворота в Крыму России предстояла еще трудная задача заставить Порту признать Шагин-Герая в ханском достоинстве, да еще впредь установить вместо избирательного правления в Крыму наследственное. Порта, разумеется, не хотела примириться с фактом низвержения своего протеже Девлет-Герая и возведения на ханство ненавистного ей изменника Шагин-Герая; но делать было нечего. Девлет-Герай прожил некоторое время в Константинополе, угощался парадными обедами, получил от султана подарки, но все-таки в конце концов должен был отправиться на жительство в чифтлик неподалеку от Филиппополя, где он через три года и умер. Затем в Порте хотели было вызвать Сахыб-Герая, бывшего прежде ханом, и действовать через него на Шагин-Герая как младшего его брата, но и этот

план тоже отложили. Стахийев еще в апреле 1777 года доносил князю Прозоровскому о благорасположении всех добронамеренных людей в Порте в пользу Шагин-Герая и только советовал, «чтобы хан избрал усерднейших к себе почтенных и набожных татар и отправил бы их чрез Царьград для поклонения в Мекку, которые, бывши в сем городе, могли бы зайти в знатные дома и хвалиться хорошим управлением нового хана, прославляя его добродетели и ревность к закону», — хана же он торопил присылкой этих ходатаев и депутатов с махзаром¹²¹ к Порте.

В конце мая эти депутаты отправились в Порту и были там встречены довольно сухо: они должны были идти «пешками», потому что верховые лошади к ним не были посланы; их угощали кофеем, но «без сластей и окуривания», а верховный везирь по прочтении их бумаг сказал им в ответ: «Подумаем, посмотрим!» — то есть попотчевал их тем милым словечком «бакалым!», которым османы и до сего дня отделяваются от чего-либо, в чем они прямо отказать не могут и чего, однако же, исполнить не хотели бы.

На совете министров, происходившем в присутствии султана, было доложено, что вступление Шагин-Герая на ханство при помощи России совершилось вопреки трактату о ничьем вмешательстве в дела Крыма и чрез это султан «впал в разные сомнения». Более зримым проявлением нерасположения Порты к признанию Шагин-Герая ханом Крыма было учреждение ею собственного пашалыка, или губернии, в Бессарабии с включением в нее Каушан, Балты, Дубоссар и всех прочих вплоть до реки Буга земель и селений, принадлежавших крымским ханам, с изгнанием из тех мест ханских управителей.

Во всяком случае, планы русской политики могли осуществиться быстро. Этому способствовала, помимо всего прочего, бестактность Шагин-Герая, которая привела к тому, что глухое сопротивление крымцев осенью 1777 года разразилось открытым бунтом, о причине которого Прозоровский доносил Румянцеву: «Я сколько можно стараюсь изыскивать инструмент сего бунта, не могу и поныне открыть». Но из тона как этого рапорта, так и из других документов выходит, что бунт вызван поступками Шагин-Герая, на первых же по-

рах сделавшего многое такое, что должно было усилить и без того немалое нерасположение к нему местного народонаселения.

В самом деле, этот злополучный татарин вообразил себя настоящим государем, соединяя в себе дикие инстинкты азиатского деспота с самыми легкомысленными приемами и затеями на европейский манер, игнорируя народную нелюбовь к себе и в то же время не сообразуясь с намерениями и советами русских.

Тотчас же по получении формального известительного письма от татарских вельмож о своем избрании на ханство Шагин-Герай отвечал им тоже письмом, заключавшим в себе нечто вроде милостивого манифеста, в котором объявлял амнистию всем провинившимся против его брата Сахыб-Герай-хана и требования дальнейшего впредь повиновения, на что ему опять отвечено было письмом самого раболепного содержания, которое отправили к нему ширинский бей и Абду-ль-Вели-паша от имени всего крымского общества.

После этого, вступив в фактическое осуществление своей ханской власти, Шагин-Герай занялся «распоряжениями о внутреннем своей земли устройстве», как об этом рапортовал Прозоровский Румянцеву. Распоряжения эти состояли в назначении «хорошего содержания новоизбранным чиновникам» и в добыче денег на покрытие этих расходов посредством отдачи на откуп соли и всех пошлинных сборов Кафы, Гёзлеве и Перекопа и всеобщего со всех жителей десятинного налога, учрежденного по примеру Крым-Герай-хана. Князь Прозоровский «на таковое изрядное», по его мнению, «учреждение с удовольствием глядел», и ему в голову не приходило, что изрядные на взгляд постороннего человека учреждения могут быть весьма неизрядными для тех, кого они непосредственно касаются. А оно так и было в настоящем случае. Жадный Шагин-Герай раньше «неотступно выпрашивал» денег у Прозоровского, а теперь у него была своя рука владыка, и он не замедлил, конечно, воспользоваться материальными выгодами своего нового положения. Деньги ему нужны были на разные затеи, которыми он хотел придать внешний лоск своему властвованию. Так, ему зачем-то понадобилось немедленно строить близ Бакче-Сарая на горе

новый дворец, для чего он выписал из России потребных каменщиков. Сверх того, как доносил сам Прозоровский, Шагин-Герай «полагает сделать и крепостцу близ Бакче-Сарае на горе, с построением в ней казарм и заготовлением магазинов для войска, куда он, мыслить должно, в случае тревоги и ретироваться со своей гвардией намерен». Прозоровский в своем рапорте одобрительно отзываясь и об этом строительном намерении Шагин-Герая. Кроме того, Шагин-Герай просил через переводчика Константинова прислать ему мастеров для отливки пушек и делания лафетов и разрешить ему купить в Туле для своих бешлеев (гвардии) ружья, сабли, пистолеты и пики.

С другой стороны, Прозоровский и раньше был недоволен тем, что Шагин-Герай «очень поспешно хочет все сделать»; теперь, по водворении Шагин-Герая на ханстве, ближе присмотревшись к нему как самостоятельному правителю, он начинает уже совсем нелестно его аттестовать. «Стараюсь я, — рапортовал он Румянцеву, — всякими способами разведывать мысли здешнего народа о государе их Шагин-Гирейхане... слышу от многих немалое негодование о предприятиях новых и уму их непостижимых, яко то: заведение многих строений, мошение камнем в Бакче-Сарае улиц и наипаче на сих днях опубликованного указа о строжайшей отдаче всех российских беглых и представления ему пленных и об уравнении греков и армян его области в податях и прочих преимуществах с магометанами. Первые вещи почитают они себе за чрезвычайное отягощение, а последнее за наичувствительную обиду и к роду своему презрение, чрез что и возрастает между народом молва и роптание, а между чиновниками неудовольствие и огорчение, ибо они весьма малый к нему приступ имеют, даже самый первейший между ними человек, везирь его Абдувели-ага, живя с прочими заседателями Дивана в Бакче-Сарае, с нуждою через две или три недели удаляется его видеть и говорить». Это было в июне 1777 года, а в октябре уже разразился упомянутый бунт, вспыхнувший сначала в Бакче-Сарае и вскоре охвативший весь полуостров.

В рапорте от 11 октября Прозоровский так описывает начало возмущения. Шагин-Герай-хан ездил «для осмотра Балаклавы и прочих примечательных в той стороне старинных

развалин». Возвратившись 2-го числа, он остановился близ Бакче-Сарая в деревне Челеби-Джеслау, где произвел учение набранному войску. Уже во время этого учения замечалось какое-то недовольство; а через три дня поутру, около 10 часов, в стане произошла суматоха, шум, беготня; слышались оружейные выстрелы. Ханский конвой стал под ружье и сел на коней; посланные ханом вернулись, ничего толком не узнавши. После того мятежники двинулись к реке Альме; а «взбунтовавшееся войско взяло путь серединой Крыма по направлению к Перекопу, рассеивая по деревням всякие непристойные слухи как против хана, так и всех чиновников»; хан же отправил к Прозоровскому чиновника, прося прислать к нему роту гренадер с пушкой. Вслед за тем Прозоровский был извещен, что и в горах, в Ускюте и прочих местах начинает «чернь бунтоваться и вооруженными немалыми скопищами собирается». Посланный им туда князь Волконский¹²² прислал письмо, «в котором точная изъяснена причина сего возрастающего час от часа бунту». Оказалось, что ближайшей причиной мятежа была солдатчина, затеянная ханом. Набрав 2000 человек для конницы и 1000 для пехоты, Шагин-Герай определил к ним молодых мурз, которые начали муштровывать новобранцев на русский, должно быть, лад с тычками и зуботрешинами. Оттого и немудрено, что те, испугавшись муштры, толпами бросились бежать в степи и на вопрос, зачем они туда бегут, отвечали: «Хотя бы весь Крым остался пуст, но мы никогда не согласимся к регулярной службе, в которую нас хан набирать стал».

Эта затея — завести регулярное войско — уже давно была в помышлении Шагин-Герая, но он скрывал ее от Прозоровского, который, однако же, прознав об этом, старался внушать ему, что «сие его предприятие с нынешним положением несоизмерно» как по финансовому состоянию, так по несуществованию нужных для этого людей и, главное, по несогласности этого с духом народа, который, «сего пуше всех бед страшась, готов всякий раз к новому возмущению, да притом и Порта при начале сего дела откроет себе лучшие следы к взволнованию противу его всей татарской нации».

Но Шагин-Герай не обращал внимания на эти внушения. Прозоровский, рассуждая о причинах бунта, говорит про та-

тар: «Все они до бесконечности огорчены странным и диким с ними поступком своего хана Шагин-Гирея, который, не щадя никого, всех их пренебрегал и никогда ничьим полезным советам не внимал, даже до того, что и я сколько ни старался, посещая его наедине, чрез переводчика часто уготваривал, чтобы он остерегался и побольше их ласкал, опасаясь впредь от такого пренебрежения всегда опасных последствий, но он вместо того, не слушая, умножал еще свои ко всем грубости, и, наконец, до того довел все правительство, что они только ему потакали, а искренно никто ничего не говорил... Доказал он довольно, что не достает в нем... проницания, и знания управлять людьми он не имеет, а много малодушия. Собрание войск веселило его как малого ребенка..., а во время такого смутного положения совсем нерешителен и отчаян». Не лучше Прозоровский отзывался позже и о других распоряжениях Шагин-Герая, которые раньше, впрочем, называл «изрядным учреждением». В рапорте своем от 9 декабря 1777 года он пишет: «Я с ханом хотя и не имел никогда никакой распри, но советы мои, которые, всегда следуя высочайшей воле, подавал ему, не были приятны и оставались без всякого внимания; он слепо следовал своей предприимчивости и разом такие откупы сделал, что совсем ограблявал народ, и генерально целую область на себя подвинул, ибо сверх взимаемой им десятины, которую один только Крым-Гирей брал, не волен у него ни один мужик в деревне убить скотину, кроме откупщика; также на откуп отданы ножи, хлеб и прочее... покупая, например, четверть хлеба по рублю, продает через откупщиков по полтора рубли». В конце же декабря Прозоровский, отчаявшись в пригодности Шагин-Герая, восклицает в рапорте к Румянцеву: «Осмеливаюсь вашему сиятельству низжайше представить, что когда он во столько лет до сих пор не мог никого там прямо преданным себе сделать, то сомнительно, чтоб и впредь предупел в сем».

Таков-то был кандидат на ханство, выставленный и подерживавшийся русской мощью. Неудивительно после этого, что возмущение, гнездясь главным образом в Карасу-Базаре, разветвлялось во всех направлениях по всему Крыму. Татарская конница иногда бросалась на наши отряды «с такой фурией», как никогда не видывали, и хотя татары везде несли

огромный урон и были побеждаемы нашими войсками, «однако, — писал Прозоровский, — все еще не вижу я конца сему возмущению».

Соловьев говорит, что будто бы в начале бунта татары напали на Шагин-Герая и что он раненый ушел из Бакче-Сарая и куда-то на время скрылся, а все бывшие при нем мурзы были перебиты, причем у русских убито до 900 человек. Но из опубликованных ныне документов не совсем подтверждают сведения, добытые почтенным историком. Раны Шагин-Герай не получал никакой, а преспокойно повсюду рассылал к татарам манифесты с оповещением, что «он из них как ныне и впредь никогда войска на теперешнем основании набирать не станет, оставляет их на старинном обряде с тем, что разве бы когда нужда потребовала, но и то собирать их будет по-прежнему; тож всех бежавших в преступлении их прощает, только бы они возвратились в свои дома и жили спокойно». Но бунтовщики не поддавались ни на какие увещания. «Ибо они жестоким его тиранством так все озлоблены, что, посланным говорили, только и требуют его с первейшими мурзами и чиновниками в свои руки; а ежели их не получат, то лучше хотят до последнего человека пропасть, нежели покориться хану». Хан и его правительство, по донесениям Прозоровского, имели свое пребывание при главном русском военном отряде, состоявшем под командой князя. Что же касается потерь в наших войсках, то о них не имеется точных данных; но, судя по минорному тону, в котором Прозоровский описывает Румянцеву трудность своего положения ввиду того, что он «никогда не воображал себе такого сильного в сей земле возмущения», по тому, что он просит себе подкреплений, а также по упрекам, делаемым Румянцевым Прозоровскому в нецелесообразности некоторых его распоряжений, надо полагать, что русским войскам татары причинили немало урона, тем более неприятного, что, по убеждению Румянцева, «татарского вооружения на свете нет хуже».

Но если видимым стимулом татарского волнения в Крыму были ненавистная личность и легкомысленное поведение Шагин-Герая, то невидимая пружина все же была в руках Порты. Прозоровский не без основания предполагал в этом бунте турецкую интригу. Эти подозрения отчасти оправды-

вались совпадением по времени крымского мятежа с некоторыми действиями оттоманского правительства вроде присоединения к турецкой территории земель, принадлежавших прежде Крымскому ханству, между реками Бугом и Днестром. По поводу этого Веселицкий, основываясь на письме Стахиева из Константинополя, заключил, что «сии и другие тому подобные знаки довольно обнажают недоброжелательные и беспокойные тамошнего министерства умыслы, невзирая на миролюбивые султанские сантименты». Потом уже и сам Румянцев в своем ордере от 6 ноября 1777 года категорически заявил: «Нет сомнения, чтобы восставший в Крыму бунт не был работы турецкой, и что, конечно, войска турецкие в подкрепление и подпору татарам с берегов азиатских и европейских в Крым отправлены».

Прусский резидент Гаффрон в Стамбуле сообщал своему правительству, что верховный везирь Дарендели Мухаммед-паша, человек энергичный и предприимчивый, будто бы настроен на решение крымского вопроса оружием. Этот дипломат славен своим легкомыслием и верхоглядством, так что его наблюдениям можно было бы и не верить, но в данном случае они согласуются с другими симптомами враждебного настроения Порты относительно России. Очевидно, дерзкое поведение крымцев питало и в самих сановниках Порты, принадлежавших к воинственной партии, уверенность в возможности посчитаться с Россией. Порта, правда, еще не дерзала затевать новой войны с Россией, но не хотела быть в то же время и слишком уступчивой. Но окончательно происки ее обнаружили тогда, когда, не без нее, конечно, ведома и соизволения, явился в Крым претендент на ханский трон, раз уже неудачно фигурировавший в этой роли и постыдно бежавший из Крыма при первом натиске русских, — Селим-Герай III.

Рапортом от 21 декабря 1777 года Прозоровский доносил Румянцеву, что 19-го числа он получил извещение от полковника Репинского «о Селим-Гирее, бывшем хане, который из Очакова на лодке с 60-ю татарами отправился в Крым... а в ночь того же числа... приведены из форпостов двое мурз с письмами как от Селим-Гирея, выбранного бунтующими татарами в ханы, так и от самих бунтующих толп». В этих

письмах Селим-Герая извещает Прозоровского о своем призывании на ханство всеми князьями, духовенством и татарскими народами Крыма, предлагает ему «выступить из Крыма и делать впредь дружеские обхождения». Бунтовщики в своем письме, повторяя слова Селим-Герая, заявляли, что они «его приняли с согласия всех в ханы», и в заключение прибавили: «А Шагин-Гирей-хану служить не станем и охотнее согласимся понести разорение всей области, нежели на принятие его».

6 января 1778 года Стахийев доносил в Петербург, что в заседании общего совета Порты, происходившем 23 декабря минувшего года, принято решение оказать деятельную помощь восставшим против Шагин-Герая татарам отправлением к крымским берегам флота. Он сообщил также о молве в народе, что Селим-Герая уже переехал из Очакова в Крым вместе с Мухаммед-Гераяем и сыновьями хана Крым-Герая.

Ближайшим поводом к поднятию крымского вопроса в Диване Порты послужили присланные ей просьбы крымцев и жалобы их на свое бедственное положение, названные у турецких историков, ради их печального и трогательного содержания, «кровавыми адресами» — «канлы махзарлар». На этом совете, имевшем заседание 3 зи-ль-хыддже 1191 года (2 января 1778), действия России признаны противными договору, а оказание помощи крымским татарам — долгом турок, налагаемым на них мусульманским законом. Для этого определено было отправить в Крым пять галионов и на них семь или восемь тысяч войска под командой сивасского и трапезундского вали, известного уже нам Джаныклы Хаджи-Али-паши, но формально не объявлять России войны и по возможности не нарушать мира. На всякий случай велено было также составить сорокапятитысячный корпус янычар и весной сосредоточить его около Исмаила, в каком-то смысле и разослала предписания, назначив Джаныклы Али-пашу крымским сераскером, а румелийского вали Абду-л-Ла-пашу измаильским сераскером.

Приняв это решение, Порты, по всем правилам дипломатического искусства, тотчас же, 3 мухаррема 1192 года (1 февраля 1778), разослала всем представителям европейских держав ноту с изложением обстоятельств дела. Эта нота,

по-турецки «такрыр», приводимая целиком в турецком подлиннике у историков, весьма любопытна для нас по своему содержанию: в ней исчислены мотивы недовольства крымцев своим новым положением и выражены взгляды Порты по крымскому вопросу. Раз резюмированные в ней, эти мотивы и взгляды и после повторяются в той же стереотипной форме при дальнейших пререканиях Порты с Россией.

Поставив на вид признанную трактатом независимость татар и невмешательство других держав в избрание ими хана, Порта указывала на прерогативу султана блюсти порядок дел, касающихся религии крымцев. К этим последним, кроме права инвеституры и утвердительной грамоты, в ноте отнесено также право стамбульского кады-эскера жаловать мюрасалэ («отношение»), заключающее в себе полномочие хану назначать крымских улемов на судебские должности. Но что особенно странно с нашей теперешней точки зрения — это причисление к вопросам религиозным также и вопроса об одежде, который играет не последнюю роль в тогдашней крымской передражке. Нарушителями всех означенных условий спокойствия Крыма и добрых отношений между гарантировавшими это спокойствие державами — Россией и Портой — называются турецкой стороной Щербинин, Долгорукий и в особочности князь Прозоровский. Они обвинялись в том, что, привлекая Шагин-Герая на свою сторону, отправляли его совращать едисанцев, ногаев, черкесов и прочие татарские племена и снабжали его деньгами для подкупа нужных ему людей. А так как не хотевшие ему подчиняться раз или два покушались убить его, то для его безопасности Прозоровский приставил к нему конвой из пятнадцати человек казаков и гусар да еще ввел 35-тысячный корпус в Крым. Избранного же татарским народом Девлет-Герая вытеснили, большую часть знати обратили в бегство, а оставшихся окружили и под угрозой избияния и взятия в плен их жен и детей насильно принудили признать Шагин-Герая ханом, отбирая у них печати и штемпеля имиджи под видом «избирательного адреса» — «интихаб махзары» — составленную ими самими бумагу, в которой статья о прерогативах его величества султана вовсе исключена; выбрали для представления этой бумаги Высокому Порогу четырех человек и послали в сопро-

вождении нескольких русских. Русскому же резиденту при Порте Стахиеву сколько ни заявлялось об этих противодоговорных действиях его правительства, он или по целым месяцам отмалчивался, ссылаясь на неполучение ответа от своих властей, в расчете на твердость Порты в сохранении мира, или выжидая, пока она была вынуждена начать делать приготовления к отпору, чтобы потом на нее же свалить в глазах других держав вину нарушения доброго согласия. Между тем во время этой проволочки переговоров Россия мало-помалу делает, что ей нужно, чтобы осуществить свой замысел завладеть Крымом. С этой целью, между прочим, «в конце рамазана (октября 1777 года) русский генерал, употребив орудием Шагин-Герая, стал насильно набирать из крымских жителей войско, вербуя детей мусульман и одевая их в совершенно противные мухаммеданскому шариату шапки и солдатские одежды и придавая им чрез это внешность своих войск. Кроме того, в крымских городах и деревнях он разместил свои войска для зимовки среди семейств мусульманских и тем осквернил честь их». Тогда все племена татарские на Кубани и в Крыму восстали и обратились к Прозоровскому с требованием предоставить их с Шагин-Гераем самим себе и уходить со своим войском прочь; а он повернул на них пушки и ружья, и множество мусульман сделал мучениками за веру. Теперь там общее восстание, татары не принимают Шагин-Герая и просят у Порты помощи: то и дело приходят от них «кровавые адресы». Оказать им эту помощь обязывает святой шариат. Русскому посланнику столько уже толковано об этом, что наконец у Высокой Державы не стало терпения. Она искренно желает сохранения мира, но поведение России и необходимость обеспечить целостность и спокойствие своих границ, вынуждают их позаботиться о приготовлениях. Крымцы и татарские племена, лишённые русскими всякой безопасности, пригласили старейшего из ханов Селим-Герая-хана и присягнули ему; а через несколько месяцев русский посланник представил ноту о том, что будто они все настаивают, напротив, на утверждении ханом Шагин-Герая. Ему говорят, что Селим-Герай избран татарами и Порта считает своим долгом соблюдать принятые на себя обязательства; а он возражает: «Мое правительство отве-

чает, что оно не отступится от Шагин-Герая; больше я ничего не знаю». Бог рассудит, на чьей стороне правда, ввиду таких противных договорам и справедливости действий России, очевидных из вышеприведенных доказательств, которые могут быть подтверждены имеющимися в руках Порты документами, писанными к Шагин-Герая русскими генералами и офицерами; эти документы попали во время мятежа в руки татар и пересланы в Порту с удостоверительными в подлинности их подписями и печатями.

В этой ноте правда перемешана с ложью. Порта права была в том отношении, что угадывала намерения России включить со временем Крым в число своих владений, избрав средством для этого постепенное изолирование татар, которое бы лишило их возможности сопротивления. Верно и то, что на Шагин-Герая русские смотрели только как на подставное лицо и внушали ему действия, отвечавшие стремлениям русской политики. В этих расчетах главнейшим средством было задаривание влиятельных людей среди татар, что Порта и называет подкупом и на что действительно есть прямые и довольно откровенные указания в переписке Румянцева со своими помощниками. Деньгами склоняли в свою пользу даже турецкого агента, специально посланного Портой в Крым для изучения положения тамошних дел. Но чтобы при избрании Шагин-Герая употреблялись прямые угрозы и даже насилие, как говорится в ноте, на это нет никаких ни прямых, ни косвенных намеков. Когда же татары подняли открытый мятеж, то, разумеется, пришлось против силы орудовать силой же. Граф Румянцев был не особенно лестного мнения о татарах, называя их «развратным и малодушным татарским народом»: они, по его словам, «бестии» и даже «нелюди». В своих ордерах он велит «не употреблять без крайности оружия и жестоких мер»; когда же «опыты частых измен татарских делают их недостойными всякого милосердия», то он находит, что их «не лишнее было поускромить: я разумею прямо, побить»; он рекомендует Прозоровскому изыскать «способ где-либо в горах татар запереть и голодом поморить, или, отрезав их от гор, наголову побить».

Турки выставляют в числе главных причин, вызвавших мятеж, образование регулярного войска из татарской моло-

дежи Шагин-Гераем по образцу европейскому и с облачением их в русскую солдатскую униформу. Это обстоятельство также не ускользнуло от внимания Румянцева, который, извещая графа Панина, что «ханское новое войско взбунтовалось, не терпя вводимого регулярства, и что сей бунт повстал вдруг и везде», присовокупляет: «Мне кажется, сия причина не есть основательная, но случайная, кстати». Румянцев придерживался неоднократно выраженного им убеждения, что, «без сомнения, турки и весьма искусно сработали татарский бунт».

Иноверческая одежда, а в особенности головной убор немусульманского покроя, в самом деле внушают к себе какое-то особое суеверное отношение в мусульманах вообще, а в турках и татарах в частности: сколько было переговоров по поводу шапки с самим Шагин-Гераем, когда он приезжал в Петербург и представлялся государыне! Нам это и понять трудно; а турки, например, для характеристики непостоянства и вертлявости человека сложили даже пословицу: «Беспокоен как гяурская шапка». А потому одевание татар в необычные им костюмы и кивера, с присоединением старинной муштры новобранцев, не шутя могли восстановить их против затейливого Шагин-Герая. Но что будто бы в этой затее Шагин-Герай был только орудием русского генерала, то есть князя Прозоровского, это чистый вздор: князь, напротив, всячески отклонял хана от этой затеи. У Шагин-Герая был тут умысел иной: отдавая себя в распоряжение русского правительства для достижения цели отторжения Крыма от всякой опеки со стороны Порты, он в то же время, кажется, сперва далек был от мысли совершенного уничтожения ханства и на образование регулярного войска смотрел как на одно из важных средств к дальнейшему упрочению своего независимого положения в качестве самодержавного правителя.

Это он еще яснее доказал в вопросе о выводе христианского населения из Крыма в пределы русских владений. Переселение христиан привело хана, по словам Румянцева, «в уныние и негодование; крушит весьма хана»; оно произвело в хане «остуду с командующим там резидентом». Шагин-Герай даже издал особый указ греческим и армянским попам и старшинам, которым он известие о выселении на-

зывает ложью и выдумкой. Румянцев считает нужным изъять у хана «то сомнение, что будто упомянутое переселение по частным чьим-либо прихотям»; но сам в то же время, кажется, чувствует, что корень остуды у Шагин-Герая с Суворовым¹²³ и Константиновым был другой, поглубже, чем легкое сомнение насчет того, кому принадлежала инициатива выселения христиан. Это недовольство Шагин-Герая происходило от той же причины, по какой турецкий султан Селим I Явуз (Грозный), пожелавший обречь христианских жителей своей империи на поголовное истребление, отказался от этого, когда его советники представили ему, что в случае такого истребления не с кого будет брать харадж (поголовную подать), составляющий весьма важный источник доходов казны.

Нарекание на солдатский постой в татарских селениях могло иметь своим основанием разве только одно обычное мусульманам скрывание внутренности своего жилища от проникновения в него любопытных взоров всякого постороннего человека. О каком-либо насилии или притеснениях при этом случае со стороны русских не могло быть и речи: Румянцев в своих ордерах только и твердит начальствующим лицам наблюдать, чтобы не было «малейшего притеснения обывателей», о чем приказывает «подтвердить наисильнейше полкам команды». А при строгости тогдашней дисциплины подобные внушения главнокомандующего нельзя считать пустыми словами.

Несмотря на остуду, происшедшую между Шагин-Гераем и Суворовым, последний делал свое дело со свойственной ему энергией: начатый в июле вывод христиан к 18 сентября был уже окончен: всех христиан было переселено в количестве свыше тридцати тысяч человек. В стратегическом отношении были приняты все меры к тому, чтобы воспрепятствовать высадке турок в Крыму, если бы они вздумали явиться на помощь, о которой их просили татары. Можно было всего ожидать; но даже в сентябре 1778 года Румянцев писал Потемкину¹²⁴ относительно политики турок: «Трудно определить точность их намерений; но если сообщаемые г. Стахиву от его каналов известия достоверны, то новый везирь и старый муфти суть миролюбивых сантиментов, и что вся

партия, дышавшая войной, ослабела». И было отчего остыть воинственному жару этой партии. Подставленный Портой в качестве соперника Шагин-Герая шестидесятилетний старик Селим-Герай в конце 1777 года ворвался было в Крым, рассчитывая на симпатии татар и оплошность русских, но только наделал напрасного шума своим появлением. Румянцев писал тогда графу Панину в несколько встревоженном тоне, что «между последними из Крыма известиями... есть неожиданное по времени событие. Явился там, по приглашению бунтующих, новый хан Селим-Гирей, и по догадкам моим* тот самый, который при вступлении войск наших в Крым под предводительством князя Долгорукого Крымского, и область сию и достоинство свое оставил». Но уже в феврале 1778 года Румянцев извещал Панина, что «татары покорены и обезоружены, а Селим-Гирей выгнан самими ж татарами, коего они торжественно огласили Крымским ханом».

Стахийев также в марте месяце доносил Панину, что и по его сведениям «не токмо Селим-Гирей со своими единомысленниками выгнан из Крыма, но и пять из семи там бывших турецких фрегатов уже действительно в Синоп возвратились, на которых и реченый хан с 10-ю мурзами туда же приехал». В дополнение к этому известию Стахийев присовокупляет подробности об изгнании Селим-Герая. «Не токмо оставшееся в Крыму семейство, — пишет Стахийев в своем письме, — но и весь род Шагин-Гиреевых посланцев по Селим-Гирееву приказанию перебиты мятежниками по той только причине, что оные Шагин-Гиреевой стороны держались, и что сей хан, сведав о таком варварском и бесчеловечном избиении, выступил со своими татарами и переселившимися в Крым из Архипелага по восстановлению мира греками и арнаутами против Селим-Гирея, не щадя никого из преданных ему мятежников; так жестоко их побил, что Селим-Гирей с малым только числом мурз насилу спасся сам побегом на одном из пяти здешних фрегатов, а победитель между тем велел ис-

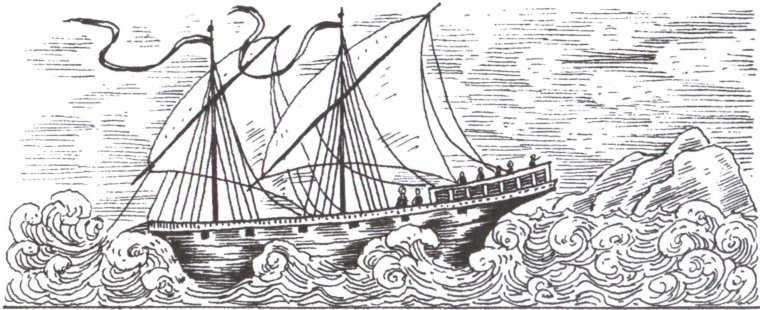
* Как недостаточны и неточны были даже у современников сведения об исторических лицах Крыма!

требить оставшиеся в его руках семейства всех как бившихся с ними, так и бежавших мятежников».

После этой неудачной авантюры Селим-Герай совсем сошел со сцены, поселившись доживать в своем чифтликке, где через восемь лет и умер в шеввале 1200 года (август 1785) 73-летним стариком. Как крымский историк ни расписывает мужество и доблести Селим-Герая, но из всего, что нам известно из его подвигов, только и выходит, что он был жаден до денег, любил пожить и умел устраивать свои дела: при всей ничтожности и бесполезности его услуг Порте он и в отставке, по свидетельству его же панегириста-биографа Халим-Герая, получал от нее столько денег, как ни один из ханов, а именно: двадцать тысяч гурушей годового оклада, да пятьсот гурушей помесечно, да три тысячи гурушей праздничных-рамазаных, да сверх того в год тысячу кил пшеницы и тысячу голов баранов. Ланглес приписывает поражение Селим-Герая вероломству Шагин-Герая, который будто бы с 8000 русских, нарушив заключенное на двадцать один день перемирие, напал на Селима, разбил его и принудил спешно сесть на турецкий корабль у Балаклавы. Мало того: Селим-Герай, по словам Ланглеса, будто бы «сделал еще несколько попыток в сентябре 1778 года, да был отражен»; но об этом ни в русских, ни в турецких источниках нигде не упоминается.

Глава XI

Бесцельная демонстрация турецкой эскадры у берегов Крыма. — Фантазии турецких государственных политиканов и критика их у Ресми-Ахмеда-эфенди. — Вторичная праздная экспедиция турецкого флота в Крым. — Дипломатическая предусмотрительность графа Румянцева. — Гонение на сторонников мира в государственном Диване. — Миротворительные старания Абду-р-Риззака-эфенди. — Айналы-Кавакская конвенция. — Недовольство Шагин-Герая условиями этой конвенции. — Депутаты Шагин-Герая, ходатайствующие в Порте об инвеституре для него. — Уклончивость Дивана в этом вопросе. — Командировка Сулейман-аги с поручением Порты к крымскому хану. — Покровительство Шагин-Герая Джаныклы Али-паше. — Приключения этого замечательного авантюриста, искавшего себе прибежища в России.

Приверженцы Селим-Герая смирились и были обезоружены; те же, которые намерены были сопутствовать ему в бегстве на турецких фрегатах, при посадке на катера были удержаны самими татарами, причем не обошлось дело без драки и кровопролития. При всем том Румянцев, сообщая Панину известие об изгнании Селим-Герая и неблагоприятном обороте дел в Крыму для турок, присовокупляет: «Трудно проникнуть, как поведут они в даль дела свои, но между тем, пока они, после своей неудачи, одумаются, имеем и мы

удобность на изыскание средств, кои могут быть для нас полезнейшими».

Разрешение этого недоумения полководца-политика находим у турецких историков: по их свидетельству, турки не видели возможности предпринять что-либо серьезное против России. Об отправленных ими к берегам Крыма семи фрегатах долго не было ни слуху ни духу. Тогда капудан Гази Хасан-паша послал из чаушей адмиралтейства Али-чауша на почтовом каике выяснить, в каком положении находится эскадра. Вернувшись 11 сефера 1192 года (11 марта 1778) в столицу, Али-чауш донес, что эскадра преспокойно стоит на якоре в Севастопольской гавани; что Шагин-Герай прислал главному адмиралу Мухаммед-аге письмо, предостерегая его от нарушения существующего мира между Россией и Портой и прося удалить ненужные фрегаты, оставив один до прекращения крымского мятежа; что гавань эта чрезвычайно удобна для укрепления ее с суши и что по удалении турецкой эскадры русские непременно займут и укрепят ее, так что тогда сорок тысяч войска и тридцать—сорок кораблей не в состоянии будут овладеть ею.

Вследствие этого донесения отдан был приказ крымскому сераскеру Али-паше занять с семью тысячами войска и держать в своих руках означенную гавань. Но Али-паша отвечал садразаму, что русские, не трогая флота, не давали ему повода предпринимать что-либо; а между тем сами возвели укрепления, и если сделают нападение на означенную гавань, вход в которую очень узок, не более как на пушечный выстрел, то флот не только не в состоянии будет оборонять ее, но еще сам может пострадать. Тогда не будет у него места для склада запасов и снарядов, а рисковать гибелью флота для завладения таким опасным местом тоже не приходится. Да если бы и удалось завладеть им, то все равно ничего нельзя было бы поделывать: ни верблюдов, ни телег, ни других каких-либо подобных перевозочных средств нет, а местность пространная и повсюду занята неприятелями. Тем не менее, однако, признавая важность означенной гавани, государственный Диван постановил открыто не нарушать мира с Россией, а постепенно, партиями в тысяч семь, переправить из Синопа сорокатысячную армию в Крым, для чего капудану велено

было быть в сношениях с синопским сераскером. Это определение Дивана было сообщено в секретных письмах капитанам и начальникам флотилии, стоявшей в той гавани. Командование сухопутным корпусом поручено было все тому же Джаныклы Хаджи-Али-паше, а флотом в сорок с лишком кораблей начальствовал сам капудан-и дерья Гази Хасан-паша, помимо того что и в Измаил назначен был отдельный сераскер с войском.

Во главе турецких политиканов, принявших вышеозначенные решения, стоял тогда реису-ль-кюттаб Атыф-заде нишанджи Омар-Вахыд-эфенди, сменивший сосланного в Кипр Исмаил-Рауф-бея, неспособность которого обнаружилась в то время, когда татарские ходатаи даром проедались в Порте, а от русского посла нельзя было ничего добиться в удовлетворение татарских претензий. Ресми-Ахмед-эфенди не упустил случая поглумиться и над этой кампанией против русских, проделанной на его глазах хотя и без его деятельного участия. Он выставляет Омар-Вахыда-эфенди бесшабашным болтуном, который в конце концов признается, что один, без содействия других государственных вельмож, ничего не может поделать.

Этот резкий отзыв о тогдашней политике Порты в крымском вопросе высказан был уже после того как вздорные последствия ее проявились в очевидных фактах: он важен только в том отношении, что служит выражением сознания самих турок, среди которых, следовательно, также были люди, смотревшие истине прямо в глаза. Но и в самый разгар дипломатическо-военного похода Порты глазу опытных людей была ясна ничтожность его результатов. «Из наводившей ужас горы выбежала мышь, — выразился Румянцев по поводу морской демонстрации турецкого флота и прибавляет для довершения своей меткой характеристики поведения турок: — Они изъявляют вместе и гордость, и трусость свою». В самом деле, все тогда благоприятствовало успеху России в крымском вопросе — и международные отношения с другими державами, и нерешительность Порты, которой никак не удавалось вывести Россию из пассивного, уклончивого состояния, с тем чтобы только не самой быть зачинщицей враждебных столкновений, и, наконец, даже сама природа, поставившая ужас-

ные преграды свободе действий турецких войск и флота в виде морских бурь и моровой язвы.

Французы, доселе больше всех подстрекавшие Турцию к войне с Россией, теперь, напротив, всячески старались от-вратить эту войну и предлагали свое посредничество к полному умиротворению враждующих. К этому их побуждали собственные натянутые отношения по поводу американского вопроса с Англией, с которой Россия находилась в со-гласии. Пруссия и Австрия слишком были заняты своими счетами, готовые всякую минуту схватиться между собой, и потому также не могли деятельно вмешаться в крымский вопрос, да притом каждой из них хотелось иметь на своей стороне Россию. Благодаря такому стечению обстоятельств у России был открытый путь идти к своей цели, не опасаясь помехи со стороны других европейских держав.

У турок же все как-то дело не клеилось, когда они отваживались на решительный шаг в оказании помощи тата-рам. Весной, в ребиу-ль-ахыре 1192 года (май 1778), турец-кий флот, нагруженный войсками и снарядами, выступил из адмиралтейства и готов был пуститься в Черное море, но вынужденно стал на якорь перед Бишик-Ташем в ожидании попутного ветра. А ветер, как нарочно, дул противный в тече-ние более сорока дней. В это время случилось быть в Стамбу-ле одному из почтенных людей города Медины — Абу-т-Тай-бу-эфенди, слышшему хорошим чтецом творения Бухари¹²⁵. Этого благочестивого мужа с шестью или семью товарищами пригласили в султанский сарай. Его величество султан Аб-дул-Хамид I тоже являлся на это чтение и, внимая ему, пре-давался молитве. Еще не прочитали и половины Бухари, как свершилось чудо: подул попутный ветер, и оттоманский флот двинулся, куда ему было надобно. Прибыв в Синоп, капудан-паша свиделся там с сераскер-пашой, и они оба вместе оттуда отплыли 14 реджеба (9 августа), а через день достигли уже вод, омывающих соседние с Крымом крепости Сугуджук (Суджук) и Анапу. По данной им инструкции они посла-ли оттуда русским письмо такого содержания: «Коли тата-ры свободны, то нет надобности русскому войску собираться в Крыму, а русскому флоту крейсировать в Черном море. Вы говорите, что вас татары пригласили; а в Порту до настоя-

шего момента от крымцев, от жителей Тамани, Кубани и их окрестностей, а также от Чингизидских султанов, от эмиров, от разных племен и родов пришло более сорока — пятидесяти махзаров, в которых они жалуются на вас и на Шагин-Герая и умоляют имама всех мусульман и калифа всех единобожников о помощи. Так как их необходимо спасти, то вот мы и командированы от падишаха с войском и флотом. Мы готовы двинуться; а так как при теперешних обстоятельствах цель Высокой Державы состоит лишь в умиротворении, то мы не стреляем по вашим войскам ни из пушек, ни из ружей. Но если вашими войсками будет оказано сопротивление нашему приближению, чтобы набрать воды, то вы будете причиной долженствующих произойти отсюда дурных последствий. Пока еще исламские войска не ступали ногой на границы русской державы, а в том, что они пойдут во владения татар, которые по силе высочайшего договора и святого закона признаны как бы в духовном подданстве всеобщего калифата, нарушения мира не будет».

Когда привезшим это письмо людям, по прибытии в Крым, со стороны русских было заявлено, что они должны выдерживать сорокадневный карантин, то очевидно было, что если бы турки стали подходить куда-либо в Крыму для запаса воды, русские бы под этим предлогом стали им противиться; в случае же, если бы турки прибегли к силе, то это было бы *casus belli*. Сераскер и капудан-паша так и донесли об этом Двери Счастья, испрашивая дальнейших распоряжений. Но так как сановники Высокой Державы сами колебались, не зная что предпочесть — мир или войну, то капудан-паша был уполномочен сам покончить дело миром с русскими.

От русского правительства дано было знать Порте, что оно не желает допустить каких-либо переговоров в Крыму. Наконец капудан-паше и сераскеру послано было из Порты предписание прямо направиться в Крым или в Тамань и, если они не встретят сопротивления со стороны русских, там где-нибудь расположиться лагерем и сторожить; если же от русских последует противодействие, то, положась на Бога и Пророка, приступить к завоеванию того пункта, куда они пойдут. Но еще до получения ими фирмана они отплыли из-под Сугуджука и направились к Крыму. Близ Кафы они повстреча-

лись с русской эскадрой, которая самым дружественным образом следовала за ними. Когда же турецкий флот, подойдя к Кафе, думал было высадить войско и отыскать место, где бы можно было укрепиться, то русские заявили протест против этой высадки под предлогом чумы и сказали, что необходимо дать об этом знать их генералу, который находился за три станции оттуда. Пока сераскер-паша и капудан-паша дожидались прибытия известия от генерала, поднялись ужасные осенние бури, и флот должен был поскорее уйти из-под Кафы и в первых числах рамазана (конец сентября) принужден был войти в Синопскую гавань. Здесь он получил приказание идти из Синопа домой, и 20 рамазана флот был уже в Босфоре, а в конце того же месяца вошел в адмиралтейство. Это безрезультатное возвращение флота сделалось предметом больших разговоров в Стамбуле, где озлобление против русских с каждым днем все увеличивалось, особенно после того, как два матроса бросились однажды на русского посланника с целью убить его, но были задержаны и подвергнуты капуданом-пашой наказанию. Русские купеческие корабли, прежде непривычные турецкому глазу, теперь стали то и дело сновать по Черному морю.

Сообщая в сентябре 1778 года о появлении турецкого флота у крымских берегов и удалении его по случаю моровой язвы у турок Потемкину, Румянцев говорит: «Я бы желал, чтобы сия их попытка на нашу податливость была уже последней, и решились бы тем наши с ними хлопоты». Желание его действительно исполнилось: Порта, не чая для себя ничего полезного в тщетном и нерешительном препирательстве с Россией, стала искать путей к выходу из своего затруднительного положения, в которое поставило ее необдуманное заступничество за крымских татар, и обратилась в конце 1778 года к посредничеству французского посла Сен-При.

Не увлекаясь неудачами противника, Румянцев в письме к Панину от 4 января 1779 года высказывает мысль, что все еще «в сем кризе дел... потребны скорые и сильные демонстрации противу турок, чтобы их удержать в том положении, до которого они доведены, и отнять у них все способы возмечтать о себе что-либо новое». В этих видах он неустанно продолжал делать военные распоряжения на случай вторич-

ной попытки вторжения в Крым со стороны турок. При этом он зорко следил за ходом внешней политики и хотя скромно говорит про себя в письме к графу Безбородко¹²⁶: «Вы знаете малые мои способности в делах политических, и что я о них судить могу не иначе, как слепой о красках», — тем не менее он верно угадывает формировавшиеся политические комбинации, приведшие к заключению с Портой Айналы-Кавакской конвенции 10 марта 1779 года.

Не будучи в силах нанести какой-либо существенный вред ненавистой России, воинственная партия в Порте тешила себя такими пустяками, как заточение посланцев Шагин-Герая на остров Родос, причем будто бы были «сосланы и три турецкие бабы, две в Галлиполи, а третья в Брусу, которая подала Порте челобитную, изъявляя в оной, что Шагин-Герай есть правоверный магометанин, и потому непристойно его гонять и посылать войско на пролитие невинной крови». Но особенное гонение началось на одного из влиятельных по своему положению сторонников миролюбивой политики относительно России — румелийского кады-эскера Мухаммед-Мюрада-эфенди с сыновьями.

Описывая отрешение и ссылку Мюрад-моллы, турецкие историки как-то глухо говорят о причине этого гонения, ссылаясь на его гордость и неуживчивость; про заточение же ханских послов вовсе умалчивают. Но в Порте еще оставались такие влиятельные лица мирной партии, как Абду-р-Риззак-Багир-эфенди, который один взялся уладить дело с нашим резидентом Стахиевым и действительно уладил. Выработанные ими в Айналы-Каваке условия конвенции были подвергнуты рассмотрению общего государственного Дивана, одобрены им и окончательно отредактированы согласно взглядам садразама и других сановников Порты, которым ужасно не нравилось выражение, что Шагин-Герай вечно, то есть пожизненно, признается ханом, и они настояли на исключении этого выражения, как могшего привести к новым пререканиям. Конвенция эта, по-турецки «Айинэли Кавак танких-намэси», заключает в себе 9 статей, разъясняющих некоторые сомнительные пункты Кючук-Кайнарджийского договора. Россия согласилась на то, чтобы татарские ханы по избрании их присылали депутатов с махзарами известной

формы для испрошения духовного благословения на ханство от султана как верховного калифа; а Порты обязалась беспрепятственно выдавать хану благословительную грамоту и не вмешиваться во внутренние распоряжения хана ни под каким предлогом. Обе державы взаимно обязались не принимать никаких мер без предварительного между собой соглашения в случае какого-нибудь недоразумения насчет татар. По четвертому пункту конвенции Порты обязывалась признать Шагин-Герая ханом под условием удаления русского войска за Орскую линию и присылки со стороны хана и татарского народа новых депутатов с махзарами в установленной форме.

Заключение этой конвенции совершалось быстро, без проволочек и к общему на первый случай удовольствию обеих сторон. Через четыре месяца произведен был торжественный обмен ратификаций. Официальные участники при заключении конвенции получили щедрые подарки, не исключая даже и французского посла Сен-При. Абду-р-Ризак произведен был в реису-ль-кюттабы вместо Омар-Вахыда-эфенди.

Россия была довольна заключением этой конвенции, если судить по той щедрой награде, какая пожалована была императрицей Стахиеву за его хлопоты — 10 000 душ крестьян в Белоруссии. Правда, Порты и тут схитрила, оставив в договоре про запас крючочки, за которые она потом некоторое время цеплялась, по какому поводу императрица писала Стахиеву: «Справедливое негодование возбуждает такое Порты шильничество и вероломство».

Что же касается Шагин-Герая, то можно было наперед предвидеть, что он не будет доволен условиями конвенции, хотя и в не такой мере, как это оказалось на самом деле. Румянцев, сообщая в апреле 1779 года Константинову, резиденту при хане, известие о подписании конвенции и прилагая копии с конвенции и декларации татарам, а равно «точные копии для сообщения хану с пиес относительно его признания и об отправлении по сему случаю от хана к султану грамот, и от правительства (крымского) махзаров», присовокупляет следующее свое соображение для руководства Константинова: «И как заключить можно, что хан, по извест-

ному превосходному его проницанию, при лучших истолкованиях магометанских духовных обрядов, может ощущать притеснение и упокорение и воображать себе в том опасность, то в сем случае должны вы употребить все ваше искусство и весьма себя предуготовить, чтобы изъять из него всякое в рассуждении сих обстоятельств сомнение и уверить его о тех наилучших выгодах, которыми он и все обладаемые им татарские народы сим новым подтверждением оных осчастливлены». Румянцев так рассуждал, зная, что Шагин-Герай всегда протестовал против духовной зависимости хана от турецкого султана. Но он еще не предполагал, вероятно, что Шагин-Герая гораздо более встревожит неопределенность условий конвенции касательно территориального распространения его ханской власти или же прямое поползновение Порты оттянуть в свою собственность некоторые земли, до толе причислявшиеся к ханским владениям.

Шагин-Герай был болен, когда пришли от Румянцева вышеупомянутые документы по заключению конвенции, а когда он познакомился с содержанием этих бумаг, то с досады расхворался пуще прежнего. Константинов старался убедить хана, что уступка очаковских земель Порте сущий пустяк в сравнении с утверждением хана в его достоинстве Портой; советовал ему поскорее исполнить все те формальности, которые требовались по условиям конвенции, и прежде всего, конечно, посылки депутации с махзарами для получения благословительной султанской грамоты; для большего же умиловливания к себе султана резидент рекомендовал Шагин-Герая послать султану в подарок черкесскую красавицу. Относительно же умолчания в конвенции о народах черкесских и абадзехских¹²⁷, а также о крепостях, лежащих по берегу Черного моря, как, например, о Сугуджукке, Сухуми и других, резидент успокаивал хана тем, что это еще и лучше, что про них ничего не сказано, ибо таким образом они представляются самим себе и, конечно, отвернутся от турецкого владычества, а скорее будут тяготеть к хану.

Но все эти соображения Константинова мало утешали Шагин-Герая; между прочим, он недоволен был неясностью выражения условий конвенции о буджакских татарах, потому что хотя Буджакская орда и помещена была в титуле хан-

ском, но без точного указания на то, будет ли она переселена в крымские владения, или Порты удержит ее за собой. Хан упорно держался того мнения, что теперешнее положение татар ничем не разнилось от прежнего, и Константинову стоило больших усилий заставить его отправить депутатов в Стамбул.

Тут следует учесть, что еще раньше между ханом и резидентом произошла, как выражались тогда, остуда из-за вывода христиан из Крыма, и резидент толковал поведение Шагин-Герая в неблагоприятном для него смысле. Но в данном случае, кажется, Константинов был прав, объясняя в письме к графу Панину, что образ действий хана происходил от досады на судьбу, не покоряющуюся его желаниям; что дух его не хотел ограничиться тесными пределами Крыма; что он постоянно имел в виду Кавказ, из жителей которого надеялся иметь храбрых воинов, а из недр его неисчерпаемое богатство, ибо уверен в существовании множества металлов в Кавказских горах, а теперь он видел, что Порты сама стремится захватить Кавказ и тем, следовательно, грозит положить предел всем его радужным надеждам видеть себя во главе если не могущественной, то все же сколько-нибудь видной державы, да еще созданной его собственной энергией и гениальностью. Едва ли очень успокаивали и нравственно удовлетворяли хана и назидательные речи, обращенные к нему Паниным «не в лице министра» — как он говорит, — «но по доброжелательству, с полным чистосердечием и доверенностью», вроде того, что, мол, «нет и не было еще почти никогда ни одной области и державы, при своем начале вдруг на степени того величия и могущества себя зревших, в каком потом многие из них чрез продолжение времени нашлись действительно» и т. д.

Спустя короткое время после обмена ратификаций в Стамбуле явилось четыре крымских депутата с махзаром для испрошения подтвердительной грамоты на ханство Шагин-Герая. 6 шабана 1793 года (19 августа 1779) они представились верховному везиру и им надели почетные халаты. Для доставления хану грамоты и инвеститур — тэшрифат — надо было отыскать человека смышленного и опытного. Таким оказался чауш-баши Сулейман-ага. Но так как чин его был низок для

отправления такой обязанности, то его произвели в первые султанские конюшие и послали в Крым. Но все это не так скоро сделалось. Стахиев жаловался своему правительству на поведение реис-эфенди, который давал «узловатые» ответы и вызовы и старался держать в тайне от резидента свои сношения с крымскими депутатами.

Вскоре оказалось, однако, что Порта сшилничала, по выражению императрицы, в крымском деле: русский резидент в Крыму Константинов уведомил Стахиева в письме от 9 октября, что султанская грамота, присланная к хану, написана вовсе не так, как условлено при заключении конвенции; что привезший эту грамоту султанский обер-шталмейстер требует от хана, чтобы тот принял грамоту с прежней церемонией, в которой выражалось подданство хана. На протест Стахиева реис-эфенди ответил, свалив всю вину на Сулейман-агу, и обещал поправить дело. Дело было поправлено, и об этом упоминается в реляции Стахиева от 6 декабря 1779 года в такой форме: «Третьего дня возвратилось сюда из Крыма идриотское¹²⁸ почтовое судно, которое в начале прошлого ноября туда отправлено было к султанскому Сулейман-аге с новыми от Порты наставлениями для поправления учиненного проступка по случаю вручения благословительной грамоты его светлости, хану Шагин-Гирею». В объяснениях по тому же поводу с французским послом реис-эфенди бросил инсинуацию против Шагин-Герая, высказав предположение, что не сам ли Шагин-Герай виноват во всем, скрыв полученную им султанскую грамоту, чтобы снова поссорить две державы. Впрочем, в феврале следующего, 1780 года Стахиев, донося в своей реляции и письме к Румянцеву о возвращении Сулейман-аги, сообщает, что «Сулейман-ага не может довольно нахвалиться милостью и щедротами его светлости хана, да и само министерство теперь с отличными похвалами о нем отзывается». К этому Стахиев присовокупляет, что «по приезде сюда из Крыма Сулейман-аги народ начинает быть доволен заключением мира с Российской Империей и выхваляет поступки нынешнего хана». Но тут же передает такую вещь: «Слух носится, что Крымский хан весьма богато одарил Сулейман-агу и его людей, но со всем тем последние намерены подать Порте мемориал, жалуюсь на его ненасытность».

Перемена в отношениях Шагин-Герая и Порты простерлась до того, что он даже ходатайствовал перед Портой о помиловании известного Джаныклы Али-паши, впавшего у Порты в немилость и бежавшего к татарам. Причина его бегства толкуется турецкими историками двояко. Есть мнение, что Али-паша тем навлек на себя правительственное неудовольствие, что не оправдал оказанного ему доверия в последнюю кампанию да еще немало прикарманил казенных денег под предлогом расходов на экипировку войска. Этим воспользовался его личный враг капыджи-баши Буз-Оклу-Джаббар-заде Мустафа-бей (у Стахиева он Чапан-оглу), который, даже без султанского разрешения, двинулся с войском в его губернаторство. Али-паша выставил против него войска, но эти войска были разбиты; тогда он со старшим сыном Мир-Батталем, забрав с собой семью и ценные вещи, сел на корабль и отправился в Крым. Его объявили мятежником, а другого его сына, Мукдат-пашу, который был эзерумским комендантом, отрешили от должности.

Турецкий историк Джевдет-паша объясняет происшедшее иначе. Большое богатство, говорит он, придало Али-паше много чванства и гордости, которые он выказывал при всяком малейшем случае. Если замедлялось удовлетворение его требований, он тотчас сердился на правительство и начинал писать в Порту обидные письма. Мало того: он написал и отправил султану целое исследование о гражданских и военных порядках, в котором порицал законы и правительственные постановления и разоблачал злоупотребления сановников. За это последние озлились на него и стали тайком пособлять врагу его Мустафе-бею. В конце концов Али-паша счел за лучшее бежать в Крым. Он был в состоянии собрать и выставить 30—40 тысяч войска, но не сделал этого, предпочтя сопротивлению бегство; так он проявил большой ум и дальновидность, показав, что далек от бунта.

Приключение с Джаныклы Али-пашой наделало много шума. Он нашел прибежище в России и даже некоторое время жил в Петербурге, где, впрочем, ему обещали покровительство лишь под условием принятия христианства. Али-паша не согласился на это и предпочел удалиться в Грузию, где позже и получил амнистию.

Он вернулся в Порту и восстановлен был во всех своих правах, так как по смерти великого везира Силахдар-Сейид-Мухаммед-паши¹²⁹, умершего 25 сефера 1195 года (20 февраля 1781), новый везирь Иззет-Мухаммед-паша¹³⁰ узнал, что против Али-паши интриговали его враги в Порте; потому Али-паша был допущен к Двери Счастья, сопровождаемый более чем сотней человек — чад, домочадцев, друзей и свиты, и получил прощение и благоволение падишаха. А тут еще пришла ходатайственная грамота крымского хана, и, как пишет Джевдет-паша, «Али-паша с сыном своим были утверждены опять на везирстве».

Глава XII

Преобразовательные попытки Шагин-Герай-хана. — Чеканка монеты. — Мечты его о расширении своих владений. — Неблагодарность Порты к территориальным притязаниям хана и принятые ею по этому случаю меры. — Экспедиция Ферах-Али-паши на Кубань. — Возмущение в Крыму и бегство Шагин-Герай-хана. — Избрание татарами на его место Бегадыр-Герая. — Взгляд иностранных историков на события, которыми сопровождалось присоединение Крыма к России. — Переписка Джаныклы Али-паши. — Безрассудные мероприятия Шагин-Герай-хана к упрочению своей власти в Крыму. — Манифест о присоединении Крыма к России. — Удаление Шагин-Герая в Тамань. — Водворение его в Калуге и петиция его к императрице Екатерине II о разрешении ему отъезда в Турцию. — Отъезд Шагин-Герая. — Известие об этом факте у турецкого историка Васыф-эфенди. — Негостеприимное отношение турок к Шагин-Герая и причины этого. — Домысел Гаммера. — Печальный конец Шагин-Герая по сведениям из турецких источников.

Из приключений Джаныклы Али-паши самое любопытное для нас то, что он первое пристанище нашел себе у Шагин-Герая — как это могло так случиться? Но факт этот становится понятен в связи с прочими действиями крымского хана, которые все обнаруживают стремление его создать себе положение самостоятельного, независимого владель-

ного государя, хотя все это казалось смешным таким проциательным людям, как Суворов, который однажды говорит в письме своем Румянцеву: «Светлейший хан, сколько ни гневен и ни постоянен, более жалок по бедности его!»

Действия же эти были следующие. Прежде всего, Шагин-Герай попробовал завести собственное на европейский манер регулярное войско; затея эта, как мы видели, закончилась бунтом татар. Потом он задумал учредить один или два регулярных полка из иностранцев, найдя к этому удобный случай в присылке к нему графом Потоцким майора Траяновского, как искусного и честного офицера, который обаявался нанять из поляков и немцев регулярный полк. Намереваясь завести у себя артиллерию, хан хлопотал, хотя и тщетно, чтобы при выводе наших войск из Крыма ему были оставлены чугунные пушки. Дальнейшие просьбы хана, также оставленные без удовлетворения со стороны Суворова, касались оставления в Крыму разных мастеровых, оркестра и людей, сведущих в лесоводстве, архитектуре, медицине и инженерной части. Серьезное у него, как видно, мешалось с ребячеством: задумав сделать важные, по-видимому, нововведения в своих владениях, он в то же время хлопочет о зачислении его в Петербургский полк хотя бы, на первый случай, капралом, с тем чтобы потом удостаивать его дальнейшим производством, а также просит императрицу пожаловать ему русский орден.

В числе просьб, которыми Шагин-Герай встретил нового посланника при нем Веселицкого, одна, согласно Соловьеву, состояла в следующем: хан принял в службу подполковника Деринга, который строит, мол, ему новый монетный двор, и уже все машины и инструменты для битья монеты были привезены; но на первый случай нужно было 50 пудов серебра и 300 пудов свинца. Хан и просил императрицу разрешить ввоз этого количества означенных металлов из России. Просьба его была уважена.

Ланглес, в довершение всех неверностей, которые находятся у него относительно действий русских и Шагин-Герая во время утверждения последнего в ханстве, внес еще следующую — будто бы хан «велел выбить монету со своим штемпелем; до того же времени крымская монета носила имя

султана османского; эти же монеты с одной стороны носили поименование то Бакче-Сарая, то Кафы, потому что хан заставлял работать попеременно в этих городах».

Битье монеты — самый существенный, вместе с хутбэ, атрибут власти у всех азиатско-мусульманских владетелей, который не был никогда игнорируем и крымскими ханами: самые краткосрочные из них спешили поскорее осуществить это свое право, как в этом можно убедиться по описаниям крымских монет. Поэтому в монетном вопросе Шагин-Герая принадлежит не то что учреждение чего-то нового, до толе небывалого, а, вероятно, только намерение установить более определенную и правильную организацию такой важной отрасли государственного управления, как чеканка монеты, и самой монете придать более благообразную внешнюю форму. В самом деле, до Шагин-Герая это дело велось самым первобытным способом: битье монеты отдавалось ханами на откуп, преимущественно иудеям, как они называются в официальных документах, касающихся этой аренды, то есть местным караимам. При таком порядке и внешний вид, и вес, и штемпелевка были крайне неаккуратного, непривлекательного свойства. Монеты же Шагин-Герая обнаруживают большое сходство с нашими русскими монетами того времени. Замечательно, что монетный двор вместе был и главным казначейством: одна долговая расписка Шагин-Герая содержит в себе обязательство его уплатить кредитору прямо из кассы монетного двора.

Другие документы свидетельствуют о том, что Шагин-Герай, не довольствуясь крупными субсидиями от русского правительства, пополнял свою кассу доходами с ханских регалий, к каковым, например, принадлежала пошлина с вывозимой пшеницы, отдача на откуп соледобывален и даже кабаков.

Дипломатическое же представительство Шагин-Герая на первых порах ограничилось тем, что рейс-эфенди, по его «прошению и с позволения Порты, принял на себя при Порте качество ханского поверенного в делах», как доносил об этом Стахийев в феврале 1780 года.

Покровительство беглому Джаныклы Али-паше носит все признаки вмешательства Шагин-Герая в дела Порты. Приручив такого способного и, как видно, пользовавшегося

ся большим влиянием в Малой Азии турецкого деятеля, каков был вышеупомянутый паша, Шагин-Герай, может быть, рассчитывал воспользоваться им как орудием для водворения и упрочения своего господства на Кубани, если не прямо располагая его военными способностями, то держа его при себе как опасное пугало для оказания давления на Порту при понуждении ее к территориальным себе уступкам путем дипломатических переговоров. В этом убеждает нас то, что Шагин-Герай в феврале 1780 года с Сулейман-агою отправил своего баш-чокадара¹³¹, вручив ему письмо к верховному везирю и петицию к султану, в которых он требует уступки татарам крепости Сугуджук и абадзехских урочищ.

Но расчеты Шагин-Герая обманули его: Порта оказалась далеко не так податлива, как он думал. По донесению Стахиева, верховный везирь отвечал хану, что «ханское требование уступить татарам Суджук с окрестными абазинцами не может иного воспричинствовать, как новые распри и остуду; потому что оную крепость Блистательная Порта построила в такое время, когда татары жаловались на причиняемые от тамошних жителей им несносные обиды и грабежи, и что Блистательная Порта, по прошению тогдашнего хана, принуждена была туда послать свой флот и, построив реченную крепость, уладила и покорила себе живущую окрест оной крепости нацию, определяя ей предводителем одного бея, узаконенного своим братом, и что все то ясно и подробно описано в Рашидовой Оттоманской Истории».

Стахийев присовокупляет к этому сообщению еще полученное им от реис-эфенди сведение, что «некоторые из оттоманских министров, включая его, думают, что его светлость хан о вышереченной уступке татарам Суджука и абазинских селений пишет по наущению всевысочайшего двора для содержания Порты в беспокойстве и страхе, чему он, реис-эфенди, нимало не веря, просит меня (то есть Стахиева) написать к господину резиденту Константинову, чтоб он приложил старание его светлость хана отвратить от таких требований, потому что от того не может иного, кроме новой остуды и неприятных хлопот, воспоследовать».

Порта была последовательна в своем отношении к крымскому хану: послам Шагин-Герая, прибывшим в Порту за

калифской грамотой для хана, было отказано в султанской аудиенции, несмотря на представления по этому случаю, сделанные русским посланником. «Послам мусульманских правителей нет входа в высочайшее присутствие», — отвечал, как сообщает историк Джевдет-паша, тогдашний реису-ль-кюттаб Абду-р-Реззак-эфенди. Когда же бухарский посол был достоин этой чести и драгоман русского посольства заявил протест свой по этому поводу, то ему ответили, что Бухара не соседнее с Турцией государство, а потому допущение бухарского посла в султанское присутствие не заключает в себе ничего предосудительного. Последний отзыв можно понимать в том смысле, что географическая отдаленность Бухары отнимала у бухарского посольства, направлявшегося в меккский хадж, всякое политическое значение и, следовательно, прием его султаном был выражением простого гостеприимства и внимания к единоверным пилигримам, тогда как аудиенция крымским послам могла быть рассматриваема как акт международных отношений Порты к Крымскому ханству на правах равных независимых государств, чего Порты никак не хотела признать, а потому и оставила эту претензию представителей крымского хана без удовлетворения.

Что же касается территориальных притязаний Шагин-Герая, то Порты отвечала на них, кроме письменного категорического отказа, еще немедленным и деятельным принятием мер к военной охране местностей, об уступке которых хлопотал хан. В марте 1780 года Стахийев писал Румянцеву: «Перед некоторым временем отправлен отсюда водяным путем Салагор-Хюрджи-Сулейман с несколькими числом каменщиков, плотников и других мастеровых людей для починки Суджакской и Сухумской крепостей на Абазинском берегу». Как говорят русские источники, об этом Сулейман-аге каиммакам в Тамани доносил хану в начале октября того же 1780 года, что он, приехавши в крепость Сугуджук, беспрестанно старался отторгнуть от власти Шагин-Герая все ногайские орды, уверяя их, что они, равно как и черкесы, не имеют ничего общего с Крымом, который слывет, мол, теперь вольным, но все-таки по-прежнему принадлежит султану, и что в скором времени к ним будет назначен особый хан из Стамбула; а если до того времени кто-нибудь пожелает, для большего спокой-

ствия и выгод, переселиться в Анadolу или Румелию, то будет отправлен на султанских судах и на султанском иждивении, а по приезде будет выгодно устроен и снабжен всем необходимым. Результатом этих подстрекательств было то, что мурза Ногайской орды Касаевцев Салман-шах, прельстившись такими предложениями, подговорил весь свой аул в 130 семейств и явился к Сулейман-аге с просьбой отправить их в Румелию, что и было исполнено. С той же целью — привлечения черкесских племен на сторону Турции и организации их соборно целям и видам Порты — назначен был комендантом Сугуджука Ферах-Али-паша, при котором вышеупомянутый сияхшур Сулейман-ага занимал пост смотрителя построек — бина-эмини. Джевдет-паша, на основании архивных документов Порты, дает очень подробный отчет о деятельности Ферах-Али-паши, которая главным образом состояла в разных административных его мероприятиях самого мирного характера, каковы, например, женитьба его на дочери одного из шабсукских беков, раздача подарков местным жителям, утверждение ислама посредством постройки мечетей и медресе, заселение Сугуджука малоазиатскими пришельцами и беглецами и водворение сорока тысяч ногайцев, прикочевавших на Кубань, в четырех пунктах, по десяти тысяч в каждом, так чтобы они везде занимали пограничные местности между русскими и черкесами, к которым они одинаково были враждебны. Но Ферах-Али-паша отправился на место своего назначения лишь в начале джемазиу-ль-эввеля 1196 года (апрель 1782), а следовательно, возможно, что Сулейман-ага до этого действовал именно так, как свидетельствуют русские источники.

Когда турецкие агенты так деятельно принялись за осуществление намерений Порты, Шагин-Герай тотчас же спасовал и прибег к императрице, прося защитить его от турецких интриг, угрожавших разрушить созданное Россией в Крыму положение вещей. Но события развивались очень быстро: враждебная Шагин-Гераю партия произвела открытое нападение на его дом, так что он поспешил сесть на корабль и спастся бегством в Ени-Кале и потом в Керчь. После этого его противники избрали ханом Бегадыр-Герая, а калгой Арслан-Герая и отправили в Стамбул депутацию просить санкции своему избраннику.

Бегство Шагин-Герая вызвало новое вмешательство России, взявшей вооруженной рукой восстановить права Шагин-Герая, а искательства враждебной ему татарской партии в Порте повели к дипломатическим пререканиям между обеими державами, тянувшимся довольно долгое время. Этот последний эпизод в судьбе Крымского ханства довольно подробно изображен иностранными историками. Немецкий историк Цинкейзен, исходя из дипломатических документов Прусского архива, смотрит на присоединение Крыма к России как на последний акт систематической восточной политики, веденной русским правительством с замечательной настойчивостью, причем, слишком доверяя своим источникам, придает частным фактам неблагоприятную для России окраску. Турецкий историк Джевдет, само собой разумеется, изображает события в самом враждебном к России духе, усматривая во всем лишь одни интриги и коварство русских. В этом отношении он заходит так далеко, что, сообщив сведения, найденные им у своих предшественников, Энверифенди и Васыф-эфенди, рассказывающих происходившее беспристрастно и потому невраждебно России, он затем присоединяется к известиям европейским, величая авторов их «мужами знания и прозрения» — «эрбаби даныш у биниш» — и отдавая им предпочтение пред своими соотечественниками только ради того, что их враждебность к русским уж очень пришлось по вкусу его османской русофобии.

Добрая треть второго тома истории Джевдета включает в себе подробные рефераты прений и рассуждений по крымскому вопросу, происходивших в заседаниях государственного Дивана и в конференциях с русским и другими дипломатами. Эти статьи весьма любопытны для истории наших дипломатических сношений с Портой. Значение их обнаруживается через сопоставление с русскими архивными данными, в числе коих первое место, без сомнения, должно принадлежать дневнику русского посланника в Порте Булгакова¹³², который прибыл в Бююк-Дере 19 шабана 1195 года (10 августа 1781); а 8 февраля 1783 года издан манифест императрицы Екатерины, которым заканчивается история Крымского ханства. Все, что произошло после этого знаменательного момента, есть не более как эпилог военно-дипло-

матической кампании, задуманной императрицей Екатериной и превосходно доведенной до конца при гениальном содействии великого Румянцева-Задунайского.

К такому решительному шагу побудило императрицу, кроме общих благоприятных политических обстоятельств, также, можно полагать, и безрассудное поведение Шагин-Герая, обнаружившее в нем весьма плохого союзника России, как это видно из опубликованных бумаг С. Л. Лашкарева¹³³, состоявшего резидентом при Шагин-Герее после Веселицкого. Не будучи сам в состоянии поддерживать свой престиж перед взбунтовавшимися подданными, Шагин-Герай излил бессильную злобу на безоружных крымцев после усмирения их силой русского оружия, предавая их беспощадным казням. Потемкин в своих секретных ордерах графу Дебальмену¹³⁴ самым решительным образом порицает эти действия хана, которые шли вразрез с политикой и видами русского правительства. «По поводу донесений ваших и посланника при хане господина Веселицкого, — писал Потемкин 19 февраля 1783 года, — об учиненной в Крыму казни многих из татар, в последнем беспокойстве тамо участвовавших, предписываю вашему сиятельству по содержанию оногo объявить хану в самых сильных выражениях, что Ее Императорское Величество с прискорбием получить изволила сие неприятное известие... Казни, при том случае употребленные и повторенные потом многократно, не могли устрашить других, а только огорчили его подданных и предуготовили последнее возмущение... Ее Величество желает изволить, дабы он управлял сими народами с кротостью, благоразумному владельцу свойственной, и не подавал причины к новым бунтам, ибо не может ему быть не ощутительно, что сохранение его на ханстве не составляет еще для Империи Российской такого интереса, для которого Ее Величество обязаны бы были находиться всегда в войне, или, по крайней мере, в распрях, с Портой».

Манифест о присоединении Крыма, как известно, не тотчас был опубликован: русское правительство предварительно подготавливало удобную для этого шага почву. Дебальмену предписано было «употребить все способы завести посреди татарских народов ближайшие связи и поселить в них доб-

рохотство и доверие к стороне нашей, дабы потом, когда потребно окажется, удобно можно было их склонить на принятие Ее Императорскому Величеству просьбы о принятии их в подданство». Насколько искренне русское правительство хотело пользоваться одними гуманными средствами к утверждению своей власти в Крыму, это, между прочим, очевидно из категорически предъявленного к Шагин-Герая требования выдачи своих братьев и племянника с другими татарами, содержащимися в заключении. «Впрочем, — писал Потемкин Дебальмену, — если б хан поступил на казнь означенных князей крови его, то сие долженствует служить поводом к совершенному отъятию высочайшего покровительства от сего владетеля и сигналом ко спасению Крыма от дальнейших мучительств и утеснений».

Когда решено было присоединение Крыма к российским владениям, личность Шагин-Герая, да еще так дурно себя зарекомендовавшего, сделалась совсем бесполезной для русского правительства. Поэтому Потемкин, сообщая Лашкареву «в сокровеннейшей тайне» правительственное предписание насчет Татарской области, как он называет Крым, делает ему вместе с тем такой упрек: «Вам не было нужды уговаривать хана принять паки власть, ибо оставление им державства нам полезнее всего для помянутого предприятия». Шагин-Герая решено было водворить на жительство в одном из городов России, с какой целью ему отпущены были уже и деньги и сделаны были распоряжения к его путешествию через Херсон, Калугу, или Орел, или Воронеж — куда ему заблагорассудится.

Шагин-Герай не тотчас, однако, подчинился означенному решению: он, вероятно, еще питал надежды на лучшее будущее: вместо того чтобы ехать в Херсон, где его ожидал Потемкин, чтобы сообщить ему «промысел о нем всемиловитивейшей Монархини», он предпочел удалиться в Тамань и засесть там. Через год почти, в апреле 1783 года, Потемкин, опять-таки по секрету, предписывает Лашкареву «со всевозможной поспешностью отправиться в Тамань к хану Шагин-Гирею и объяснить ему, коль неприлично поступает он, упорствуя исполнить высочайшую Ее Императорского Величества волю и удерживаясь в Тамани, вместо отправле-

ния внутри Российских пределов». Но нечего было уже объяснять: Шагин-Герай сам все очень хорошо понимал. Повинуясь необходимости, он поселился в указанном ему месте, в городе Калуге; но все еще не мирился со своим положением, хотя видел, что его первоначальные мечты рассеиваются одна за другой. Между бумагами Лашкарева есть одна, содержащая в себе перевод с прошения Шагин-Герая к императрице, из которого видно, что это уже вторичная его петиция, хотя, к сожалению, без означения времени, когда она была написана. Шагин-Герай выражает в ней скорбь свою о том, что «с давних пор оказываемые ему императрицей высочайшие милости, по-видимому, совсем переменились». Эти милости действительно должны были перемениться, потому что Шагин-Герай перед тем дерзнул просить об обратном принятии от него пожалованного ему ордена Андрея Первозванного, тогда как, по другим сведениям, он сам же прежде просил государыню дать ему русский орден, следовательно, неожиданный отказ его от ордена был сделан им с умыслом и совершенно справедливо сочтен за дерзость с его стороны. Любопытнее всего то, что просьба о возврате ордена соединялась вместе с испрошением дозволения выехать в Турцию.

Когда Шагин-Герай в звании калги приезжал в Петербург, то засвидетельствовал свое мусульманское правоверие упорным отказом снять шапку на аудиенции императрицы: но потом, в бытность свою ханом, он общался и усваивал от русских многое, что его единоверцы считали предосудительным. Теперь же, будучи разжалован, он вдруг опять прикидывается правоверным благочестивцем: обе свои просьбы — и об обратном принятии от него ордена, и о разрешении ему отъезда в Турцию — он мотивирует предписаниями своей религии. «Первая, нижайшая моя просьба, — пишет он государыне, — представленная о принятии возвратно всевысочайшего Императорского Величества пожалованного знака, не причастен я никак сей вине, а винны обряды религии моей, что оной звание имеет Андреевское; знающие, уповаю, в том удостоверить не оставят... До сего времени... за оказанные Вашего Императорского Величества монаршие милости не удостоился по долгу самолично возблагодарить и о внушенных Вашему Величеству, мне неизвестных, про-

грешностях просить всемилостивейшего прощения и притом осмелиться трудить, из всеавгустейшего Вашего Величества монаршего благоволения, чтоб я в приличную религии моей сторону к обитанию выехать жить мог». Прикинувшись совсем невинным, Шагин-Герай высказывает недоумение, за что им недовольна императрица, и сожалеет об утрате ее благоволения к нему. «По воле природности моей утвердительно упомянуто* выехать мне в турецкое государство: таковому всемилостивейшему соизволению хотя долженствую благодарить, что вольность моя сим монаршим благоволением утверждается; но только осмеливаюсь единственно, видя из сего индифферентность Вашего Императорского Величества всемилостивейшего ко мне благоволения, представить мое в том от сего удара соблезнование и печаль... А как Ваше Величество, огорчившись, мне позволяете ехать в Турецкое государство, сии знаки Вашего Императорского Величества с прискорбием ясно вижу... Мне в таком огорченном состоянии в ту сторону ехать, славу и пользу Вашему Императорскому Величеству не предвижу». При всей темноте и сбивчивости перевода просьбы Шагин-Герая, несомненно в ней то, что императрица огорчена была желанием его отъехать в Турцию, по крайней мере, казалась огорченной, следовательно, не может быть больше и речи о том, что будто бы его русское правительство принуждало к такому отъезду, как утверждают некоторые историки**. Одновременность же просьбы о дозволении отъезда с просьбой о принятии назад ордена, которого сам же хан добивался, ведет к предположению, что возврат ордена Шагин-Гераем был сделан в угоду туркам, с которыми он был в тайных сношениях и пред которыми подобной выходкой думал зарекомендовать себя истым мусульманином и, может быть, мечтал при их расположении вновь попытать счастья на политическом поприще.

Правду сказать, в Калуге-то житье Шагин-Герая было не красное. Им, как ненужным человеком, никто уже больше

* По правде сказать, это место переведено, как и почти вся просьба Шагин-Герая, ужасно бестолково, так что настоящий смысл его можно понять лишь из последующего.

** Например, Цинкейзен.

в России не интересовался, и с ним перестали чиниться. Попытка его «завести дружбу и знакомство» с графом Безбородко, которому он послал в подарок перстень, была истолкована в неблагоприятном для него смысле подкупа влиятельного государственного человека и вызвала неудовольствие императрицы. Родственники его донимали жалобами на свое жалкое положение и вопросами о том, «какой последует конец делам нашим?». Привыкши жить широко, Шагин-Герай во время пребывания своего в Калуге постоянно нуждался в деньгах, «которые сыскивать должен (был) с крайними процентами и огорчениями», по донесению Кречетникова¹³⁵. Наконец, ему были причиняемы разные огорчения в частном быту: так, от него взяли пристава Ласкарева и тем повергли его в великое прискорбие, потому что ему не с кем стало «делить время, которое проводил с ним, Ласкаревым, яко сведущим язык татарский». Он был огорчен до крайности и перекопским комендантом, который задержал посланного его в Тамань, отобрал у него и распечатал все имевшиеся при нем письма. Естественно, что Шагин-Герай, живя в таких совершенно новых для него условиях, истосковался и думал найти себе отраду в эмиграции, на которую и последовало высочайшее разрешение, выраженное в именном указе генерал-поручику Черткову¹³⁶ от 24 сентября 1784 года «об выпровождении его (Шагин-Герая) чрез Киев в земли турецкие на пребывание».

Получив известие о разрешении отъезда, Шагин-Герай сильно закручинился: отчасти это могло быть следствием его разочарования, если он думал этой просьбой обратить на себя внимание Двора; но больше всего причиной его грусти были, кажется, огромные долги, с которыми у него не было средств расплатиться, а также «ожидание отзыва из Константинополя с посланным от него» и «усумнение его, получит ли он желаемый отзыв»: было опасение, что он не будет впущен во владения турецкие. Но разрешение от Блистательной Порты последовало, и 27 января 1787 года Шагин-Герай, «переехав границу, вступил в область турецкую, расположась начально в лежащей на берегу Днестра деревне Атаках», как доносил об этом коллежский советник Вельяминов, которому поручено было окончательно выпроводить из русских пределов злополучного отставного хана.

Крымские и турецкие историки, уже из одного пренебрежения к личности Шагин-Герая, не считают нужным распространяться о конечной судьбе его*, кратко заявляя, что он «в 120 году (1787) выехал из гяурских стран и прибыл в богохранимые владения падишахские; там он был сослан и заточен на остров Родос и в шеввале (июль—август) того же года казнен чрез нарочито командированного с этой целью мубашира» («Гюльбюн-и ханан»). Только у Васыф-эфенди есть небольшая заметка насчет удаления Шагин-Герая из России в Турцию, под 1201 годом (1786—1787): «Вследствие того, что враги веры и Державы — москвитяне овладели Крымской областью, они уничтожили и писанный на воде ханский титул Шагин-Герая, а самого приютили и водворили на житье в одном месте у себя, назначив ему некоторое содержание. В эту-то пору от него и пришли к Порогу Счастья бумаги с его человеком, по имени Ахмед-эфенди. В них заключалась просьба его к Высокой Державе дать ему убежище в своих богохранимых владениях. А человеку его были поверены еще некоторые обстоятельства, относящиеся к тому же письму его, и когда он был спрошен, то открыл следующий секрет: “Крымский генерал, — подтвердил он, — в надежде получить касающийся правительства предлог, в том только и проводит время, что оскорбляет и унижает упомянутого хана, так что теперь пишет ему бумаги, порицая его действия и говоря: “Если ты желаешь порвать связи с пределами России и направить свои вожжи во владения Высокой Державы, то со стороны русских тебе полное на это соизволение”. Смекнув, что его хотят извести, он и послал меня сюда с письмом; а сам в ожидании ответа на свои писания, потихоньку отправился прямо в Польшу”. Государственные люди собрались несколько раз советоваться по этому делу, и каждый высказывал свое мнение с заключением. Наконец признали за лучшее пригласить хана в богохранимые падишахские владения и водворить его где-нибудь подобно членам его рода. На этом основании тотчас из Счастливого Порога

* В биографическом очерке жизни Лашкарева сказано, что Шагин-Герай, испросив позволение отправиться в Турцию, «скончался, едва переехав границу»; но оснований для этого не приводится никаких.

была послана к упомянутому хану бумага, заключающая в себе приглашение, в котором, сообразно требованиям времени и обстоятельств, расточалось столько предупредительностей, долженствовавших вызвать в нем душевное успокоение и примирение. Кроме того, один из капыджи-баши высочайшего двора, Исмаил-ага, назначен был мигмандаром (гостеприимцем), которому было поручено взять хана из Хотина и доставить в Букурешт, а оттуда в Адрианополь; для того же, чтобы заботиться об охране его и оказывать ему всяческий почет и внимание во время дороги, был командирован один из высокопочтенных губернаторов, каушанский комендант Исмаил-паша. На почтовых станциях и местах остановки, приходившихся на пути его следования, были заготовлены необходимые припасы и продовольствие — частью было отправлено натурой, частью же передано деньгами. В эту пору к Счастливому Порогу опять пришло послание вышеупомянутого хана, в котором он высказывает свой страх и опасение вследствие ходящих в народе на его счет разговоров, а также выражает и заявляет он необходимость искать себе безопасного прибежища у Его Величества (султана). Эта его просьба также была принята с благосклонностью и признана уместной, и ему дано было понять, что дело покровительства может осуществиться. Тогда же хотинский комендант и другие лица писали, что мигмандар прибыл в Хотин; что хан с полной безопасностью переправился на хотинскую сторону и остановился в приготовленном для него конаке в Бот-баши».

Пример эмиграции Шагин-Герая не единственный: переселение в Турцию претендентов на властное положение среди азиатских народцев, ныне подданных России, совершалось даже еще недавно на наших глазах, в лице двух Шамилей — старика-отца¹³⁷ и старшего сына его Казы-Мухаммеда¹³⁸. Не религиозное, во всяком случае, тяготение к мусульманской державе увлекло Шагин-Герая пуститься на последнюю и пагубную для него авантюру, как влекло оно старого фанатика Шамиля, а скорее фальшивый расчет еще играть какую-нибудь политическую роль под сенью оттоманского полумесяца, когда не удалось этого под верховным покровительством и руководством России, как это случилось и с Казы-Мухаммедом. С другой стороны, нет ничего невероятного в том, что

Порта отнеслась так снисходительно, даже ласково и предупредительно к ненавистному для нее прежде Шагин-Гераю, как об этом повествует современный историк Васыф-эфенди. Но тем непонятнее становится обстоятельство, что такое расположение, с которым Шагин-Герай был встречен на османской почве, вскоре сменилось гневом турецкого правительства, покончившего с Шагин-Гераем, как с каким-нибудь преступником, предав его смертной казни. О причине такой немилости Порты к человеку, утратившему всякое политическое значение, можно только догадываться по некоторым данным, которые находим у одного из позднейших турецких историков, Ата-бея. Надо думать, что Шагин-Герай, побывавший в Петербурге и все время обращавшийся с русскими людьми образованного класса — генералами, офицерами, дипломатическими резидентами, невольно развил в себе потребность в образованном обществе. Очутившись же на острове Родосе, он, естественно, стосковался и стал искать развлечения в сближении с проживавшими там многими европейцами, как, например, с членами французского консульства. Сношения его с ними, о которых имеется свидетельство, легко могло возбудить подозрение Порты: она могла усмотреть в этих сношениях, бывших делом простой житейской общительности, какие-нибудь серьезные заветы Шагин-Герая и поспешила избавиться от него. Варварский же способ расправы, примененный к нему турками, не составлял ничего необыкновенного там, где самый крайний произвол не имел себе ограничений ни в условиях правосудия, ни в чувстве гуманности.

Ата-бей пишет, между прочим, следующее о конечной судьбине Шагин-Герая: «В 1201 году (1787) он, выйдя из стран российских, бесстыдно прибыл в богохранимое высокое государство и был сослан и заточен на остров Родос. В шеввале того же года (июль—август), когда комендант означенного острова Гази-Хасан-бей, объезжая, по поручению, острова Архипелага, осведомился у родосского наиба¹³⁹, известного поэта Сюмбуль-заде Вегби-эфенди¹⁴⁰, о том, что будет ли Шагин-Герай казнен по высочайшему фирману, то оказалось, что он, показуя низость своей презренной природы, в этот раз бежал, чтобы спастись, в родосское консульство

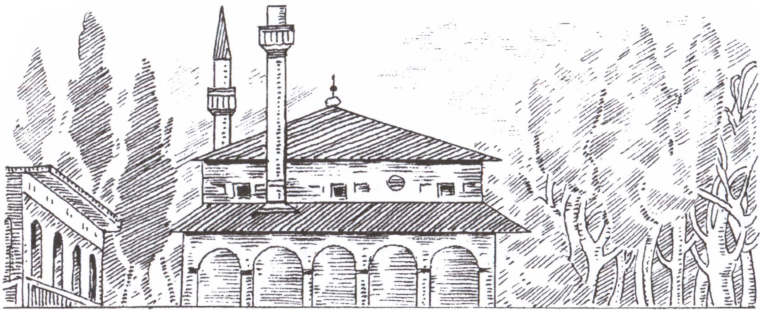
французского государства. Упомянутый наиб, узнав об этом, написал в консульство бумагу с просьбой о выдаче его правительству. Но так как нельзя было добиться удовлетворения этой просьбы, то пришлось предпринять какие-нибудь насильственные меры против консульства. Когда там узнали об этом намерении, то и выдали вышеупомянутого эфенди проклятого изменника, который и был казнен. Голова его была отослана в Порту, а гнусный труп его был брошен в один ров, находящийся внутри крепости, и зарыт там».

Ата-бей до того простирает свою ненависть к памяти Шагин-Герая, что усматривает чуть не чудо в судьбе самой могилы его. Он рассказывает, что во времена султанов Селима III (1789—1807) и Махмуда II (1808—1839) на острове Родосе построены были каменные казармы. Возле одной из них сделаны отхожие места, и вот яма для этих мест совершенно случайно вырыта была как раз там, где было погребено тело Шагин-Герая. Автор присовокупляет, что в бытность его на острове Родосе по делам службы ему показывали это место некий Хаджи-Хафиз-ага и другие сведущие люди.

Высказав затем мнение, что причиной гибели Крымского ханства были бесконечные кровавые распри, происходившие между членами властвовавшего рода, питавшими друг к другу зависть и ненависть, Ата-бей в заключение приводит касыду¹⁴¹, написанную вышеупомянутым поэтом Сюмбульзаде Мераша Вегби-эфенди по случаю казни Шагин-Герая. Эта касыда в 84 стиха носит заглавие «Тайярэ» («Летучая») и построена на сравнении Шагин-Герая с птицей благодаря лексическому значению его имени — «сокол». Излагая вкратце деяния хана и обстоятельства его казни, Вегби подобрал всевозможные ругательные эпитеты и сравнения для попрания памяти злополучного Шагин-Герая, вся вина которого заключается лишь в том, что он был последний из царствовавших Гераев и сделался невольным свидетелем и разве только отчасти виновником события, подготовленного целой предыдущей историей и, хотя крайне неприятного для Оттоманской Порты, тем не менее все-таки неотвратимого.

Глава XIII

Свершившийся факт и стропливость Оттоманской Порты в признании его. — Номинальные ханы Кубанские Шегбаз-Герай и Бахты-Герай. — Несогласие свидетельств крымского историка с турецкими документальными данными касательно характеристики Шегбаз-Герая. — Личные качества Бахты-Герая и вечное его скитальчество. — Последующая судьба членов фамилии Герайской, приютившихся во владениях покровительствовавшей ей Оттоманской Порты.

Таким образом многовековая борьба Оттоманской Порты с Россией из-за верховенства над Крымско-татарским полуостровом закончилась в пользу последней, и притом, к счастью, без особенных и тяжких жертв с ее стороны, если не считать жертв, принесенных ею раньше в виде многочисленных пленников, которых угоняли во время своих набегов татары, и тех всевозможных даров и подачек, которыми русское правительство старалось задобрить своих алчных соседей — крымских ханов и их татарское вельможество.

Порта, однако же, не сразу смирилась с совершившимся фактом. Даже в то время, когда надо было похоронить всякую надежду на восстановление вычеркнутого из книги бытия Крымского ханства, она еще упрямо продолжала тешить себя призраками, назначая номинальных ханов, никогда не имевших возможности осуществить на практике тех полномочий, какими они были облакаемы в своем фиктивном по-

ложении. Так как смешно же было считаться хоть бы и фиктивными владыками Крыма, сделавшегося неотъемлемым достоянием России, то двое последних из таких призраков, Шегбаз-Герай и Бахты-Герай, носили титул ханов Кубанских.

Прежде же их некоторое время фигурировал Бегадыр-Герай, избранный в ханы противниками Шагин-Герая, принудившими последнего бежать в Керчь и Ени-Кале под защиту русского оружия еще в 1182 году (1768). Он пришел с Кубани в Крым во главе толпы своих сторонников, вначале действовал успешно и привел к повиновению крымцев, но вскоре за тем сам попался русским в плен и просидел некоторое время взаперти, пока ему не удалось бежать опять на Кубань. Впоследствии, в 1204 году (1789—1790), он был вызван в Турцию и поселен в Текфур-Дагы (Родосто), где через два года умер.

Что касается Шегбаз-Герая, третьего сына Арслан-Герай-хана, то он при нескольких прежних ханах занимал второстепенные должности — Эдисанского сераскера при отце своем, Буджакского сераскера и Орского бея при дяде Крым-Гераяе и был калгой при старшем брате Девлет-Гераяе, а потом проживал в отставке в Визе. Но в 1201 году (1787) будто бы был вызван в Порту и пожалован со стороны султана ханским достоинством, получив в калги брата своего Мубарек-Герая и Арслан-Герая в нур-эд-дины. В этом звании он был отправлен в Буджак и зимовал в Каушане. В это время у Порты шла война с Австрией и Россией¹⁴², и Шегбаз-Гераяу удалось очистить Яссы от немцев; но, не получив ниоткуда подкрепления, он не в состоянии был устоять против напора русских и, отдав означенный город в их руки, удалился в Бендеры. Смерть старшего сына Мухаммед-Герая хотя и повергла его в печаль, но не лишила прежней энергии, и только интриги османских вельмож способствовали тому, что ему фирманом, присланным с сияхшуром Абду-л-Ла-беем, в джемазиу-ль-эввеле 1203 года (февраль 1789), предписано было отправляться в прежнее место жительства и там молиться о благоденствии падишаха. Он умер вскоре после этого, 27 зи-ль-каде 1207 года (7 июня 1793), считавшись ханом год и шесть месяцев.

В таком виде изобразил политическую и военную карьеру номинального хана Шегбаз-Герая родной сын его, крымский историк Халим-Герай, сыновнее чувство которого приписы-

вает всю бесцветность и безуспешность отцовских подвигов исключительно недостаточности помощи провиантом и народом со стороны османской администрации, а скорое удаление его со сцены — интригам против него турецких сановников. Турецкий же историк Джевдет нашел в архивах официальные документы, в которых личность Шегбаз-Герая рисуется далеко не в таком виде, как в истории его сына. Это донесения турецких военачальников, которые говорят об общем нерасположении к титулярному хану как его соотчичей-татар, так и товарищей по оружию — турецких командиров. Так, между прочим, везирь Чура-заде Ахмед-паша писал своему правительству следующее: «Теперешний Кубанский хан Шегбаз-Герай-хан хотя в сущности честный и надежный человек, но так как Буджакские татары недовольны им, то и не могло выйти никакого толку, а между тем в такую свирепую зиму следовало бы воспользоваться услугами хана, который бы мог повести на чапол (набег) тысяч двадцать татар или более. В прошлую кампанию ваш покорный слуга много обращался в Крыму среди татарства с султанами и мурзами и познакомился с их состоянием — этому народу Шегбаз-Герай антипатичен: кроме четырех-пяти человек султанов, перешедших с ним вместе в Буджак, остальные все воротились назад, и после этого, я думаю, толку никакого не будет. Все татары желают сына Крым-Герая, бывшего калгу Бахты-Герай-султана, и с ним совершат чапол. А так как Каплан-Герай-султан весьма храбрый человек, то и он также бы мог быть отправлен с какого-нибудь края на чапол, чтобы мстить России».

Другой командир, галацкий сердар Якуб-ага, в том же духе отзывался о Шегбаз-Герее, свидетельствуя о неправильности его действий и недовольстве татар против него, считая его виновником вторичного занятия Ясс русскими. Только причину недовольства татар ханом он, с нашей точки зрения, выставляет несколько странную. Якуб-ага говорит: «Татары, захватывая в полном вооружении мятежных молдаван, приводивших к неприятелю под именем волонтеров, приводили их, говоря, что это из райи. Хан же оскорблял приводивших, а гяуров отпускал. Татарам и прочему войску стало досадно, и они рассеялись; все они вернулись со слезами: чего он хотел от этого, понять не могли. Насколько известно вашему

покорному слуге, от Шегбаз-Герая впредь нельзя ждать толку. Мне он показался человеком чувственным: сидит себе да молчит, а дела все в руках калги Мубарек-Герая. Что же касается татар, то они... все желают Бахты-Герай-султана, от хана же совершенно отвернулись».

Наконец Ташлы-байрактар Мухаммед-ага, из жителей Хотина, доносил просто невозможные вещи на хана. «Когда русские перешли Днестр, — писал он, — то ханского сына Мухаммед-Герай-султана послали с достаточным числом татарского войска навстречу. Я тоже там был. Когда показались неприятельские отряды, татарское войско с полной твердостью и готовностью хотело двинуться в атаку, но султан воспрепятствовал, говоря: “Нам поручено только делать поиски и разведки, а вступать в сражение нет разрешения”. Татары стали говорить тогда: “Это что за речи? Коли на государственные обязанности не смотрите, так, по крайней мере, нет ли ревности религиозной?”... Когда поневоле пришлось воротиться, то все — и султаны, и мурзы, и татары — в глаза заявили хану и калге: “Вы не мусульмане: если бы вы были мусульмане, то вы бы не удерживали нас от джихада!”... Все татары озлобились на хана и желают Бахты-Герай-султана в ханы, а в калги Арслан-Герая».

Историк Джевдет, не разделяя вполне упреков, обращенных к Шегбаз-Герая, заключающихся в вышеприведенных такрырах, тем не менее полагает, что при тогдашних обстоятельствах ему немислимо было долее оставаться ханом, когда столько доносов раздавалось против него; когда, по словам автора «Гюльбюн-и ханан», против него еще интриговали некоторые вельможи и когда сам Шегбаз-Герай, оскорбляя способных и храбрых султанов, всех их оттолкнул от себя, среди прочих причинив, без всякого резона, оскорбление знаменитому своим необыкновенным мужеством Арслан-Герай-султану. Ему теперь ничего не оставалось, как только убраться со свитой в свой чифтлик, что он и сделал, будучи в джемазиуль-эввеле 1203 года (февраль 1789) отрешен от ханства.

Оказывается, однако же, что едва ли не самую деятельную интригу против Шегбаз-Герая вел Бахты-Герай-султан через своих клеветников в Порте. Один из них, по имени Мухаммед-ага, говорил там, что если бы Бахты-Герай был назначен

Портой, то он бы в двадцать дней явился на помощь Очакову. Его в самом деле послушали, и тотчас же был издан фирман, чтобы Бахты-Герай с четырьмя-пятью тысячами войска поспешал на помощь к этой крепости, имевшей в ту пору весьма важное значение для Порты. Другой ходатай явился в Порту с такими речами: «Бахты-Герай-султан говорит, что когда же иначе, как не теперь, он мог бы оказать услугу Высокой Державе; но что только такой несчастный, как он, не может набрать и стянуть сразу четыре-пять тысяч войска. Собрать такое войско дело усилий Высокой Державы; а он пойдет со своими приверженцами и приближенными. В случае же оказания ему Высокой Державой внимания и почета он может идти с еще большим войском!»

Несмотря на противоречие друг другу панегиристов Бахты-Герая, общие настроения в его пользу среди татар, плохая репутация Шегбаз-Герая и затруднительные обстоятельства — все это так благоприятно сложилось, что Бахты-Герай достиг своей цели и получил звание хана. Из армии ему послана была грамота и инвеститура. Для охраны Кубанской области он командировал одного из братьев своих, Мухаммед-Герай-султана, назначив его калгой и кубанским главнокомандующим, на смену бывшего там Нур-эддин-султана, назначенного раньше Шегбаз-Гераем.

Сам же Бахты-Герай, вызванный из своего чифтлика, был послан в султанский лагерь с тем, чтобы пойти на помощь Очакову. Но так как предмет пожеланий татар было совершить чапол, цель Бахты-Герая была добиться ханского достоинства, Порта же требовала помощи Очакову, то такое разногласие в стремлениях не привело ни к какому полезному результату¹⁴³.

Выбиваясь из последних сил в борьбе с Россией, переходя от отчаяния к новым надеждам, Порта напоследок еще раз расщедрилась на подарки кубанскому башбогу (главнокомандующему) Мухаммед-Герая и свите его, прибывшей в Стамбул по случаю восшествия на престол нового султана Селима III (1789—1807). Отправляя его опять в Анапу, ему вручили целый запас стрел, луков, дорогих одежд для раздачи начальникам племен, в видах приобретения их расположения к Порте. Но все эти турецкие щедроты не изменили

течения дел на Кубани. Россия не уступала Порте в привлечении на свою сторону местного народонаселения путем воздействия на его главарей и руководителей материальными выгодами, но при этом еще превосходила ее военными средствами там, где оказывалась в них надобность, и черкесские племена в конце концов подчинились мусульманскому принципу: «Власть принадлежит сильному», против чего оказались несостоятельными все усилия Порты.

Да и Бахты-Герай не оправдал тех надежд на него, которые внушены были Порте его усердными приспешниками: он не высказал ни одного дельного мнения на военных советах и только напрасно тратил отпускавшие на него из османской казны деньги, передвигаясь бесцельно из одного места в другое. Турки по-прежнему терпели постоянные поражения, несмотря на пламенные воззвания сердар-экрема к мужеству предводителей; таково, например, воззвание, сочиненное от его имени историком Васыфом-эфенди, где немало лестных слов пришлось и на долю Бахты-Герая, возведенного за его доблести, ничем, однако, не доказанные на деле. Рано или поздно, а пришлось-таки дело кончить миром, заключенным в 1792 году в Яссах¹⁴⁴, с тем чтобы навсегда оставить всякие мечты соперничать с Россией и перестать заниматься Гераями, песня которых была уже спета.

Бахты-Герай аттестован Халим-Гераем как человек умный, добрый, славившийся своими знаниями в истории и красноречием, как прекрасный собеседник. Но едва ли не самую достопримечательную страницу его истории составляет его скитальчество, которому он подвергся после своего разжалования. Сначала его сослали и заточили в Кандию, откуда вскоре перевезли на остров Митилену, потом на остров Хиос. Отсюда отправили в Галлиполи; из Галлиполи переселили в Текфур-Дагы. После того он получил разрешение на житье в своем чифтликке в Паша-Карыйеси, но спустя короткое время вторично был отправлен на остров Митилену, где и умер в рамазане 1215 года (январь 1801). Продолжительность его титулярного властвования составила три года и восемь месяцев.

Конец карьеры Бахты-Герая, по свидетельству турецких историков, совершился следующим образом. Известно, что султан Селим III вступил на престол с твердым намерением

оздоровить государственное тело своей империи внутренними преобразованиями. Когда поднят был вопрос, между прочим, о реформе военной и об укреплении границ, то на совет в июне 1792 года был приглашен и Бахты-Герая, как человек сведущий и опытный. На заседании, происходившем у нового садразама Мелек-Мухаммед-паши¹⁴⁵, в разговоре о военных делах коснулись положения Кубани, Кабарды и Анапы. А до султана уже доходили слухи о некоторых неуместных выходках Бахты-Герая. Так, однажды на совете у прежнего верховного везиря Хасан-паши¹⁴⁶, когда шли рассуждения по крымскому вопросу, он прямо сказал: «Вы уж заботьтесь об устройстве других мест, а с Крымом разве вы что-нибудь можете сделать? Он вас не касается». А между тем, хотя последняя война причинила столько ущерба и неприятностей Высокой Державе, султан Селим настаивал на ее продолжении — и только единственно с целью вернуть Крым. «Вследствие этого, — пишет Джевдет, — подобные речи Бахты-Герая были весьма досадны султану, который тогда же намеревался дать ему отставку, да только поопасался, как бы это не вызвало мятежа на Кубани, и он отложил до поры до времени исполнение своего намерения. В этот раз, на совете с Мелек-пашою, мнения и планы Бахты-Герая тоже обнаруживали лишь его горделивые и пустые притязания и, будучи доложены султану, также опять раздосадовали его. Теперь, когда война была окончена, пребывание Бахты-Герая в своем чифтликке с титулом хана Кубанского признано было неудобным. С другой стороны, вследствие общего прогресса наук и искусств, военное дело вступило в совершенно иную фазу развития, равно как и политические отношения приняли иную форму, так что поэтому не виделось прежней пользы от иррегулярных войск: теперь требовались уже войска обученные, следовательно, не было больше нужды и в татарских полчищах. Сверх того, как уже было раньше сказано, крымские султаны причиняли насилие и притеснения бедному люду в Румелии, а чифтлики их сделались притонами разбойников, так что местные власти не были в состоянии препятствовать злодействам их. Так как на основании этого решено было их всех разослать и заточить в разные пункты, то Бахты-Герая и сослали на остров Крит, а потом гоняли из одного места в другое». Турецкий историк

говорит в заключение: «Властвование Чингизских султанов, правивших в Крыму, нашло конец свой в Шагин-Герай-хане; ханская линия прекратилась с Бахты-Гераем». Вероятно, он этим хотел сказать, что Бахты-Герай был последний из своей фамилии, носивший ханский титул, и что после него все Гераи стали частными лицами, не пользуясь даже призрачным положением владетельных особ, хотя бы даже номинально числившихся таковыми.

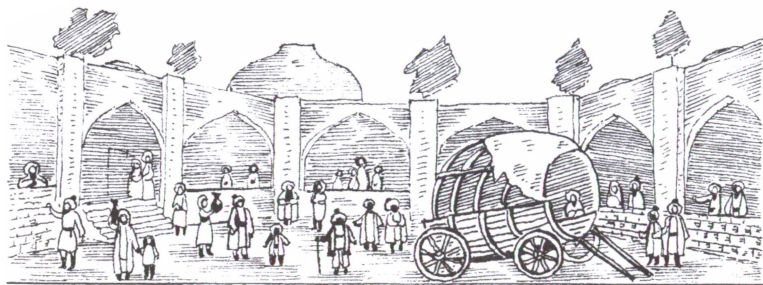
Поколение Чингизидов, издавна водворившихся в турецких владениях, настолько было там многочисленно, что, кажется, не извелось и до настоящего времени. Еще недавно в турецких газетах оповещено было, как о замечательном событии, о женитьбе одного из потомков Сеадет-Герая на дочери какого-то паши. Но только с потерей политического значения род Гераев принял совершенно иной характер в качестве простых обывателей и подданных Оттоманской империи. Татарские царевичи, расплодившись в Румелии, сделались чистой обузой для Порты. Еще Стахийев сообщал в 1780 году, что «провезенный 5 апреля через Дарданеллы за остров Лемнос в ссылку татарский султан Газы-Гирей с 20 своими служителями туда отправлен потому, что, будучи в своем ромелийском поместье, повесил из личной ненависти одного постороннего примата, который, везучи сюда (в Константинополь) казенный оброк, принужден был чрез его поместье ехать»*.

В былое время проживавшие в пределах Турции Чингизиды пользовались как местные джентльмены своим ис-

* Это известие, не мешает заметить, находится в некотором противоречии с тем, что сообщается об этом царевиче у историка Джевдета. По словам последнего, лишь в 1783 году, при окончательном наступлении русских на черкесов и абадзехов, из оставшихся в Крыму султанов сын Арслан-Герай-хана Гази-Герай-султан ушел оттуда в Буджак и остановился там гостем в чифтликке Бахты-Герай-султана. Когда стало известно, что Шагин-Герай присоединился к русским войскам, измаильскому сераскеру Абди-паше было послано повеление немедленно выдворить Гази-Герая и водворить его в Румелии, где находились другие его. Вероятно, Стахийев в своем донесении называет Хазы-Гиреем другого какого-нибудь царевича, может быть, Хаджи-Герая, который тоже одно время играл роль на Кубани.

ключительным, привилегированным положением для обуздания произвола и тирании местных турецких властей, как это, например, известно о Крым-Гераяе, когда он был в отставке, а теперь они сами сделались бичом окрестного народонаселения, предаваясь грабежу и насилию. Так, когда в 1206 году (1791—1792), по случаю усиливавшихся в придунайских провинциях разбоев, созданы были в Адрианополь почетные лица разных городов и местечек для совещания о мерах к обузданию злодеев, то они прямо заявили, что все разбои совершаются при деятельном участии татарских султанов, которые дают убежище гайдукам, горным разбойникам и убийцам; принимают и скрывают у себя награбленное имущество и потом делят сообща с ними добычу между собой. Особливо отличались этим тогда Мухаммед-Герай в окрестностях Шумлы и Селямэт-Герай около Кырк-Килисэ. Последний производил разбои в сообществе с неким тырновским аяном Османом-эфенди, на дочери которого он был женат. Депутаты просили губернатора защитить жителей от необузданности крымских султанов, которым обыкновенно все сходило с рук благодаря каким-то прежним их заслугам перед Высокой Портой. Теперь же для усмирения их, как пишет Джевдет, пришлось отправлять военные отряды.

Таков был конечный результат взаимоотношений Порты с членами дома Гераев, которых она столько веков собирала у себя и лелеяла как орудие своего верховенства над Крымом и постоянной военной демонстрации против соседних государств — Польши и главным образом России.

Формальное объявление Крыма русской провинцией было знаменем другой жизни, других порядков, новой эпохи в исторической судьбе полуострова. 1783 годом заключается деловой архив татарской администрации; со следующего, 1784 года начинается новое, российское делопроизводство. Там, где дотоле издавались и действовали ярлыки крымских ханов и фирманы их верховных покровителей, турецких султанов, все теперь творилось и вершилось в силу ордеров князя Потемкина Таврического. Коренное население в последние бурные времена частью было выведено по административным и военным соображениям русского начальства, частью само разбрелось для отыскания более спокойного себе пристанища. Чудные по богатству и красотам земли южной половины полуострова оказались бесхозными и вскоре нашли себе новых владельцев. Если вы поговорите с нынешними крымскими татарами, то они вам скажут, что лучшие места в Крыму забрали, мол, джнераллар («генералы»). Но это надо понимать в таком же условном смысле, в каком те же татары всех русских называют «казак». Настоящие генералы, подлинные деятели, потом и кровью добывшие этот райский уголок для своего отечества, совершили свои доблестные подвиги и вернулись восвояси, а к де-

лежу добычи налетела отовсюду стая всяких пролазов, прихвостней и аферистов, умеющих всегда ловить момент для безданной, беспопытливой наживы.

Князь Таврический заявил в одном своем ордере Каховскому¹⁴⁷, что «никакие земли не могут быть даны без моей апробации; покупать же оных не воспрещается». Но следов купли земель почти незаметно в архивных делах этой достопамятной эпохи расхищения государственной собственности: всевозможные выходы из-за границы и из внутренних губерний Российской империи и иные проходимцы старались заполучить землю в Крыму даром, путем одной «апробации» всемогущего Потемкина. Для получения этой апробации ловкие приобретатели прибегали к разным сноровкам, рассчитанным на слабость капризного вельможи, к химерным предприятиям и нововведениям, якобы клонившимся к благу государства и к процветанию края, состоявшего под особенным его покровительством. Один, например, просит себе отвода земли, «где сам изберет» (sic), для разведения садов, пашни и насаждения деревьев; другой выпрашивает даровой земли «для разведения фаянсовой и фарфоровой фабрики»; третий — для разведения целой «апельсиновой рощи» под Чатыр-дагом*. Какой-то польский шляхтич Любович принимает русское подданство под условием отвода ему земли в Крыму «под поселение 150 семей на собственный его кошт»; капитан Крыжановский в компании с евреем Шмулем Ильевичем берут казенный подряд на поставку поселенцев в Таврическую губернию: еврею обещано «за каждую привезенную в Тавриду девку по пяти рублей». Но где же эти фабрики, где эти апельсиновые рощи, где это русское население в Крыму?!! Все это был мираж, обман, мошенничество.

А что же случилось с прежними хозяевами благодатного края, с татарами?

Фактическими обладателями земли Крымского ханства испокон века были мурзы и придворная ханская высшая че-

* Это личный секретарь кн. Потемкина Попов. (Василий Степанович Попов (1745—1822) — доверенное лицо Г. А. Потемкина. В 1792—1797 годах управлял Императорским кабинетом, в 1797—1799 годах возглавлял Камер-коллегию. — *Прим. ред.*)

лядь — капы-кулу. Остальной, черный народ хотя и считался лично свободным, но был в постоянной экономической и бытовой зависимости от своих племяначальников, родовых мурз: они собирали этих людей, как баранов, по известному числу с очага, в партии и водили их в набег на соседние, русские или польские, украинские территории для грабежей и хищничества; они составляли из них отряды для поддержания тех или иных своих требований, которые предъявляли своим ханам или агентам Оттоманской Порты. Духовные же руководители темной татарской массы, по своим расчетам, больше выражали интересы членов господствовавшей корпорации — придворных ханских чиновников и влиятельных мурз, или же сообразовались с желаниями или намерениями Стамбула, откуда они получали санкции на свои высшие юридические посты: они, в сущности, были лишь казуистическими пособниками тех, у кого была в руках сила, смотря по обстоятельствам. У татар, по свидетельству турецких историков, была поговорка: «Татар ъльмэз хан кулу дурр» («Татары слуги того хана, который не умер»). Ею формулировалась та исконная преданность единому стоящему вверху главе татарского народа. Кому надо было поддержать чью-либо кандидатуру на ханский трон, те всегда ссылались на этот политический принцип; на него опирались даже в свое время мятежные братья Мухаммед-Герай и Шагин-Герай в 1624—1625 годах, и его не могли дискредитировать агенты Оттоманской Порты, явившиеся в Крым для возведения в ханы Джанибек-Герая, которого татары не хотели принимать потому, что отец его не был ханом, а только султаном и, следовательно, в его лице не осуществлялось бессмертие ханское, которое заключалось в этой родовой преемственности по старшинству происхождения¹⁴⁸.

Пользуясь таким стойким воззрением татарской массы, крымские мурзы творили волю свою, составляя плотную корпорацию, которая в одной руке держала хана, а другой орудовала темной массой остального народонаселения. Теперь же, когда крымский хан из «ъльмэз» — «неумирающего» сделался «олмаз» — «несуществующим», те же татарские мурзы или бросились в разные стороны искать укромного пристанища для продолжения своего существования на прежних коренных традиционных началах, или же остались на месте и стали

хлопотать о том, чтобы заручиться русскими правительственными дипломами на дворянское звание, которое бы обеспечивало им их земельные права наподобие разных пришельцев, захвативших себе всякими правдами и неправдами более или менее крупные куски земли в Крыму.

Те из мурз, которые вовремя поняли роковую перемену обстоятельств и раньше других изъявили готовность содействовать подчинению бывшего ханства новой власти русской державы, были беспрекословно вознаграждены новой властью; для остальных же началась переборка и проверка правомерности и законности их претензий на привилегированное звание и положение.

В каком же положении оказалась прочая масса татарского населения, не входившего в состав бекской корпорации? Часть кочевая — бродившие в степных пространствах Крыма ногайцы остались верны своему кочевому нраву: сложили свои пожитки на арбы и перебрались на пустопорожние пространства Добруджи и другие подобные местности во владениях Турции. Их примеру последовали и некоторые оседлые жители из татар, которые тоже — напрасно, — испугавшись русского владычества, побросали свои мазанки и побрели искать счастья на чужбине. Остальные, не захотевшие расстаться со своими родными пепелищами, очутились ни в тех, ни в сех: иные, имевшие кое-какую земельную собственность, сжавшись, как овцы в непогоду, образовали нечто вроде особых татарских сельских общин и повели нескончаемые тяжбы с новоявленными собственниками обширных крупных даром доставшихся им поместий; большинство же, брошенные на произвол судьбы своими прежними фактическими господами, мурзами и агами, и не умевшие сгруппироваться в общины, оказались в положении безземельных батраков, кое-как перебивающихся личной периодической работой, или мелких ничтожных арендаторов, которых гоняют по своему произволу и усмотрению с места на место хозяева земли из тех же мурз или иноплеменные выходцы из разных краев — армяне, греки, немецкие и болгарские колонисты и даже, в последнее время, евреи.

Эти несчастные люди, некогда страшившие наших предков своей дикой удаleyю и наездничеством, теперь больше не

рышут уже на конях, а бродят пешком в башмаках, похожих на опорки, по-прежнему благоговейно целуют ручки у своих мурз и мулл, боязливо и недоверчиво косятся на русских, подозревая в них непременных посягателей на свое достоинство и личную неприкосновенность. Но они очень добродушно и откровенно относятся к тем, даже и русским, в ком они заметят бескорыстно-ласковое и человеческое с собой обращение. Над ними обыкновенно смеются, что они медленны в работе и нерасторопны в делах, в которых требуется кипучая подвижность и изворотливость. Но тут, кроме природного темперамента, думается нам, играет немалую роль особенность татарско-мусульманского мировоззрения, вера в кызмэт — судьбу, именуемая на языке европейцев фатализмом. Сущность этого воззрения, столь отличная от основных понятий европейского цивилизованного человека, заключается в следующем. Европейский человек поступает так: я сыт, и дети мои сыты; но мне надо еще многое приобрести, чтобы и детям детей моих хватило, и их детям, и т. д., а до других мне дела нет. Татарин рассуждает иначе: мне Бог дал сегодня на пропитание с моей семьей, и слава Тебе Господи; остальное пусть достается другим: ведь и они тоже хотят быть сыты. На чьей стороне историческая и всякая иная правда, разбирать не входит в программу нашего настоящего исследования.

От Крымского же ханства теперь сохранились одни лишь воспоминания как материал для различных научных исследований и соображений.

- ¹ Капы-кулу, капыкулу — изначальное значение: элитная тяжелая османская конница, как правило, состоявшая из представителей знати; позже словом «капыкулу» стали обозначать знать вообще, в Крыму это было общее название приближенных хана.
- ² Юсуф-паша, Черкес-Юсуф-паша — командующий войсками на северной границе Порты, осуществлял по поручению султана дипломатические сношения с Россией, Польшей и Швецией.
- ³ Сейид Мухаммед Риза (ум. 1756) — турецкий историк, был главой потомков пророка Мухаммеда в Стамбуле. Автор исторического сочинения «Ас-саб ас-сийар фи ахбар-и мулук-и татар» («Семь планет в известиях о татарских царях»), содержащего историю правления семи крымских ханов с 1445 до 1737 год. Это сочинение — один из важнейших источников, используемых В. Д. Смирновым.
- ⁴ Балтаджи Мехмед-паша (1662—1712) — великий везирь с декабря 1704 по май 1706 года и с августа 1710 по ноябрь 1711 года.
- ⁵ Чорлулу Дамат Али-паша (1670—1711) — великий везирь с мая 1706 по июнь 1710 года.
- ⁶ Карловицкий мир — мирный договор, подписанный между Австрией, Речью Посполитой и Венецианской республикой с одной стороны и Османской империей с другой стороны 26 января 1699 года на конгрессе в Карловицах. По условиям договора к Австрии от Османской империи отходили Венгрия, Трансильвания и Тимишоара, Венецианская республика закрепила за собой полуостров Морея и Далмацию, Польша получила Правобережную Украину.

- ⁷ Далтабан Мехмед-паша — великий везирь с сентября 1702 года, по происхождению серб; казнен в январе 1703 года.
- ⁸ Шейх-уль-ислам — в Османской империи титул главы мусульманской общины.
- ⁹ Садразам — титул великого везира.
- ¹⁰ Рами Мехмед-паша — великий везирь в январе — августе 1703 года.
- ¹¹ Калга, калга-султан — титул второго по значимости после хана лица в иерархии Крымского ханства.
- ¹² Румелия — историческое название Балкан; восходит к арабскому названию Византии — Рум. Румелией называли обычно европейские владения Османской империи.
- ¹³ Станислав Богуш-Сестренцевич (1731—1826) — католический епископ, член Российской академии (1807), писатель, историк.
- ¹⁴ В своей докторской диссертации «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века» В. Д. Смирнов пишет: «Важное подспорье к “Семи планетам” составляет рукописная “История Крымского ханства” на турецком языке, которая предоставлена была в мое пользование многообязательным Исмаиль-мурзой Гаспринским, редактором газеты “Переводчик”, издаваемой им в Бакче-Сарае... Ни имени автора, ни переписчика, ни ясной даты нет; но, судя по внешнему виду, она может быть отнесена к концу прошлого столетия... В основании своем кодекс есть сокращенное изложение “Семи планет” Мухаммед-Ризы, на сочинение которого неизвестный автор делает неоднократные ссылки... но предпочтительность этого кодекса заключается в том, что пространные, переполненные нескончаемыми метафорами периоды “Семи планет, сплошь и рядом неперебиваемые на русский язык, в этом кодексе заменены краткими и ясными по смыслу фразами, весьма легко передаваемыми по-русски... Независимо от этого в кодексе краткой истории встречаются факты или подробности, которых не находим в “Семи планетах”, и это придает ему значение самостоятельного источника: заметно, что автор, делая извлечение из “Семи планет”, пользовался в некоторых случаях и другими памятниками, которыми дополнял свое повествование... Мы будем называть эту рукопись “Краткой историей”».
- ¹⁵ Йозеф фон Гаммер-Пургшталь, Хаммер-Пургшталь (1774—1856) — австрийский востоковед и дипломат. В 1847—1849 годах президент Венской академии наук.
- ¹⁶ Нурэддин, нур-эд-дин — титул третьего по значимости после хана и калги лица в иерархии Крымского ханства.
- ¹⁷ Кадиаскер, кады-эскер — титул высшего судьи.
- ¹⁸ Мир-лива — командир крупного воинского подразделения.
- ¹⁹ Кафа — Феодосия.

- ²⁰ Бейлербей — наместник в Османской империи, подчинявшийся непосредственно султану.
- ²¹ Река Малка.
- ²² Мехмед Рашид — государственный историограф (вакаинювис) Османской империи в 1714—1722 годах. Его «История» описывает в хронологическом порядке события с 1071 по 1134 год хиджры (1660—1722).
- ²³ Мехмед Халифе Фындыклылы — турецкий историк конца XVII—XVIII веков. В книге «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века» В. Д. Смирнов пишет о нем: «О личности автора превосходной, величиной в четыре фолианта, истории мы знаем только то небольшое, что он сообщает сам о себе в своем сочинении: никаких других сведений о нем нигде доселе не встречается. Поэтому не лишне будет привести здесь автобиографические данные Фундуклулу, чтобы оценить значение его истории. Мы видим из этих данных, что он довольно долго состоял на службе при султанском дворе, был в близких отношениях со многими высокопоставленными в государстве лицами до султана включительно, имел шансы занять одну из высших должностей государственных в конце своей карьеры, но предпочел провести остаток дней своих в качестве частного человека. Благодаря такому своему служебному положению, Фундуклулу имел возможность быть очевидцем и даже участником многих важных событий, знать и слышать многое, что было недоступно людям, стоявшим вне круга людей, заправлявших судьбами Оттоманской империи».
- ²⁴ Мирахор — начальник султанских конюшен, высокий чин в придворной иерархии султанского двора. Старшему мирахору подчинялся начальник внутренней охраны султанского дворца.
- ²⁵ Кяхья — глава администрации, делоправитель, начальник личной охраны.
- ²⁶ Чауш-баши — старший церемониймейстер.
- ²⁷ Булавинский бунт — казацко-крестьянское восстание на юге России в 1707—1709 годах, возглавлявшееся атаманом К. А. Булавиным.
- ²⁸ Некрасовцы — казаки из отряда донского атамана Игната Некрасова, ушедшие после разгрома Булавинского восстания на территорию Османской империи.
- ²⁹ Капыджи-баши — приближенный начальник внутренней охраны султанского дворца; часто использовался для выполнения особых государственных и личных поручений.
- ³⁰ Петр Андреевич Толстой (1645—1729) — государственный деятель и дипломат, доверенное лицо Петра I, один из руководителей Тайной канцелярии, граф.

- ³¹ Тюрк Мехмед-ага вел в Бендерах переговоры с находившимся там шведским королем Карлом XII.
- ³² Война России была объявлена 9 ноября 1710 года.
- ³³ Николай Скарлат-оглу, Шкарлат, Маврокордато (ум. 1730) — господарь Молдавии, потом Валахии; до этого был переводчиком дивана Османской империи.
- ³⁴ В русскую историю вошел как Дмитрий Константинович Кантемир (1673—1723); известен как ученый-энциклопедист, автор философских, богословских, исторических сочинений.
- ³⁵ Капыджи-кяхья — командир стражников султанского дворца.
- ³⁶ Ага Юсуф-паша — великий везирь с ноября 1711 по ноябрь 1712 года.
- ³⁷ Имеется ввиду война Турции с Австрией, начавшаяся в 1716 году.
- ³⁸ Генри Хойл Хауорт (Henry Hoyle Howorth; 1842—1923) — английский историк, писатель, археолог, этнограф.
- ³⁹ Халим-Герай (1772—1823) — турецкий историк, поэт; представитель династии крымских Гераев; автор сочинения «Гюльбюн-и ханан» («Цветник ханов»), в котором излагаются биографии крымских ханов.
- ⁴⁰ Дамад Ибрагим-паша — великий везирь с мая 1718 по октябрь 1730 года.
- ⁴¹ Капудан-паша, капудани-и дерья, — командующий османским флотом.
- ⁴² Челеби заде Исмаил Асим эфенди (ум. 1765) — турецкий историк, писатель.
- ⁴³ Чифтлик — помещичье землевладение в Османской империи.
- ⁴⁴ Акче — серебряная монета, обращавшаяся в XIV—XIX веках на территории Османской империи и сопредельных государств.
- ⁴⁵ Иоганн Вильгельм Цинкейзен (1803—1863) — немецкий историк, публицист.
- ⁴⁶ Мехмед Субхи (ум. 1755) — государственный историограф Османской империи с 1739 года.
- ⁴⁷ Чекдырме — легкий парусный корабль; использовался в качестве посыльного судна.
- ⁴⁸ Мубашир — чиновник, передающий распоряжения султана местным властям.
- ⁴⁹ Иван Иванович Неплюев (1693—1773) — дипломат, русский резидент в Стамбуле в 1721—1734 годах, адмирал.
- ⁵⁰ Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) — русский историк, профессор Московского университета (с 1848), ректор Московского университета (1871—1877), академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

- ⁵¹ Станислав I Лещинский (1677—1766) — король Польский и великий князь Литовский в 1704—1709 и в 1733—1734 годах. В данном случае речь идет о втором его избрании польским королем.
- ⁵² Надир-шах Афшар, известен также как Надир-кули хан и Тахмасп-кули хан (1688—1747) — шах Ирана в 1736—1747 годах, основатель династии Афшаридов. Создал мощную империю, включившую в свой состав Афганистан, Среднюю Азию, часть Индии, Закавказье, Восточный Ирак.
- ⁵³ Христофор Антонович Миних, Бурхард Кристоф фон Мюнних (1683—1767) — сподвижник Петра I, генерал-фельдмаршал (1732), подполковник Преображенского лейб-гвардии полка (1739), граф (1728); инженер, строитель Ладожского канала. После переезда в 1727 году двора императора Петр II в Москву — «правитель» Санкт-Петербурга, в 1728—1734 годах — генерал-губернатор Ингерманландии, Карелии и Финляндии. Сыграл решающую роль в свержении Бирона, регента при малолетнем императоре Иоанне Антоновиче. Во время Русско-турецкой войны 1735—1739 годов командовал русскими войсками в Крыму и Бессарабии.
- ⁵⁴ Петр Петрович Ласси (Леси), урожденный Пирс Эдмонд де Лэйси (1678—1751) — русский полководец, генерал-фельдмаршал (1736), граф. По происхождению ирландец. Поступил на русскую службу в 1700 году. Отличился в сражениях Северной войны, тяжело был ранен во время Полтавского сражения. Успешно руководил войсками во время Азовского (1736) и Крымского (1738—1739) походов. Был главнокомандующим русскими войсками во время войны со Швецией (1741—1743).
- ⁵⁵ Союзником России в этой войне была Австрия.
- ⁵⁶ Силяхдар Сейид Мехмед-паша — великий везирь с января 1736 по август 1737 года.
- ⁵⁷ Мухсинзаде Абдулла-паша — великий везирь с августа по декабрь 1737 года.
- ⁵⁸ Реис-уль-кюттаб, реис-эфенди — в Османской империи чиновник, занимавший пост, соответствовавший посту министра иностранных дел.
- ⁵⁹ Мектюби — секретарь.
- ⁶⁰ Ахмед Васыф-эфенди (ум. 1806) — государственный историограф Османской империи 1798—1805 годах.
- ⁶¹ Мирный договор между Россией и Османской империей был подписан в Белграде в сентябре 1739 года. Ему предшествовали поражения, которые османские войска нанесли союзнице России — Австрии и заключение Австрией сепаратного мира с турками. Белградский договор был крайне невыгоден для России: она

теряла все свои территориальные завоевания и выход к Черному морю.

- ⁶² Алексей Андреевич Вешняков (1700—1745) — дипломат, поверенный в делах в Стамбуле (1734—1735), резидент (1742—1745).
- ⁶³ Адриан Иванович Неплюев (1715—1750) — дипломат, резидент в Стамбуле в 1746—1759 годах, сын И. И. Неплюева.
- ⁶⁴ Аргаты — запорожские казаки, как правило неимущие, уходившие в Крым на наемные работы.
- ⁶⁵ Каан — хан ханов; высший титул в средневековой кочевой иерархии.
- ⁶⁶ Алексей Михайлович Обресков (Обрезков) (1718—1787) — дипломат, поверенный в делах в Стамбуле (1751—1752), резидент (с 1752 года на протяжении более двадцати лет), сенатор (1779).
- ⁶⁷ Новая Сербия — административно-территориальная единица, созданная в 1751 году российскими властями к западу от Днепра, на территории, не имевшей постоянного населения и служившей плацдармом для набегов кочевников; заселялась выходцами из Сербии, Черногории, Валахии, Македонии и других балканских регионов. В 1764 году Новая Сербия вошла в Новороссийскую губернию.
- ⁶⁸ Шарль-Клод де Пейсонель (1727—1790) — французский дипломат, провел в Османской империи около тридцати лет; был консулом в Крыму в 1753—1757 годах.
- ⁶⁹ Богданский воевода — господарь Молдавского княжества Скарлат Гика (1715—1766).
- ⁷⁰ Хатти-шериф, гати-шериф — султанский указ.
- ⁷¹ Левант — общее название стран Восточного Средиземноморья.
- ⁷² Коджа Мехмед Рагип-паша (1698—1763) — великий везирь с января 1757 по апрель 1763 года.
- ⁷³ Станислав Август Понятовский (1732—1798) — последний король Польский и великий князь Литовский в 1764—1795 годах. Занял трон благодаря поддержке Екатерины II и прусского короля Фридриха II. В 1795 году, после разделов Польши, отрекся от престола.
- ⁷⁴ Никита Иванович Панин (1718—1783) — глава Коллегии иностранных дел, руководитель российской внешней политики в 1763—1781 годах.
- ⁷⁵ Александр Федорович Никифоров — дипломат, премьер-майор. В 1745—1747 годах выполнял дипломатические поручения в Константинополе. В 1763—1765 годах был консулом России в Крыму; выслан из Крыма за попытку силой вернуть своего крепостного, принявшего ислам.
- ⁷⁶ Николаус Эрнст Клеман (1736—1801) — австрийский купец, выполнял торговые поручения австрийского правительства.

- ⁷⁷ Терьяки — курильщик опиума.
- ⁷⁸ Йеген Мехмед-паша — великий везирь с декабря 1737 по март 1739 года.
- ⁷⁹ Ахмед Ресми-эфенди Гириди (1700—1783) — турецкий дипломат, посланник в Вене и Берлине; писатель.
- ⁸⁰ Осип Иванович Сенковский (1800—1858) — русский востоковед, писатель, редактор.
- ⁸¹ Франциск Салезий Потоцкий (1700—1772) — польский государственный и военный деятель, полководец, магнат.
- ⁸² Мухсинзаде Мехмед-паша — великий везирь с марта 1765 по август 1768 и с декабря 1771 по август 1773 года.
- ⁸³ Хамза Махир-паша — великий везирь в августе — октябре 1768 года. При нем было принято решение о начале войны с Россией.
- ⁸⁴ Франсуа де Тотт (1733—1797) — французский консул в Крыму, участвовал в татарском набеге на Новую Сербию, предшествовавшему Русско-турецкой войне 1768—1774 годов. Во время войны был военным советником султана Мустафы III.
- ⁸⁵ Обри де Ла Моттре, в русских источниках фигурирует также как де-ла-Мотрей, Абри де Ламоттре, Обри де ла Мотрэ (1674—1743) — французский дворянин, агент шведского короля Карла XII, известный своими странствиями по Европе; долгое время жил в Турции. Автор «Путешествий по Европе, Азии и части Африки» в трех томах.
- ⁸⁶ Этьен Франсуа Шуазель, герцог д'Амбуаз и граф Стэнвилль (1719—1785) — французский государственный деятель. В 1758—1770 годах фактически определял всю политику Франции, будучи при этом в 1758—1761 и 1766—1770 годах министром иностранных дел, в 1761—1770 годах — военным министром, в 1761—1766 годах морским министром.
- ⁸⁷ Каймакам, каиммакам — в Османской империи глава территориального образования; местоблюститель, наместник, заместитель.
- ⁸⁸ Яйлыкджизаде Мехмед Эмин-паша — великий везирь с октября 1768 до августа 1769 года.
- ⁸⁹ Бельке — немецкая корреспондентка Екатерины II, подруга ее матери.
- ⁹⁰ Сердар-экрем — главнокомандующий.
- ⁹¹ Битва при Ларге, Картальское сражение — сражение Русско-турецкой войны 1768—1774 годов у реки Ларги, в Картальской долине, в котором русская 38-тысячная армия под командованием П. А. Румянцева разбила османское войско под предводительством Каплан-Гирея, состоявшее из 15 тысяч турецкой пехоты и 65 тысяч крымских татар.
- ⁹² Николай Васильевич Репнин (1734—1801) — дипломат, военачальник, генерал-фельдмаршал (1796); князь.

- ⁹³ Петр Иванович Панин (1721—1789) — генерал-аншеф, сенатор; брат Н. И. Панина. Отличился в Семилетней войне, во время Русско-турецкой войны 1768—1774 годов взял Бендеры. Руководил подавлением Пугачевского бунта.
- ⁹⁴ Дефтердар — титул министра финансов в Османской империи.
- ⁹⁵ В предисловии к изданию этих записок, опубликованных в журнале «Русская старина» (1894 год, т. LXXXI) В. Д. Смирнов называет имя их автора — Эльхадж-Мухаммед-Ассейид Неджати-эфенди.
- ⁹⁶ Ахмед Джебдет-паша (1822—1895) — турецкий историк, автор фундаментального труда по истории Турции.
- ⁹⁷ Луи-Матье Ланглес (1763—1824) — французский востоковед, лингвист, писатель, переводчик; почетный член Санкт-Петербургской академии наук.
- ⁹⁸ Евдоким Алексеевич Щербинин (1728—1783) — генерал-аншеф, сенатор, губернатор Слободско-Украинской губернии (1765—1775), генерал-губернатор Орловского (1778), Смоленского (1778—1779), Воронежского (1779—1781) наместничеств, создатель и первый генерал-губернатор Харьковского наместничества (1780—1783). Дед Дениса Давыдова.
- ⁹⁹ Василий Михайлович Долгоруков (1722—1788) — генерал-аншеф, князь. В июне 1771 года в течение двух недель занял Крымский полуостров. Заключил с крымцами «неразрывный союз», отделивший навсегда Крым от Турции. За успешное руководство войсками, по распоряжению Екатерины II, получил прибавление к фамилии «Крымский».
- ¹⁰⁰ Петр Петрович Веселицкий (1711—1786) — резидент при хане Сахиб-Гирее (1771). В 1780—1783 годах чрезвычайный посланник и полномочный министр при хане Шагин-Гирее. Сыграл большую роль в процессе присоединения Крымского ханства к Российской империи.
- ¹⁰¹ Буюк-дере — приморская деревня, лежащая на европейском берегу Босфора, вблизи входа в него из Черного моря; место летнего пребывания турецкой знати.
- ¹⁰² Нишанджи — «хранитель печати», заведующий султанской канцелярией.
- ¹⁰³ Райя, райат — в первоначальном значении все податное население Османской империи; в XVIII веке так именовались только немусульмане, платящие только джизья — подушный налог с иноверцев.
- ¹⁰⁴ Силяхшур, силяхшор — оруженосец.
- ¹⁰⁵ Николай Абрамович Путятин (1749—1830) — князь, служил в Главной канцелярии строений.
- ¹⁰⁶ Петр Александрович Румянцев (1725—1796) — генерал-фельдмаршал, граф, первый генерал-губернатор Малороссии. Во время Рус-

ско-турецкой войны 1768–1774 годов командовал различными русскими армиями. За одержанные победы был удостоен титула «Задунайский».

- ¹⁰⁷ Хутба, хутбэ — проповедь, совершаемая имамом во время пятничного полуденного богослужения в мечети, а также по праздникам.
- ¹⁰⁸ Вакаанэвис, ваканювис — титул придворного историографа в Османской империи.
- ¹⁰⁹ То есть в 1898 году.
- ¹¹⁰ Христофор Иванович Петерсон (ум. 1789) — пристав при турецких послых на Фокшанском и Бухарестском конгрессах и в Кучук-Кайнарджи во время заключения мира. Будучи назначен поверенным в делах в Константинополе (1774), произвел 13 января 1775 года обмен ратификаций Кучук-Кайнарджийского мира с верховным везирем.
- ¹¹¹ Миралем — командир знаменосцев, во время похода — начальник охраны султанского шатра.
- ¹¹² Многобожниками по исламским канонам считаются не только язычники, но и христиане, так как они признают Святую Троицу.
- ¹¹³ Генрих Фридрих фон Диц (1751–1817) — прусский дипломат, востоковед, знаменитый библиофил.
- ¹¹⁴ Здесь и далее русские источники цитируются по четырехтомному сборнику документов «Присоединение Крыма к России» (СПб., 1885–1889), составленному академиком Н. Ф. Дубровиным.
- ¹¹⁵ Андрей Дмитриевич Константинов (ум. после 1796) — русский резидент в Крыму в 1779–1780 годах.
- ¹¹⁶ Александр Стахиевич Стахийев (1724–1796) — дипломат, посланник в Стамбуле в 1775–1781 годах; член Российской академии с 1785 года.
- ¹¹⁷ Орду-агаси — командир отряда янычар.
- ¹¹⁸ Моралы Дервиш Мехмед-паша — великий везирь с июля 1775 по январь 1777 года.
- ¹¹⁹ Дарендели Джебеджизаде Мехмед-паша — великий везирь с января 1777 по сентябрь 1778 года.
- ¹²⁰ Александр Александрович Прозоровский (1733–1809) — генерал-фельдмаршал, князь. В январе 1775 года был назначен командующим русской армией, незадолго перед этим выведенной из Крыма. В связи с высадкой турецкого десанта в Кафе русские войска развернулись и расположились в районе Перекопа. Официальным объяснением этих действий послужила необходимость сбора оставленного в Крыму военного имущества.
- ¹²¹ Махзар — петиция, обращение.
- ¹²² Григорий Семенович Волконский (1742–1824) — генерал от кавалерии (1805), близкий соратник А. В. Суворова.

- ¹²³ Александр Васильевич Суворов (1730—1800) — выдающийся полководец, один из основоположников русского военного искусства; генералиссимус; князь Италийский (1799), граф Российской империи Суворов-Рымникский (1789); князь; гранд Сардинского королевства (1799), граф Римской империи (1789). В ноябре 1776 года получил назначение в Крым; руководил переселением христиан из Крыма на пустующие земли Азовской губернии.
- ¹²⁴ Григорий Александрович Потемкин (1739—1791) — выдающийся государственный деятель, фаворит Екатерины II; «светлейший князь Таврический»; руководил присоединением к России Новороссии и Крыма.
- ¹²⁵ Абу Абдуллах Мухаммад ибн Исмаил аль-Бухари (810—870) — исламский богослов, автор наиболее авторитетного и достоверного сборника хадисов (высказываний пророка Мухаммеда) «Сахих аль-Бухари», составляющего основу сунны, дополняющей и объясняющей Коран.
- ¹²⁶ Александр Андреевич Безбородко (1747—1799) — канцлер Российской империи (1797), фактический руководитель внешней политики России с 1781 года; светлейший князь.
- ¹²⁷ Абадзехи — горское племя, населявших горы и предгорья Северо-Западного Кавказа до прихода русских. В 60-х годах XIX века большая часть абадзехов переселилась в Турцию.
- ¹²⁸ Идриоты — жители греческого острова Идра, знаменитого своими моряками. В период османского владычества остров был обязан поставлять ежегодно 250 моряков на турецкий флот. После Кючук-Кайнарджийского мира греческим судовладельцам было разрешено во избежание притеснений со стороны турок нести русский флаг, чем и пользовались идриотские корабли.
- ¹²⁹ Силахдар Сейид Мехмед-паша — великий везирь с августа 1779 по февраль 1781 года.
- ¹³⁰ Иззет Мехмед-паша — великий везирь с августа 1773 по июль 1775, с февраля 1781 по август 1782 и с октября 1794 по октябрь 1798 года.
- ¹³¹ Баш-чокадар — чиновник ханского двора, главный придворный посыльный.
- ¹³² Яков Иванович Булгаков (1743—1809) — дипломат, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Стамбуле в 1781—1789 годах, сыграл выдающуюся роль в присоединении Крыма к России.
- ¹³³ Сергей Лазаревич Лашкарев (1739—1814) — выдающийся дипломат, генерал-майор. Стоял у истоков создания Азиатского департамента Коллегии иностранных дел России. В 1807 году управлял Молдавией и Валахией.

- ¹³⁴ Антон Богданович де Бальмен (1741—1790) — генерал-поручик, командир отдельного Кавказского корпуса; граф.
- ¹³⁵ Михаил Никитич Кречетников (1729—1793) — генерал-аншеф, граф; во время пребывания Шагин-Герая в Калуге был генерал-губернатором территории, объединяющей Калужскую, Тульскую и Рязанскую губернии.
- ¹³⁶ Василий Алексеевич Чертков (1726—1793) — генерал-поручик, в 1776—1782 годах губернатор Азовской губернии, в 1782—1787 годах генерал-губернатор Воронежской и Харьковской губерний, в 1788—1793 годах генерал-губернатор Воронежской и Саратовской губерний.
- ¹³⁷ Шамиль (1797—1871) — имам Чечни и Дагестана, предводитель кавказских горцев. В 1840-х годах одержал ряд крупных побед над русскими войсками, но позже удача отвернулась от него. В 1859 году был осажден в ауле Гуниб и 26 августа (7 сентября) сдался в плен на почетных условиях. В 1866 году вместе с сыновьями Гази-Мухаммедом и Мухаммедом-Шефи принес присягу на верноподданство России. В 1869 году возведен в потомственное дворянство и получил разрешение отправиться в Мекку для паломничества. Умер в Медине, после совершения хаджа.
- ¹³⁸ Гази-Мухаммед (1833—1902) — второй сын Шамиля, старший из живых сыновей на момент выезда из России. В августе 1859 года был пленен вместе с отцом в Гунибе. После смерти отца получил разрешение на выезд в Турцию; во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов командовал турецкой дивизией.
- ¹³⁹ Наиб — в Османской империи судья шариатского суда.
- ¹⁴⁰ Вехби Сюнбюльзаде (1719—1809) — турецкий поэт; был учителем, судьей, затем послом Османской империи в Иране.
- ¹⁴¹ Касыда — жанр ближневосточной поэзии. Название происходит от арабского глагольного корня, означающего «направляться к цели» — поэт ставит определенную цель (например, прославление чего-либо или кого-либо) и должен идти к ней, соблюдая ряд правил.
- ¹⁴² Русско-турецкая война (1787—1791) — война между Россией и Австрией, с одной стороны, и Османской империей — с другой. Османская империя планировала в этой войне вернуть себе земли, отошедшие к России в ходе Русско-турецкой войны 1768—1774 годов, в том числе Крым.
- ¹⁴³ Очаков был взят русскими 6 (17) декабря 1788 года после долгой осады, продолжавшейся с конца июня, весь турецкий гарнизон был уничтожен. У русских существует предание, будто бы, получив известие об этом, султан Абдул-Хамид I умер от сердечного

приступа. На самом деле султан умер через четыре месяца после падения Очакова.

- ¹⁴⁴ По Ясскому миру Россия закрепила за собой все Северное Причерноморье, усилила свои политические позиции на Кавказе и Балканах.
- ¹⁴⁵ Дамат Мелек Мехмед-паша — великий везирь с 1792 по октябрь 1794 года.
- ¹⁴⁶ Челебизаде Шериф Хасан-паша — великий везирь с апреля 1790 по февраль 1791 года.
- ¹⁴⁷ Михаил Васильевич Каховский (1734—1800) — генерал от инфантерии. В 1783 году, командуя отдельным корпусом, участвовал в присоединении Крыма к России. С 1792 года генерал-губернатор пензенский и нижегородский. В 1794 году получил под командование войска в Крыму. Командир Таврической дивизии в 1796—1800 годах.
- ¹⁴⁸ Тем не менее Джанибек-Герай, приемный сын предыдущего хана Селямэт-Герая I, побывал ханом даже дважды — в 1610—1623 и в 1628—1635 годах.

Глава I

Общее состояние Крымского ханства в начале XVIII века. — Соперничество из-за власти и раздоры между сыновьями Эльхадж-Селим-Герая I. — Ногайские волнения при Гази-Герай-хане III. — Неудачный поход Каплан-Герай-хана I в Черкессию и свержение его. — Враждебность Девлет-Герай-хана II к России. — Несчастный Прутский поход Петра Великого. — Судьба верховного везира Балтаджи-Мухаммед-паши и Карла XII 5

Глава II

Политические виды Каплан-Герай-хана I. — Мятежи Бахты-Герая в Черкессии и бунт янычарского гарнизона в Азове. — Вынужденная потачка Порты крымцам, отвергшим Кара-Девлет-Герая III. — Неладья Сеадет-Герай-хана III с крымской знатью, стоившие ему трона. — Политическая программа Менглы-Герай-хана II. — Вражда двух сильных партий в Крыму, во главе которых стояли Мердан-Али-ага и Джан-Тимур-мирза. — Приговор Абу-с-Сууда-эфенди и казнь Абду-с-Самада-эфенди. — Мятеж ногайцев под предводительством Аадиль-Герая и усмирение их. — Внутреннее управление Менглы-Герай-хана II и падение его 24

Глава III

Возвращение крымских эмигрантов с воцарением Каплан-Герая I. — Каплан-Герай на совете сановников Порты. — Донесения Неплюева своему правительству. — Татарские вспомогательные войска в персидской кампании турок. — Русское вторжение

в Крым. — Размышления по этому поводу одного татарского шейха. — Повествования татарских и турецких историков о нашествии русских. — Удачные набеги Фэтх-Герай-хана II. — Вторичное вторжение русских в Крым и произведенные ими там опустошения. — Кяхья верховного везира Осман-ага в роли дипломата. — Вторичное ханствование Менглы-Герая II и его политические соображения 42

Глава IV

Разноречия историков относительно преемника Менглы-Герай-хана II. — Кратковременное властвование Селямэт-Герай-хана II. — Энергия и изворотливость Селим-Герай-хана II в делах внутреннего управления и внешней политики. — Бунт Шагин-Герая в Буджаке (Бессарабии). — Мирный характер царствования Арслан-Герай-хана I, отвечавший намерениям Порты. — Поднятие вопроса о русском резиденте при крымском хане и о постройке крепости в Новой Сербии. — Характеристика Халим-Герай-хана I. — Интриги Крым-Герая. — Известия Пейсонеля об обстоятельствах смены Халим-Герая и воцарения Крым-Герая 57

Глава V

Образ действий Крым-Герай-хана I во внешней политике. — Русские при дворе его. — Донесения хана в Порту о русско-польских делах. — Турецкая мемория о положении дел в Польше. — Популярность Крым-Герай-хана. — Разноречивые известия о причине свержения его. — Анекдот о шапочнике и о Крым-Герай-хане в связи с отставкой последнего. — Смешение личности Селим-Герай-хана III с предшествовавшими ему соименными с ним ханами. — Представление его в Порту о недопущении впредь русского резидента в Крым. — Потачка его татарским разбойничествами. — Прикосновенность его к польским делам. — Международное положение Порты по изображению Васыфа-эфенди. — Кратковременность вторичного ханствования Арслан-Герай-хана I и царствования Максуд-Герай-хана I 71

Глава VI

Поведение барона де Тотта в Крыму и балагурство его мемуаров. — Личность Крым-Герай-хана I и смерть его. — Ничтожество Девлет-Герай-хана IV. — Разногласие отзывов о Каплан-Герай-хане II. — Настроение османской армии и поражение турок и татар от русских. — Военные успехи Каплан-Герая. — План императрицы Екатерины II о высвобождении Крымского ханства из-под турецкого верховенства. — Смена Каплан-Герая Селим-Герай-ханом III 87

Глава VII

Мемуары секретаря Ибрагим-паши, бывшего в русском плену. — Известия их о крымских событиях. — Рассказы о расположении Каплан-Герай-хана к русскому подданству и сомнительность их. — Затруднительность кампании и празднотаиство Селим-Герай-хана III. — Расправа турецких войск с Абазех-Мухаммед-пашой. — Мирные действия русских в Крыму. — Вступление Шагин-Герая на историческое поприще. — Описание жалкого состояния турецких войск и целесообразного поведения крымского хана, находящегося у турецких историков. — Бегство хана из Крыма и всеобщее смятение среди крымских жителей. — Плен турецкого сераскер-паши. — Сделка крымцев насчет уступки земли своей русским. — Различное объяснение причин бегства хана. — Сношение кафинцев с русскими. — Поведение Сахыб-Герая и Шагин-Герая, по изображению турецкого мемуариста. — Настроение крымского населения, христианского и мусульманского, благоприятное русским. — Взятие Кафы русскими и переговоры их с татарами 103

Глава VIII

Татарская оппозиция предложениям русских уполномоченных. — Переговоры русских дипломатов с турками в Фокшанах. — Рассуждения в государственном Диване Порты относительно положения татар и возобновление войны с Россией. — Номинальный хан Максуд-Герай I в Рушукке. — Бесплезность его существования. — Колебание татар. — Неудавшаяся Крымская экспедиция Джаныклы Али-паши. — Положение Крымского ханства по условиям Кючук-Кайнарджийского мира и несостоятельность Сахыб-Герай-хана II. — Происки Шагин-Герая. — Мязежнический образ действий Девлет-Герая и достижение им ханского трона 119

Глава IX

Нерешительное поведение Порты относительно Девлет-Герай-хана IV и России и стойкость русской политики. — Отношение крымского населения к своему избраннику Девлет-Герая и к русскому кандидату на ханство Шагин-Герая. — Систематическая казуистика князя Прозоровского в сношениях с крымско-татарским правительством и упорство татар в противодействии русским планам. — Нерасположение татар к Шагин-Герая. — Тщетные расчеты Девлет-Герая на удержание за собой ханского трона. — Политический раскол среди вожяков ученого сословия в Крыму. — Командировка турецких соглядатаев для ознакомления с положением дел в Крыму. — Сборы Девлет-Герай-хана и отъезд его из Крыма. — Присяга татар на верность Шагин-Герай-хану I 137

Глава X

Конец Девлет-Герай-хана. — Татарская депутация в Порте. — Несочувствие Порты избранию в ханы Шагин-Герая. — Поспешность и бестактность Шахин-Герая в своих действиях. — Начало возмущения в Крыму. — Интриги Порты против России и ее кандидата на ханский трон. — Высадка в Крыму Селим-Герая III. — «Кровавые адреса» крымских жалобщиков в Порту. — Нота Порты к европейским державам о положении дел в Крыму и отношении к ним России. — Причина «остуды» Шагин-Герая с Суворовым и Константиновым. — Неудачный исход авантюры Селим-Герая III. 152

Глава XI

Бесцельная демонстрация турецкой эскадры у берегов Крыма. — Фантазии турецких государственных политиканов и критика их у Ресми-Ахмеда-эфенди. — Вторичная праздная экспедиция турецкого флота в Крым. — Дипломатическая предусмотрительность графа Румянцева. — Гонение на сторонников мира в государственном Диване. — Миротворческие старания Абду-р-Риззак-эфенди. — Айналы-Кавакская конвенция. — Недовольство Шагин-Герая условиями этой конвенции. — Депутаты Шагин-Герая, ходатайствующие в Порте об инвеституре для него. — Уклончивость Дивана в этом вопросе. — Командировка Сулейман-аги с поручением Порты к крымскому хану. — Покровительство Шагин-Герая Джаныклы Али-паше. — Приключения этого замечательного авантюриста, искавшего себе прибежища в России 168

Глава XII

Преобразовательные попытки Шагин-Герай-хана. — Чеканка монеты. — Мечты его о расширении своих владений. — Неблагоклонность Порты к территориальным притязаниям хана и принятые ею по этому случаю меры. — Экспедиция Ферах-Али-паши на Кубань. — Возмущение в Крыму и бегство Шагин-Герай-хана. — Избрание татарами на его место Бегадыр-Герая. — Взгляд иностранных историков на события, которыми сопровождалось присоединение Крыма к России. — Переписка Джаныклы Али-паши. — Безрассудные мероприятия Шагин-Герай-хана к упрочению своей власти в Крыму. — Манифест о присоединении Крыма к России. — Удаление Шагин-Герая в Тамань. — Водворение его в Калуге и петиция его к императрице Екатерине II о разрешении ему отъезда в Турцию. — Отъезд Шагин-Герая. — Известие об этом факте у турецкого историка Васыф-эфенди. — Негостеприимное

отношение турок к Шагин-Герая и причины этого. — Домысел Гаммера. — Печальный конец Шагин-Герая по сведениям из турецких источников 181

Глава XIII

Свершившийся факт и строптивость Оттоманской Порты в признании его. — Номинальные ханы Кубанские Шегбаз-Герай и Бахты-Герай. — Несогласие свидетельств крымского историка с турецкими документальными данными касательно характеристики Шегбаз-Герая. — Личные качества Бахты-Герая и вечное его скитальчество. — Последующая судьба членов фамилии Герайской, приютившихся во владениях покровительствовавшей ей Оттоманской Порты 197

Заключение 206

Примечания 211

Смирнов В.

- С50 Крымское ханство в XVIII веке / Василий Смирнов. — М. : Ломоносовъ, — 2014. — 232 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-230-1

Крымское ханство, осколок монгольского нашествия, едва обретя в XV веке независимость от Золотой Орды, уже через несколько лет стало вассалом Османской империи. Турки назначали и смещали крымских ханов, держали в Крыму гарнизоны, вовлекали крымских татар в свои военные предприятия. Два источника питали экономику ханства: набеги на окрестные земли и деньги, присылаемые из турецкой метрополии. Но по мере усиления России и дряхления Турции оба они стали иссякать. В последние десятилетия своего существования Крымское ханство неуклонно двигалось к потере даже той формальной независимости, которой обладало. О том, как происходил этот процесс, о судорожных попытках Турции удержать Крым в своей орбите и твердой воле Российской империи рассказывает книга Василия Смирнова.

Василий Дмитриевич Смирнов (1846—1922) — тюрколог, автор важнейших работ по истории Турции, профессор Санкт-Петербургского университета, создатель самостоятельного османского направления в русской тюркологии.

УДК 94(47).06

ББК 63.3(2)46

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Василий Смирнов

Крымское ханство в XVIII веке

Редактор Д. Агапов
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 14.04.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 14,5. Тираж 1200 экз.
Заказ 2046.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
т/ф. 8(496)726-54-10

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо
Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНОА
Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ ФРЭНСИС ДРЕЙК
и Уильям Дампир
Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР и ПЛИССИРОВКА ЮБОК
Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕНА ХЕДИНА
Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК у СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ и ПРЕДПИСАНИЙ
Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
до ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ и ПРОЧИЕ...
Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ и РУСЬ
Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ в ДРЕВНЕЙ РУСИ
и МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ и ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ и ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО в СРЕДНИЕ ВЕКА
Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА

Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ
Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА
Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
Алексей Смирнов. СКИФЫ
Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ
Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ
Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
ПЕЧЕНЕГИ
Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ В БИОГРАФИЯХ
Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ КАРЛ ФИЛИПП,
или ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
Валерий Ярхо. ИЗ ВАРЯГ В ИНДИЮ
ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАННИЦ
Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ И ЛЕГЕНДАХ
Михаил Мочалов. ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ
Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА
Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ
МОСКОВИЯ ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ ГЛАЗАМИ ИНОЗЕМЦЕВ
Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II
Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ,
СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ
Галина Шебалдина. ЗАЛОЖНИКИ ПЕТРА I И КАРЛА XII
ТАМЕРЛАН — ПОКОРИТЕЛЬ АЗИИ

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

**Василий
Смирнов**

Крымское
ханство
в XVIII веке

Крымское ханство, осколок монгольского нашествия, едва обретя в XV веке независимость от Золотой Орды, уже через несколько лет стало вассалом Османской империи. Турки назначали и смещали крымских ханов, держали в Крыму гарнизоны, вовлекали крымских татар в свои военные предприятия. Два источника питали экономику ханства: набеги на окрестные земли и деньги, присылаемые из турецкой метрополии. Но по мере усиления России и дряхления Турции оба они стали иссякать. В последние десятилетия своего существования Крымское ханство неуклонно двигалось к потере даже той формальной независимости, которой обладало. О том, как происходил этот процесс, о судорожных попытках Турции удержать Крым в своей орбите и твердой воле Российской империи рассказывает книга Василия Смирнова.

Василий Дмитриевич Смирнов (1846–1922) — тюрколог, автор важнейших работ по истории Турции, профессор Санкт-Петербургского университета, создатель самостоятельного османского направления в русской тюркологии.

ISBN 978-5-91678-230-1

9 785916 782301